

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

2065352870

ПЕТРУШЕВСКАЯ

не садясь в машину, где двое

(истории и разговоры)

ПЕРВОЕ
ИЗДАНИЕ

ALPAC

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ
не садись в машину, где двое
истории и разговоры

Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос = Рус) 6
ПЗ1

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

В настоящем издании сохранена авторская пунктуация

Издательство выражает благодарность
литературному агентству «Goumen & Smirnova»
за содействие в приобретении прав

Петрушевская, Л.

ПЗ1 Не садись в машину, где двое: истории и разговоры: сб. / Людмила Петрушевская.— М.: АСТ: Астрель, 2011.— 443 с.

ISBN 978-5-17-072665-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-37684-9 (ООО «Издательство Астрель»)

Вы держите в руках новый сборник Л. С. Петрушевской «Не садись в машину, где двое», который представляет собой то, чего обычно никто из читателей не видит, то есть копию блокнотов автора. Именно там она записывает все, что приходит в голову (а может, и бьет в самое сердце),— свои сюжеты, пьесы, рассказы, сказки и много чего еще. В книге есть любовные новеллы, есть мистика, есть смешные и неожиданные пьесы и те сказки, что автор уже давно называет «нынешние».

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос = Рус) 6

© Людмила Петрушевская, 2011

© ООО «Издательство Астрель», 2011

© ООО «Астрель-СПб», оригинал-макет, 2011

© Getty Images \ Fotobank, фото на обложку, 2011

РАССКАЗЫ

НЕ САДИСЬ В МАШИНУ, ГДЕ ДВОЕ

Девушка — видимо, это наступил ее брачный момент, всплеск счастья или его предчувствие, выброс некоторого призыва в пространство, в белый свет, и он выразился в том, что дева надела на себя все самое лучшее, ведь наступал праздничный вечер с салютом и гуляньем народа, — так вот, девушка тоже тронулась с места, вон из дома, хотя ее никто не ожидал и не позвал.

У нее к весне освободилось сердце, милый молодой человек, архитектор, который занимал ее мысли всю зиму, отошел в пространство, сам собой растаял.

Он был прекрасный, тонкий и умный, веселый, сдержанный юноша моложе девушки на два года, а ей скоро исполнялось двадцать один. Они гуляли и целовались на морозе, в подъездах, на безлюдных выставках, в ночном метро у конца платформы, в музее Пушкина.

Дома болела ее мама.

Однажды вечером, когда они наконец оказались вдвоем в пустой квартире (мама легла в больницу), он закурил, стоя у окна, а девушка шутливо шлепнула его по руке, в которой он держал коробок спичек, ей показалось, что она играет роль какой-то женщины-вампа,

это сцена из фильма, смешно! Освободи руки, обними меня наконец, мы одни, как бы сказала она своим преувеличенно страстным жестом. Она первая неловко к нему прижалась, поцеловала как на морозе, но он отступил. Объяснил, что в детстве перенес две операции, что ему нельзя находиться на солнце, летом он уезжает на север, вот.

И на том произошел конец, раздался стук двери, и затем хлопнула дверь лифта.

Девушка ничего не поняла, но больше ему не звонила, и он тоже не позвонил с тех пор никогда.

Сначала она ждала, что придет известие о его смерти, но донеслись, наоборот, новости о его победе на конкурсе студентов-архитекторов. Какие-то миры будущего, надо же. Сердце облилось кипятком.

Странная история, тем более что он говорил, что его мама говорила, что ничего, что жена старше. То есть он уже сообщил маме об их дружбе. Его семья с нетерпением, само собой подразумевалось, ждала встречи с невестой сына. И вот такой постыдный финал! Вышибла коробок спичек из руки! Вамп!

То есть все кончилось в жизни. Круглое одиночество, сиротство в этот прекрасный, теплый, долгий праздничный вечер.

Девушка еще с детства тяжело переносила праздники, она всегда уговаривала маму пойти на Новый год к кому-нибудь в гости, и плакала, когда мама клала телефонную трубку, пожимая плечами и говоря смущенно: «Они сами уходят».

А потом девушка прочла, что об эту пору бывают даже самоубийства, потому-то в развитых странах именно в такие проклятые вечера запускают теле-

программы, в которых нет ни слова о происходящем вокруг, идут обычные фильмы и передачи о животном мире. За окном фейерверки, а на экране спокойное, будничное течение вечера, переходящее в скучный ночной концерт или в беседу о достижениях науки. И многие с благодарностью смотрят такую белиберду, лишь бы не думать о своей отверженности.

Мама девушки лежала в больнице уже месяц, потому-то и освободилась квартира (как оказалось, ни за чем) — и образовалась полная свобода.

В этот теплый, радостный праздничный вечер девушка вовсе не думала о своем одиночестве или отверженности. Она как будто собиралась на свою свадьбу, честно! Вымыла голову с ромашкой, высушила, так что светлые кудри распустились по плечам, потом тщательно, скрупулезно накрутила ресницы, которые теперь достигали бровей, если распахнуть глаза. Распахнула глаза, то есть выпучила их перед зеркалом, осталась довольна. Такие очи! Ресницы как лапки у жука! Затем изобретательно накрутила рот двумя помадами, темной и светлой, так что он теперь напоминал бутон.

Она надела свое лучшее платье, которое сама сшила, и свои лучшие черные туфельки на каблучках. Они немного жали, но ерунда! Ноги в них выглядели совсем маленькими.

Она решила позвонить подруге. Та сегодня сидела дома одна.

Анамнез ее болезни был таков же: у нее тоже что-то к весне обрушилось, какая-то любовь всей жизни, веселый студент-художник оставил ее, кончились бесконечные позирования, застолья в чужих мастер-

ских, заботы о его курсовых и выставках, развеска полотен, вернисажи старших товарищей и пустые вечера после его занятий в бассейне. Он выматывался в эти дни и ничего не мог, добирался до своей кровати и засыпал. То есть в понедельник и четверг она была открыта для дружбы.

И вдруг наполненность чужой жизнью у нее вообще оборвалась, и красивая подруга тоже оказалась одна, сама перед собой. То есть, конечно, все имелось в наличии: предстоящая весенняя сессия, учебники, университетская читалка, проблемы с курсовой работой, да. Подруги, друзья, кавалеры, да. Новая юбка. Дни рождения, в гости на дачу, всё в наличии как всегда, но безжизненно, раз не освещено любовью. Никого ведь нет.

Так что подруга лениво и равнодушно, без энтузиазма откликнулась на звонок, да, буду дома, нет, гулять не пойду. И ты с ума не сходи. Она проявляла жесткость в некоторые моменты, эта подруга. У нее учиться бы и учиться как себя держать, как переносить беду.

Во всяком случае, стало ясно, что подруге полегчало в данный момент: она отказала. Теперь уже сама она не согласилась. Ей сейчас было прекрасно возлежать с книжкой на тахте. Она отвергла все развлечения.

Но все равно, отказано так отказано, невелика беда, а поезд уже уходил, и наша девушка прыгнула в него и поехала. Кудри ее развевались, ресницы распахнулись навстречу теплоте, сияющему майскому вечеру.

То есть она поехала пока что на автобусе.

И сошла в центре, у кинотеатра «Ударник». Дальше автобус не шел, потому что все перекрыли.

Садилось солнце. Предстояло пересечь мост пешком, мост через светлую, широкую реку, и идти дальше по площадям, где гремела музыка, идти, переходя от одной улицы к другой в шумных толпах: праздник! А потом еще будет салют!

Но тут туфельки дали первый звонок: идти было почти невозможно. Мчатся в автобусе на мягком сиденье — да, но не идти.

Девушка, стараясь не хромать, решила преодолеть площадь и сесть на автобус в обратную сторону, надо ехать домой переобуваться. Что делать!

Она, тем не менее, шла как одинокая цветущая весна, как героиня фильма в своем маленьком черном платье, в маленьких черных туфлях, с копной светлых кудрей и с этими широко распахнутыми глазами. Она чувствовала на себе лучи чужих взглядов, на нее оборачивались мужчины, смотрели встречные, в том числе девушки и женщины.

Невестой она шла, одинокой ничьей невестой в толпе, под золотым небом, в хороводе огней, под музыку из автомобилей, которые медленной чередой ехали мимо, и оттуда тоже смотрели на нее пассажиры и водители, повернувши головы.

То есть она, если говорить честно, звала к себе мужа, зазывала первого, кто встретится на пути.

Такой зов для нее был как бы высшим моментом любви к себе, к своим сверкающим глазам, к своему маленькому телу и длинным ногам, к прекрасной груди. Она-то после душа увидела себя в зеркале, и она пребывала в восторге и изумлении. Студент архитектуры не добрался до ее сокровищ. Да еще и маленькое платье, и туфельки! И кудри! Ресницы!

Она ждала внимания, кто-то должен был это великолепиие полюбить, и она бы его тоже полюбила. Разделенная любовь к себе!

(Собственно, у эгоизма не бывает соперничества, нет конкурентов. Но он снисходителен и иногда приемлет знаки внимания со стороны. Не слишком назойливые даже. Но все же приемлет. Так возникают союзы.

Невесты все до единой полны любви к себе, жены же, пережив расцвет, облетают как вишни, как яблони, только что их осыпали роскошные цветы — и вдруг пробуждение, реальность. Зеленые завязи, беременность веток.

Редко у кого из замужних остается прежняя восторженная любовь к себе. Она, скорее всего, перерождается в любовь к мужу, потом к своему ребенку, далее часто в ревность и в борьбу за главенство в семье.)

Но это так, к слову. У нас же другая тема. Любовь к себе часто встречает на своем пути не ответную любовь, но похоть, подобную позывам на низ, — именно похоть, то есть нужду тела в освобождении, которая ведет на охоту ловцов бабочек, истребителей пыльцы.

Возле нашей девушки затормозила машина, неважно какая, может быть, старый «мерс», битый БМВ, неважно. Она в таких вещах не разбиралась. Большая машина, на заднем сиденье сильно окрашенная, богато одетая особа, обратившаяся с какими-то словами к водителю (хозяйка?), довольно-таки взрослая, с прямой спиной, а впереди, рядом с шофером, еще один человек.

— Садитесь! — ласково сказал он, обернувшись к невесте. — Мы вас довезем куда вам нужно. Бесплатно, бесплатно. Мы катаемся по случаю праздника.

Остальные многозначительно засмеялись.

И он распахнул заднюю дверцу.

Наша девушка села рядом с той не очень молодой девушкой. Идти она почти уже не могла. Очень резали туфельки.

Она назвала адрес. Сразу стало весело и прекрасно.

— Только мы заедем тут недалеко, лады? Надо одного человечка встретить, — ласково сказал тот же голос впереди.

Они приехали в какой-то неухоженный дворик, по виду это были кулисы старого переулка, и заброшенное, осевшее двухэтажное строение встретило их подвальным холодом в подъезде, скверным запахом и темной, запыленной лампочкой.

— Нам сюда, — сказал тот же голос, открылась поцарапанная железная дверь, изнутри слышалась музыка, и девушка, стоявшая первой, вынужденно шагнула в потемки. Нанесло каким-то нежилым запахом пыльных бумаг, нагретых компьютеров, кислотатым духом бытовой химии и почему-то мокрых тряпок, здесь явно пользовались еще и кофеваркой — похоже, девушку привели в офис.

Тут шли какие-то праздничные приготовления, вдалеке стучал ножик и лилась вода, оттуда навстречу гостям выглянула еще одна тетка, даже постарше той, которая стояла сзади. Уборщица?

— О! Привет, кого я вижу! Какие люди!

Они все перецеловались со смехом.

— Вы с кем? — поинтересовалась уборщица, покрашенная по случаю праздника старая тетка лет сорока.

— Это вот наша девочка, — отвечал тот же парень, что в машине сидел впереди, и все засмеялись.

— А, поняла, ну что, бля,— сказала тетка и скрылась.

— Тебя как зовут? — спросил он, обернувшись.

Здесь, в коридоре, она увидела вблизи его лицо и помертвела. Он был похож на убийцу. Его друг тоже.

— Меня зовут Клава,— ответила на всякий случай девушка.

Оба парня заржали, повторяя «клава, клава».

Они ввели девушку в большую комнату, в центре которой находился раздвинутый стол с одноразовой пластиковой посудой, с салатами, нарезанной колбасой и бутылками в центре. Там сидели и стояли явные убийцы!

Составленные в углу компьютеры, календарь на стене, затасканные занавески, жухлые растения в горшках — обстановка эта производила какое-то гнетущее впечатление. Куда я попала, думала наша девица, что за бред? Куда занесло меня, идиотку?

Убийцы посматривали на нее вскользь, ухмыляясь.

Вошла та покрашенная баба, что ехала в машине.

— Идем-ка пока,— сказала она и показала рукой.

Они пошли по коридору.

В соседней комнатухе было еще теснее. Какие-то стеллажи с папками, большой заваленный бумагами стол и стол у дверей поменьше, факс, принтер, навесная полка с книжками и выющимся растением — и под нею почему-то тахта, раздолбанная, полинявшая, странная в таком месте. Сбоку виднелась еще одна, слегка приоткрытая, дверь.

Девушка села около большого стола на стул для посетителей и затосковала. Она подумала, что так может чувствовать себя кролик, вынутый из своей клетки и принесенный в сарай к топору. Смертная

тоска, вот как оно называется. Смертная тоска в ожидании неизвестного.

Парни гомонили за стеной, ржали, загремела музыка, а та женщина, которая ехала в машине, теперь как бы расслабилась. Сейчас она выглядела много старше. Она вроде бы даже сменила внешность, отвесила челюсть, ссутулилась и выпустила живот, словно ей больше не надо было быть образцовой моделью, поскольку перед ней стояла другая задача. Она села лицом к девушке за стол ближе к коридору, потыкала в кнопки компьютера. Он зажужжал. Баба воззрилась на экран. Она сидела сторожихой тут, в банде убийц.

— А где туалет? — спросила наша девушка.

— Идем, — отвечала тетка, покачав головой и скривившись.

Просительницу провели мимо включенного компьютера (там мелькала игра в бродилки-стрелялки), проводили по коридору до двери уборной и, судя по всему, постояли рядом в ожидании. Выйдя из вонючего, тускло освещенного сортира, девушка в сопровождении конвоя была доставлена обратно.

И снова села на стул.

А тетка вернулась к компьютеру.

Другая баба, та, что выглядывала из кухни, всунулась в дверь, позвала пальцем подругу, и между ними произошел быстрый и невразумительный разговор, обе почти шептали, причем охранница явственно выматерилась в ответ на последние слова старшей, той, что стояла в коридоре.

Ни в одном телевизионном сериале, ни в одном фильме бедная Клава не видела таких страшных баб. Они смахивали на настоящих убийц, которые сбро-

сили с себя маски обычных людей, потому что уже было незачем притворяться. Они щерились друг на друга. Или ей это примерещилось со страху.

По виду они походили вроде бы на сестер, но та, с кухни, выглядела поплоче, как кухарка на работе, и вела себя неприветливо. То ли какие-то прежние дразги всплыли между ними?

Та, что помоложе, явно презирала старшую убийцу.

Новоявленная Клава похолодела, когда младшая сказала довольно понятно:

— Иди, мы с крышкой (как будто она произнесла именно так) без тебя с ней разберемся. Не твоя забота, не лезь в чужую (дальше шел мат).

Клава дрожала крупной дрожью.

Та баба засмеялась и исчезла.

Охранница села на тахту, стряхнула с нее мусор, подняла с полу какой-то вскрытый пакетик, поглядела на Клаву, как бы призывая ее в свидетели. Показала головой на дверь, за которой скрылась та уборщица. Подняла брови, скривилась. Покачала головой. Мол, что здесь было такое. Выбросила пакетик в мусорную корзину.

Судя по всему, она тут не работала, в этом офисе.

Клаве как бы диктовали произнесенные мысли.

Похоже, что бабе доставляло удовольствие, поглядывая на Клаву, этим почти прямым текстом пророчить несчастной жертве ее близкое будущее на местной тахте.

Но инстинкт самосохранения велел Клаве независимо подняться и произвести осмотр тех немногих книг, которые находились в помещении. Там оказались, как ни странно, стихи Есенина, роман в бумажной облож-

ке под названием «Некрасивая», парочка дюдиков и телефонный справочник десятилетней давности.

Во входную дверь затрестили. Охранница-тетка оторвалась от компа и выглянула в коридор.

Там загремел замок, входили люди, бубнили радостные, пьяные, похабные мужские голоса. Кто-то провозгласил: «Ну че, б, нашли?» Тетка, хохоча, прокричала вошедшим свои приветствия. Ей явно хотелось к ним. Она уже наполовину выдвинулась в коридор. Она даже потыкала пальцем в сторону Клавы, как бы отвечая, что нашли, хотя этого пальца никто кроме Клавы видеть не мог.

Пленница в ответ (сердце бешено стучало) огляделась, якобы от нечего делать осматривая комнату, и повернулась к боковой двери. Затем девушка стронулась с места независимо, притворяясь свободным человеком, и открыла ее. Тетка не реагировала, возбужденно подавая матерные реплики в коридор. Девушка заглянула в соседнюю комнату. Там тоже стояли стеллажи и один стол с компьютером и факсом, а у противоположной стены находился еще один диван, на сей раз кожаный, черный, старый и грязный, как часто употребляемое ложе смерти. Там же угадывалось окно, занавешенное полинялой занавеской, Клава подошла к нему, оно (Клава проверила) выходило в другую сторону, как бы за угол дома. То есть соседей за той стеной не было. Кричать, стучать бесполезно. Окно к тому же оказалось загорожено снаружи металлическими прутьями.

Девушка вернулась и присела на свой стул, вылупив глаза. Она это увидела в небольшом зеркале напротив, что глаза у нее вытарашенные. Накрашенные вытарашенные глаза. Идиотка.

Тетка вякнула «ну», откликнулась на чей-то возглас, там, видимо, был призыв с матерной шуткой, она охотно засмеялась, обернулась к Клаве, все еще хохоча как смерть и показывая плохие зубы, и вскочила.

Девушка с бьющимся сердцем достала из сумочки телефон. Набрала номер подруги. Тихо сказала ей: «Меня куда-то привезли. Я не знаю куда». И тут же отключилась и спрятала телефон обратно, потому что тетка снова заглянула в комнату.

Тетка тут явно маялась без компании, она опять прокричала в коридор «А ты, б, че думал!» — подождала ответа, вскочила и исчезла, оставив дверь открытой.

За стеной громыхало, потом наступила тишина, ужас.

Стучали чьи-то ноги, слышался сдержанный, нетерпеливый мужской хохоток. Звенело стекло.

Девушка сидела вытаращившись против зеркала. Ничего не могла с собой поделать. Глаза были навывкате, огромные помимо воли.

В коридоре, видимо, у тех дверей, сказали:

— Я буду, б, первый.

— Щас,— отвечал другой мужской голос.

— У тя, б, трипак, ты,— невнятно продолжал первый.

— Где ны взял, б, нриппер,— специально, видимо, гнусавя, перебил его другой.— А у небя, б, сифон недонеченный. И ны мне нолжен сонню баксов.

И он заржал.

Женщина закричала там: «А че, у нас че, похороны?»

Опять забубнила музыка.

— А, за сотню, б, уступлю, только ты тогда с гандоном,— вякнул второй, и тут захохотали они оба.

— Че, че, б, сказали? — визгнул кто-то из комнаты, и те двое ответили вразнобой и со смехом «мы первые», вызвав этим гогот и поток торжествующих протестов, что Макс еще не приехал, Макс, Макс, не приехал еще. Вы че, Макс, Макс.

Начался крик, все веселились. Женщина хохотала с надрывом, как-то вызывающе. Даже, можно сказать, маняще, со стонами.

Слова «Макс первый» отдавались в стенах эхом.

Их там было много.

Клавин телефон начал сигналить. Она не успела его выключить, как тетка вошла и протянула руку.

— Давай отвечу? — произнесла она лениво.

Клава пискнула «щас, щас».

Тетка все стояла с протянутой рукой, помахивая толстыми пальцами с длинными когтями. Клава отдала ей сигналящий телефон.

Тетка вышла.

Клава спустя минуту пробралась к открытой в коридор двери, выглянула. Тетка, стоя там спиной к ней, вертела телефон в руках, игрушка испускала световые волны и орала. Тетка жала на кнопки. Однако телефончик все кричал: «Возьми трубу, возьми трубу!» Это друг-архитектор, когда-то, в далекие прошлые времена, в другой жизни, записал ей в качестве сигнала свой голос. Тетка, не сладив с чужим аппаратом, пошла, видимо, за помощью в большую комнату. «Возьми трубу»,— кричал из рая в ад архитектор.

Общество встретило бабу с мобильником (она что-то торжествующе объяснила) дружным одобри-

тельным криком и, наверно, какими-то действиями, и она опять захохотала, охотно и с визгом.

Начался, однако, крик «Дай мне, мне надо звонить» и ругань, видимо, кто-то доскребывался поговорить с родиной бесплатно, но другой уже орал: «Да тихо, не слышно ниче, алё», притом гремела музыка. Гопота.

На телефоне мало денег, они займутся им ненадолго. Господи, что же делать!

Клава быстро выскользнула из комнаты в коридор. Там было пусто. Сердце колотилось, как при побеге.

К выходу не пройдешь, на пути их комната.

Клава осторожно заглянула направо, на кухню.

Там никого не оказалось.

— Че? — спросили у нее за спиной. — Че рыщешь тут как эта? Че ищешь, подстилка, б...?

Тихая, подробная, мерзопакостная ругань.

Клава подпрыгнула от неожиданности.

За ней стояла та баба, вроде бы уборщица.

Клава начала говорить, но тетка вдруг оглянулась. Там, на пороге большой комнаты, стояла та, другая тварь, явно уже пьяная, которая, увидев происходящее, кивнула себе и сделала ручкой, что вроде все нормалёк, сторож на месте, и вдруг с визгом и невольным смехом исчезла, как бы утянутая обратно.

— Мне надо уйти, выпустите меня, я не знала, — дрожа, зашептала Клава. Слезы хлынули как водопад. — Я села к ним в машину, она мне сказала, подвезем! Что меня отвезут домой! Что они в праздник всех так возят бесплатно! Мне нельзя, понимаете? Она меня обманула! В машине сидела, пригласила! Я думала, если эта тетка жуткая там сидит, все в по-

рядке... Она заманила! Понимаете? Мне надо домой! Мама в больнице, будет звонить! Больное сердце! Она умрет! Мне нельзя!

— Ты девушка, б, что ли? — спросила та.

Клава кивнула вполне искренне и отчаянно.

Тетка поглядела в пустой коридор (из большой комнаты доносился крик по телефону, женский прерывистый хохоток, как при щекотке, мат и конское ржание), затем она хмыкнула, кивнула сама себе, подняв брови и поджав губы,— видимо, что-то припомнив, какие-то прошлые события,— потом вытерла руки о живот, как бы к чему-то готовясь, и двинулась вперед довольно тихо, всем своим видом призывая к осторожности, вошла в ближнюю комнату, потом завернула в другую, маленькую, раздвинула на окне шторы, поднялась коленками на подоконник, повернула шпингалеты в двойной форточке и открыла ее.

Там, за окном, был наглухо вбит ряд железных прутьев.

Баба, обернувшись к мнимой Клаве, вдруг заговорила:

— Ключи я от офиса раз потеряла, а дверь железная, позвонила бойфренду, он тут слесарь, подпилит мне там болгаркой (она показала на форточку с железными прутьями), потом привел пацана своего, ему десять лет, он залез через форточку, мне дверь открыл, ключи я взяла у курьера, заказала, и что — потом погода неделю офис ограбили, а я ментам не сказала, что парень через форточку лазит. Ну, замки они сменили, а окно не заделали, никто об нем не знал, моего бойфренда даже не допрашивали, я про них с сыном молчала, а эта, бля, его увела,— обер-

нувшись и кивнув в глубь квартиры, непонятно сказала она.

И с усилием отогнула в сторону один прут за форточкой, потом другой. Прутья опять выпрямились. На том она сползла с подоконника и ушла, не глядя на Клаву.

А этой узнице не надо было долго объяснять.

Десятилетний пролез!

Она, скинув туфли, вскочила к форточке, бросила вниз во двор сумочку, выставила руки на волю и стала раздвигать, крутя плечами, эти два упругих, мертвенно-жестких прута, вилась, плясала, как рыба на крючке, не замечая содранной кожи, а в квартире раздался далекий приветственный крик (кто-то пришел?!), он подстегнул ее как бич, она каким-то чудом пролезла вторым плечом, а дальше, до пояса, уже пошло легче, надо было лезть быстрее, быстрее, а крик приближался, она сползала вниз, сдирая кожу на руках, ниже и ниже, пальцами по прутьям, и наконец уцепилась за карниз, поскорей выдернула из форточки колени и ступни, находившиеся там, наверху, в опасности, да и ухнула вниз, в пропасть, всем туловищем, проехала мимо карниза, порвав платье и сильно оцарапавшись о зазубренный железный край, и приземлилась на запястья, почти их вывернув,— по счастью, там была вскопанная почва, в которую Клава угодила по очереди ладонями, локтями и коленками, потом сильно, с размаху, припечатавши все лбом. Она въехала как будто в какие-то грядки, спасибо, в мягкую землю, рядом с виском торчал стебелек рассады.

Домишко стоял не слишком высоко. А то она могла бы и с жизнью попрощаться, так тяжел был удар.

Звуков никаких Клава не издала. Может быть, невольно ёкнула, но окно-то их находилось за углом! Никто не мог услышать.

Увидела сумочку, подгрребла ее к себе. Оглянулась на дружный вой сверху. За решеткой плясали какие-то лица, оглядывались, раздавался крик, руки, как белые черви, вились вокруг прутьев решетки.

Быстро, но невыносимо вязко, как во сне, она встала с четверенек, и тут же оглянулась на чей-то крик. Видимо, за углом, из того подъезда, уже выскакивали люди. Беглая каторжница на подгибающихся слабых ногах, хромя, поскакала в другую сторону, к гаражам у ворот, подальше от дверей и окон страшной берлоги.

Сердце ее билось как язык колокола, по всей грудной клетке. Во рту пересохло, там ворочался липкий, корявый отросток.

Ворота!

Она выскочила в проулок и метнулась на другую сторону, влетела в чужой двор, побежала направо вдоль заколоченного дома и прыгнула в какую-то заваленную досками щель. Там не мог поместиться человек. Она ужом пролезла, забилась поглубже, втиснулась в песок, притаилась. Старалась не дышать. Крики на улице не утихали долго. Над ее головой кто-то протопал. Постоял в отдалении, ушел. Стукнули дверцы, затарахтело, машина выехала, шум мотора затих вдали. Потом машина приехала. Мотор заглох, хлопнули дверцы одна за другой. Стали орать. Ушли. Все ясно слышалось под досками, Клава еще подумала, слышно как в могиле, и усмехнулась почему-то. Начала дышать. Громко билось сердце. Буду лежать до ночи.

Спустя вечность, в полной тишине она выбралась, отряхнулась, побежала на цыпочках, согнувшись, вдоль дома, нашла проход налево, помчалась быстро, все сворачивая и сворачивая по задворкам, и на бегу осмотрела руки — покорябанные запястья налились отеками как вывихнутые. Грязное, мокрое, запачканное землей платье висело клочками.

Много позже в каком-то дворе она решила остаться, слава богу, там нашлась лужа, мутная, с бензиновыми разводами, и, шипя от боли, девушка помыла окровавленные колени, руки и стертые пятки.

И выпила из пригоршни, все время оглядываясь, гниловатую болотную жижу.

Ничего страшного, в реке вода тоже грязная, а в ней купаются и сглатывают, оправдывала себя эта одичавшая человеческая единица.

Как быстро она стала первобытной, как быстро поняла, что надо черпать водичку поверху. И ливень прошел вчера, заботливо думала она, как бы собираясь тут поселиться, обосновать стойбище. У воды же! Лужа стояла глубокая, сверху всегда бывает чище.

Она вышла наконец в переулок.

Дикая, странная девка вылупилась наружу, к людям, из тьмы той ямы. Как бездомная беженка под бомбами, как бомжиха со мгновенно приобретенным опытом. Она все просчитала, как дальше жить.

Домой было не дойти. До Зубовской, до подруги, ближе.

Глаза все еще стояли нараспашку, хотя уже набежала спасительная слеза.

По дороге шла Маугли, вышедшая из людских джунглей, уже наученная всему на целую жизнь.

Еще долго беглянка тащилась по неизвестным проулкам, шарахаясь от каждого автомобиля, от гаражей, от мужиков.

Прохожие смотрели на нее во все глаза. Видимо, кровь все-таки осталась кое-где, да и босые ноги привлекали внимание. Или мокрое, грязное платье в лохмотьях? Лицо?

Праздник грохотал петардами, налетали волны музыки, а мнимая Клава, как безумная, все скиталась по заулкам, боясь выйти на многолюдную улицу.

О метро и думать не приходилось.

В машину она бы не села ни за что. Да и денег не было.

Она шла босая, инстинктивно все вниз и вниз, добралась до реки, увидела набережные, Кремль весь в огнях, людей у парапетов, быстренько прохромала по мостовой и наконец ступила на мост.

Пришлось там долго стоять спиной к прохожим, как бы глядя на реку, пока не спустилась тьма. Все шло нормально, многие люди тоже позанимали места у перил, ожидая салюта.

На мосту уже не обращали на нее внимания. И слава богу. Народ не видел, что она босая и ободранная. Она ведь держалась лицом к воде.

Салют закончился.

Пока она добиралась до подруги на своих побитых ногах, настала ночь.

Ее несколько раз пытались остановить на ходу пьяноватые мужики, охотно, с погаными улыбками расставляя руки, ее окликали матом какие-то веселые

компании, приходилось бежать, выскакивать на середину улицы к машинам, хотя было очень страшно, но там, на виду, ее не трогали, хотя некоторые водилы замедляли ход, что казалось ей еще ужасней. Она понимала по крикам прохожих, что у нее вид изнасилованной, употребленной девки, а это обстоятельство, видимо, распалило воображение мужских масс.

Правда, встречались и проявления милосердия, скорбные, понимающие, заинтересованные бабские взгляды, а одна женщина с ребенком, которая шла навстречу Клаве по подземному переходу, вернулась, догнала ее и предложила пойти к ним домой. «Вымотесь, чаю попьете», — говорила она. Ребенок лет пяти смотрел на Клаву снизу огромными глазами.

Но цель была уже близка. Зубовская площадь.

Подруга встретила бродяжку плачем, криком «ты че людей с ума сводишь, где тебя носило, мне такое по телефону ответили, и сразу все время было занято», но потом подруга сквозь собственные переживания все-таки рассмотрела улыбающееся лицо, лохмотья, распухшие руки и сочащиеся кровью ноги, ахнула, обматерила, перевела дух, поднесла попить воды, отправила мыться, а потом, слушая радостный рассказ про форточку, тут же достала йод и пластырь из аптечки, прижгла все раны на лбу, на пятках, коленках и ладонях, а также ссадины и синяки, что надо залепила, нашла рыбу в морозильнике и ловко примотала скотчем заледенелые куски этой рыбы к запястьям, бормоча попутно «ведь сколько раз говорено, не садись в машину, где двое».

Был, был у нее, видимо, опыт, у красивой девочки. Недаром она тут плакала.

Не садись в машину, где двое

Дала бывшей Клаве тапочки без задников. Поставила чайник. Сделала бутерброды. Бросила подушку и плед на тахту. Велела спать.

— Дай маме позвоню,— опомнилась беглянка.— Скажу, что телефон потеряла. А то она в больнице уже с ума сошла.

Дальше все уже было как в жизни.

ДЕВУШКА ОЛЯ

Одна девушка по имени Оля забеременела, причем она не хотела этого, все произошло случайно.

Возможностей такого рода у жизни припасено достаточно, потому что природа заботится только о пополнении, чтобы народу прибывало, а больше ни о чем.

Природе нету дела до того, как с ребенком на руках устроить жизнь дальше, без страданий о прошлом, без страха перед будущим, и как рóстить дитя без отца.

Идите дальше сами, всё в руках судьбы.

И вот, повторяем, девушка Оля со страхом поняла, что она беременна. На отца ребенка никакой надежды не было, даже и говорить ему она не решилась, потому что знала — это не тот человек. Мало того, одна ее подружка уже была на сносях от того же парня.

Но эти двое поссорились, а наша девушка Оля, о которой идет речь, как-то однажды поддалась на ласку, на внезапные поцелуи, которых она никак не ожидала, — а в это время ее собственный бойфренд ушел к другой. Такая трагическая произошла предыстория.

И вот эта наша брошенная Оля, будучи в гостях на дне рождения, немножко выпила, и как-то вдруг, оказавшись в дальней комнатке с другом, не выдержала его ласковых поцелуев и слов утешения и, почти плача о своей несчастной доле, не воспротивилась. «Ну что ты, ну что ты,— бормотал этот друг, расстегивая ее,— ну что ты». Раз — и все произошло.

Дальше надо было делать аборт.

Однако по своей апатии, из-за безволия, из-за постоянных слез девушка пропустила срок, да она и не знала, когда можно, а когда уже нельзя.

И через два с половиной месяца, наконец собравшись с силами и пойдя к врачам сдаваться, она услышала, что уже поздно.

И девушка Оля оказалась в западне.

Та ее беременная подружка наконец помирилась со своим бойфрендом (так сказать, автором гола, т. е. Олиной беременностью), и они поженились.

А у нашей девушки все надежды кончились.

Она старалась ничего не есть, чтобы никто в доме не заметил. Убегала в институт на учебу, потом сидела в библиотеке, потом долго, два часа, добиралась домой пешком, чтобы сохранить форму, на кухню даже не заглядывала, а принимала душ и тут же ложилась спать.

Мать ее была тоже еще молодая, со своим бойфрендом, они жили в соседней комнате и занимались собой и своим мелким бизнесом.

Хорошо, что мама оплачивала учебу и давала на жизнь. Мама была у девушки добрая, но буквально рвала жилы, чтобы заработать.

Так, одинокая, задавленная своей беременностью, девушка Оля дождалась до весенней сессии, хорошо ее сдала, так что ее перевели на бесплатное отделение.

Наступало решающее время, то летнее время, когда уже надо было прожить последние два месяца перед родами.

Мать заметила наконец, что дочка плохо выглядит (перестаралась, переучилась),— и принесла ей денег, чтобы она отдохнула, поехала на две недели в Турцию.

Девушка согласилась, взяла деньги и изобразила, что все в порядке, что она купила себе в турагентстве путевку на проживание в отеле.

И в назначенный день девушка ушла из дома с чемоданом и деньгами.

Но на самом-то деле она уехала недалеко, на окраину: сняла там недорогую квартиру у хозяйки, которая переехала на дачу, и именно на эти же самые два месяца. Нашла объяву в Инете.

Хозяйка квартиры была рада, что у ее жилища будет охрана, и даже оставила девушке прошлогодние запасы варенья и круп. Со словами «ты это ешь, потому что я привезу новое».

Девушка начала питаться, уже ничего не скрывая, пополнела, много гуляла, чувствовала себя как нормальная беременная, как будущая мать, а своей маме соврала, что из Турции поехала с новой подругой к ней на Украину. Мама не возражала.

Когда пришла пора рожать (девушка поняла это, как это понимают все беременные, что час пришел), бедная Оля вызвала такси и приехала в родильный дом.

Роды прошли нормально, на свет появился мальчик, крошечный, с длинными черными волосиками.

Девушке сразу дали его кормить, положили дитя ей на грудь, и маленький припал к соску. Дорогой, беспомощный, жалкий человечек, самое главное в жизни, вот так оказалось.

И девушка принесла его в снятую квартиру, где уже кое-что припасла, к примеру подгузнички, пеленки, одеяльце и старую коляску. Пока она гуляла в местном сквере, удалось познакомиться с местными мамочками, и они ей натащили всего, что уже было не нужно их детишкам. Самое главное было кенгуру, рюкзачок для ребенка, поэтому она спокойно ходила и гулять, и в магазин, и все делала по дому, держа ребенка при себе, то есть в кенгуру на груди.

Однако вскоре должна была приехать хозяйка. И надо было идти в институт.

Свою мать девушка не хотела уведомлять о происшедшем, да и в институте никто ничего не должен был знать — не говоря уже об отце ребенка и о его жене. У них родилась девочка, ей было уже пять месяцев (Оля звонила общим подругам).

И пришлось поступить жестоко, наша мамочка отнесла сына в дом ребенка, сказала, что не может его содержать (пока что) и все оформила. И вернулась домой озабоченная, хотя и поздоровевшая, пополнившая, особенно в районе бюста.

Все детские вещи она отдала по объявлению в Интернете — встретила у метро с не очень молодой женщиной, у которой на руках был маленький ребенок.

Женщина сурово сказала «спасибо» и ушла. Видно, ей было неудобно за свою нищету.

И девушка Оля вернулась домой одна.

Мать только ахнула, увидев свою дочь, и сразу же ее спросила: ты с ума сошла, ты беременная? Грудь как расплзлась!

— Нет-нет, мамочка, что ты!

— Смотри у меня! — сурово сказала мать. — Из дома выгоню!

Девушка очень любила маму, но и боялась ее с детства.

Теперь возникла сложность в том, что надо было сдаиваться. В семь утра девушка Оля ехала кормить мальчика в дом ребенка, днем, после учебы, она сдаивалась дома и оставляла бутылочку в холодильнике, а вечером ехала опять же туда кормить свое дитя и оставляла молочко для других детей.

В доме ребенка к ней относились очень хорошо, даже поили чаем.

Беда была в том, что наша девушка Оля настолько полюбила своего мальчика, что с трудом уезжала от него. Стиснув зубы и стараясь не выть. Он очень похудел и выглядел жалко.

Но надо было продолжать учебу, впереди было еще три года.

Девушка никому не выдавала своей тайны, а так как и раньше она была как монашенка, никуда не ходила, все время проводила в библиотеке и в институте, то никто ничего не заметил.

Молчаливая, сосредоточенная, аккуратная, не особенно общительная, она жила как-то в стороне от своих сверстников и бывших друзей, пока однажды на улице не столкнулась с тем парнем, отцом ее сына.

Он остановил девушку и ее радостно стал спрашивать, как она живет, взял ее телефон, проводил до метро.

Еле живая, она поехала в дом ребенка кормить своего мальчика и долго его рассматривала: похож — не похож. Пока сказать было трудно. Детеныш у нее рос и менялся, уже улыбался вовсю, когда видел свою маму, волосики у него побелели, он был не очень толстый, но развивался хорошо. Хотя, конечно, выглядел горестно.

Но тот парень, отец ее ребенка, вдруг начал ей настойчиво звонить.

Он откровенно говорил ей, как подруге своей жены, о том, что все у них плохо, что в квартире дым коромыслом, буквально не отдохнешь после работы, жена злится, кричит.

Он это рассказывал, чтобы подруга жены как-то повлияла на эту жену, а то совсем не стало житья. И мать жены ругается, теща, а он еще молодой, хочется погулять.

— И давай ходим в клуб,— вдруг однажды сказал он.

Они поздно вечером встретились, потанцевали, поели — пить наша девушка отказалась. Потом парень проводил ее до дому, вошел в ее подъезд и хотел идти к ней.

Но получил поворот от ворот.

Девушка сказала:

— Я хочу тебе признаться, чтобы ты больше ко мне не приходил и остался с женой.

— Почему? Ты же мне нравишься, Оля!

— Вот почему. Ты помнишь, что сделал меня женщиной?

— Тебя?

— Да. Не помнишь? Когда вы с Таней поругались, мы были с тобой на дне рождения у Лены, помнишь?

И ты повел меня в маленькую комнату, и там все произошло.

— Ой, пьяный был, прости. Не помню.

— Ну ничего. Я сама виновата. А три месяца назад я родила.

— Ты?

— Да. Так что можешь спокойно идти и обо мне забыть. Я родила от тебя.

— От меня?

— Да. У меня никого нет и не было.

— Все вы так говорите.

— Да ты не беспокойся. Я ведь тебя не держу.

Пока!

И она села в лифт.

Больше он ей не проявлялся.

А через два месяца ей в неурочное время позвонили из дома ребенка и сказали срочно приезжать, мальчик заболел.

Оля поехала и осталась с сыном, не отходила от него, потом вызвали «скорую», и маму с ребенком положили в больницу.

Его удалось спасти.

Все это время Оля не могла заплатить за мобильник, а маме позвонила с больничного телефона и сказала, что попала по «скорой помощи» в отделение, но сюда не пускают, карантин. И не беспокойся обо мне, всё. И она положила трубку.

Через месяц их выпустили, но Оля уже не могла оставить сына в доме ребенка, он был слишком еще слаб. И она поехала с ним домой.

В квартире, слава богу, никого не было. Но ничего не было и для малыша.

Она завернула его в какие-то полотенца и простыни и положила его на свою тахту.

Поздно вечером она проснулась от стука в прихожей.

Мальчик затревожился и заплакал. Оля прислонила его к груди. Он стал сосредоточенно сосать.

Мама вошла в комнату, зажгла свет. Увидела дочь и ребенка во всей их красе, побледнела и прислонилась к притолоке:

— Ты что, все же родила? Я так и знала.

— Да,— ответила Оля.

Мать стояла не двигаясь.

— От кого? — наконец спросила она.

— Ну, от друга. Но он потом женился.

— Он знает?

— Да, я ему сказала.

— Я его убью.

— Не надо, у него дочка на пять месяцев старше моего Павлика.

— Убью, убью,— застонала мать и зарыдала, топая ногами и дергая себя за волосы.

Потом она кричала:

— Я чувствовала, я все больницы и морги обзвонила, а родильные дома не подумала! Дрянь ты, дрянь, что ты наделала! Всю нашу жизнь исковеркала теперь, я уже тебя схоронила, места найти не могла, тварь ты гулящая!

Мать села на пол, потом легла, громко и как-то распушенно рыдая. Она как будто плакала обо всем.

Ребенок закричал, тяжело задышал. Оля потребила его за носик, он опять стал сосать.

Наступило молчание.

Наконец мама поднялась и, покачиваясь, ушла.

Утром она убежала на работу, а Оля вышла в кухню, обнаружила в холодильнике молоко, сварила себе кашу, поела и задумалась. Мама, скорее всего, не будет ей давать денег. Мама ее возненавидела. Прожить не удастся. Придется нести сына снова в дом ребенка.

Она взяла маленького на руки и сидела с ним так до темноты.

Поздно вечером пришла мать и, не заходя к Оле, стала возиться на кухне.

Судя по всему, еще и ее сожитель исчез, Виктор Сергеевич, отставной полковник. Поэтому мать была такой откровенной в своих криках. При нем она бы не стала так себя вести.

Виктор Сергеевич был солидный, любил порядок, тишину, уют. Он имел семью в Белоруссии, но работал водителем в Москве, чтобы содержать жену, свою мать и двух детей в Гомеле. Жил он в Москве, слава богу, бесплатно, у мамы Оли, и она его кормила и покупала ему всякие вещи, куртку, сапоги, шапку. Свои денежки он экономил и посылал. Приносил только еду в дом.

Оля сидела, раздумывая о том, сколько она сможет продержаться вот так, без денег, без детских вещей, без подгузников, например, и без коляски. Да и за мобильник не плачено.

Назавтра она обзвонила своих прежних подруг, мамочек из того сквера, где летом гуляла с животом. Все им — трем — рассказала.

И через несколько дней ей привезли буквально мешки детских вещей и даже старую коляску.

Видимо, эти молодушки бросили клич, и заработал фонтан человеческого сочувствия. Да и детские вещи ведь все отдают и принимают, так заведено. Оля получила от них и дар — два больших пакета подгузников, и снова кенгурушку.

Они ввалились в квартиру веселые, с детьми наперевес. Сидели на кухне, пили пустой чай с сахаром. Всё поняли. Расстроенные ушли.

Мать к ней в комнату не заходила, и Оля сама не появлялась на кухне, пока мама там стучала и брэнчала.

Но утром все стояло на плите, суп и второе, овощное рагу, компот, и в холодильнике было молоко и творог.

Вдруг начали звонить старые подруги, и из института, и школьные.

Оля всем говорила, что родила, что сидит с ребенком.

В институте не могли поверить, как это так? Была же не беременная, и вдруг ребенок.

Позвонила и та подруга Таня, жена, смешно сказать, отца Олиного ребенка. Она, видимо, почуяла неладное, долго спрашивала, от кого мальчик. Оля отвечала, что не говорила никому про своего бойфренда, но сейчас, когда она родила, этот человек ее бросил, и она не хочет его вспоминать.

Все думали, что у Оли новорожденный, а ему было уже больше трех месяцев. Но Оля никого не звала к себе и отказывала, если кто-то хотел прийти.

С мамой все продолжалось так как было, то есть она не видела ребенка и не хотела его знать.

Но однажды Оля попросила ее купить памперсы.

Мать молча принесла на следующий день ей памперсы на возраст от месяца до трех. Оля вышла на кухню, сказала «спасибо» и объяснила, что Павлику скоро будет уже четыре месяца.

— Как — четыре? — медленно произнесла мать.

— Да. Я родила в августе.

— Ты? Где, на Украине?

— Нет. Я жила тут, снимала комнату.

— Ты не ездила в Турцию?

— Нет.

— Обманывала меня, честная доченька, — тяжело сказала мать и ушла к себе.

Но жизнь иногда заставляет людей становиться ближе. Мама Оли заболела.

Утром она никуда не пошла, тяжело протопала на кухню, потом обратно и затихла. Только кашляла. Приехала «скорая». Оля открыла на звонок и после ухода врачей заглянула к матери. Потом она отнесла ей чашку чая с молоком. Потом убрала посуду, протерла пол в маминой комнате влажной тряпкой, сменила на матери ночную рубашку, обтерла ее водкой (после Виктора Сергеевича полбутылки осталось в холодильнике).

Оля постирала материно белье, повесила, покормила ее геркулесовой кашей. Опять поменяла ей мокрую рубашку и все белье на постели. Все время поила ее горячим молоком с медом.

Мать лежала, как выяснилось, с воспалением легких, и Оля стала делать ей уколы, ее научила пришедшая медсестра, которая сказала, что не может ходить больше двух раз в день, а надо делать четыре укола, и посоветовала ей практиковаться на апельсине.

Девушка Оля

Через месяц мама уже пошла на работу.

Но Оля сама теперь заболела. Заразилась, видимо.

Поздно вечером, когда мама пришла домой, Оля не вышла к ней на кухню.

Ночью она сильно кашляла.

Мама походила-походила мимо двери, а потом зашла и сказала:

— Так. Я тебя заразила.

Оля молча лежала и кашляла то и дело. Ребенок спал в коляске.

— Ну ладно,— сказала мать.— Ты еще Павлика заразишь. Иди ко мне, я там тебе постелю. Я буду тут.

Утром мама принесла ей кормить Павлика и велела замотать полотенцем лицо.

— Парень так похож на тебя,— сказала она наконец,— просто вылитая ты. Как ты была маленькая. Ну, кто у нас красавец? Кто? Ну, кто?

И она заплакала, стояла и плакала, глядя, как дочь кормит ребеночка.

ЗАЕЧКА И АЛЕШКА

Заечка, бравая, хорошенькая по-американски, такая стриженная блондинка типа кинозвезды 50-х годов, какой-нибудь Дорис Дэй, и что ей оставалось делать в нашем мире, кроме как найти себе мужчину?

Все было брошено на данный фронт работ, с одним красавцем она пожила, приедем из Сибири, бегала к нему в гостиницу, ему было уготовано большое будущее тут, в столице мира, и он уже знал о том и гулял по Москве как король, вот эта Заечка у него была, потом (она все узнала) еще композитор Эмма, потом поэтесса, да и редакторши на телевидении все как одна, всё ожидало его, куда ни войди, безропотно. И Заечка тоже ждала его.

Но дома, в Сибири, у него сидела жена с ребенком, и ему оно не мешало, да вот Заечке препятствовало. Ей нужен был муж, и не просто какой-то там, а муж не ниже рангом, чем этот сибирский наездник, кривоногий, лихой, раскосый хан.

Не светских удовольствий, ресторанов и гостиничных номеров ей не хватало, приглашений было хоть залейся, с такими-то внешними данными, мордочка волшебная, просто как у курносого щенка, фигурка за-

гляденье, ножки всегда на каблучках, цок-цок, все мужские взгляды вслед, вечный театр, где она на сцене.

А вот свить гнездо, расположиться там в безопасности, в уюте-заботе, быть именно в своем доме главной актрисой, а не на улице и не на работе, не на ходу и не под постоянным током высокого напряжения, под прожекторами мужских взглядов, которые шарят и упираются и ведут в нужном направлении, и все кончается тем, чем кончается у кобеля с сучкой, излить накопленное и свалить по своим делам, именно что уйти, оставив.

Оставленной надо прибраться-помыться, печально принять меры, кобели-то не сдерживают себя, не заботятся о догнанной, покрытой и затем брошенной на дороге самке: что она, не ждет ли щенят и не поймала ли венеру.

Именно защиты, покоя и уверенности не хватало нашему щеночку женского пола, курносой, кудрявой и хорошенькой девушке. Все оставляют, уходят, маши платочком, жди звонка.

Печали. Тем не менее одного простодушного она поймала. Вроде бы влюбился, звонил, приглашал.

В конце концов оказалось, что тот, кто нашел в Заечке удобную для себя кандидатуру, не слишком был в нее влюблен, спокойный такой человек, без страстей и потери реальности.

Увидел что: аккуратную, справную девушку, симпатичную, свободную, легко идущую на контакт, не надо долго добиваться. Мало того, увидел опытную и умелую в постели подружку, не капризную, не требовательную и насчет денег не хищницу. Ничего не выгадывала, не ловчила, не хитрила, не капризничала.

Пришла в его комнатку в коммунальной квартире, пришла второй раз, сразу как пригласили, без кривляний и условий.

К себе она не звала, там сидела родня.

Как водится, отношения внутри ее странной семьи сложились непростые, там не одобряли образа жизни Заечки — ее образ жизни был, видимо, в глазах родни слишком легким, легким в том самом старинном смысле слова, чуть ли не как легкое поведение, нате вам.

Тут девушка старается создать семью, встречается то одно на жизненном пространстве, то другое, переживает, ищет, иногда советуется — а из любых таких разговоров с семьей получаются одни обиды. И в тот момент, когда все-таки она, Заечка, нашла свое счастье, вышла за Вову, уехала в его комнату в коммуналке, то встал вопрос о разделе квартиры, чему, разумеется, родня воспротивилась, — когда Заечка выселилась к мужу, там расправили, видимо, крылья, желая занять ее комнату (ведь в тот наивысший момент торжества и признания Заечки, что она выходит замуж, выяснилось, что мама ее скособочилась и заплакала, и на ее лице не возникло выражения сочувствия или радости, наоборот, был виден испуг, явный испуг, что начнется новая жизнь, что Заечка приведет сюда, в эту трехкомнатную квартиру, мужика, и ее, мамы, жизнь закончится).

Но тут все разъяснилось в противоположном смысле, то есть Заечка сказала, что собирается получить свою долю квартиры, и на этом всё кончилось, все отношения с мамой.

Мама начала активно сопротивляться, вызвала брата и его жену, чтобы они посодействовали, но Заечка добилаь чего хотела, предупредивши, что просто продаст свою комнатку, кто-то купит, и мама окажется с чужими людьми.

Но родня неожиданно приняла сторону Заечки в этой семейной шахматной партии, что зачем же портить жизнь друг другу, вы же мать с дочерью, чего там артачиться? Жизнь есть жизнь.

Брат мамы, конечно, был бы на ее стороне, но его жена вообще явно была недовольна, что их вызвали, и резко высказалась в пользу Заечки, сказав, что мы за справедливость. Злая золовка, по-другому и не скажешь!

И приданое Заечки оказалось довольно увесистым. Затем комнату в центре (Вовину) тоже продали и на все общие деньги купили хорошую двухкомнатную квартиру с большой кухней — хотя довольно далеко.

Но процесс объединения шел не так быстро, до того Заечка пожила с Вовой в коммуналке и буквально внедрилась как танк в спокойную жизнь Вовы и трех его соседак.

Ведь Вова привык к своему жилью в центре, и милые соседки его не обижали, и даже заботились о нем, когда умерла его мать, платили за него за квартиру, свет и телефон, только брали потом деньги, полагая, что этот бытово неполноценный, как все молодые мужчины, сосед нуждается в заботе и защите.

И когда они готовили к празднику, то всегда уделяли Вове то пирога, то винегрета, то салата принесут, то заливной рыбки.

И попутно и все время то одна, то другая, то третья подсовывали ему фотографии своих родственниц из провинции, девушек на выданье.

А тут, нате вам, в жизнь внедрилась новая хозяйка и повела себя с соседкушками твердо, отвоевала столик в кухне (Вова был рохля, сам не готовил, и после смерти его матери соседки как-то удобней расположились, раздвинув каждая сферу влияния в кухне, и Вовин стол стал их общим).

Нет, Заечка твердо попросила освободить бывший мамин столик от их барахла, а когда ее просьбу пропустили мимо ушей, она все вытащила из этих заплесневелых недр, сняла с поверхности и выставила на пол на газету: берите или выкину. И стол они с Вовой поздно вечером вынесли на лестницу, бери кто хочет.

Наутро уже его прибрали хорошие люди.

А соседки бушевали — что, что, явилась тут, на пол повыкидала!

— Стол был наш, Вовиной мамы, — твердо сказала Заечка.

Покричали, но всё разобрали-растащили, в том числе и мамины алюминиевые старые кастрюли.

А Заечка купила-достала и новые кастрюли, и новый столик и принялась кормить мужа.

Оказалось, что все не так просто, поскольку встретились две традиции, два мира: Вова-то любил все мамино, а Заечка готовила по-другому, и ей пришлось путем экспериментирования найти что-то похожее. Причем Вова не скандалил, не швырял макаронами, он просто все оставлял на тарелке.

Заечка выпытывала, огорчалась, снова готовила (а поди успеи все купить и доволочь после работы до дому).

И с деньгами у Заечки получалось вначале как-то неудобно: просить у Вовы? Дай на мясо, дай — иду на рынок, дай на стиральный порошок, нужны лампочки, у нас перегорело.

Вова давал не щедро, он все хранил в банке, он копил на машину, и, чтобы взять очередную сумму, ему надо было делать над собой усилия.

Заечка-то и сама работала, и ее денег бы хватило на хозяйство, однако она как-то горько задумывалась, почему я прислуга и любовница, да еще и оплачиваю все? И довольно быстро она сказала, что давай разведемся.

Вова, привыкший к своей идее о накоплении денег на машину, об экономном способе жизни, не был готов к такому повороту событий (ведь покойная мама ухитрялась кормить его из своей скудной пенсии, поскольку летом заготавливала из дешевого, закатывала банки, пахала на дачном участке).

И тут Вова призадумался. Ему определенно нравилась его новая семейная жизнь, жена научилась всему, готовила вкусно, он уже привык и полюбил ее еду, все блестело-хрустело, и сама она была приятная в быту и способная в постели, а тут такая новость!

Он был сбит с толку.

Заечка стояла на своем: надо разойтись.

— Что, чего, почему, ведь квартира, вот-вот мы купим машину!

— Купим-облупим, не надо,— отвечала задумчиво, глядя в бок, Заечка.

— Что, как, зачем? Что с тобой? Что не так?

Заечка молчала, глядя вбок. Впервые он увидел всегда покладистую, хорошенькую Заечку, куколку, немудреную игрушку, в таком суровом и неприступном виде. Он был растерян и стал похож на маленького мальчика.

Заечка, по-своему уже полюбившая своего незлобивого мужа, вдруг пожалела его и сказала (неожиданно для себя самой), что ей надо новую дубленку.

— Ну так бы и сказала,— облегченно воскликнул Вова.

Дубленка бы окупила с лихвой все Заечкины затраты.

— А где взять-то? — заботливо спросил Вова.

— В магазине,— ответила Заечка и назвала цену повыше.

Вова на завтра принес домой деньги.

И дальше Заечка уже манипулировала своим мужем как хотела.

А тут подвернулась хорошая квартира в центре — знакомые знакомых уезжали и срочно продавали.

Как-то сбыли с рук свое и оформили чужое, начался переезд в новое место, Заечка покупала мебель, обустроивала жилье по своему вкусу, все по ней, все уютно.

На новоселье явилось много народу, и тут Заечка увидела, что все любят и ценят ее мужа и даже говорят о том, что у него талант.

И она еще увидела его подругу с работы, восемнадцатилетнюю секретутку во цвете красоты, но не дешевую давалку, а студентку с будущим, к которой мужское сообщество относилось с благоговением и

колени преклоненно. Ее и звали-то все Алешка, записки брата и покровительственно.

Алешка же из всех отличала только Вову. Она о нем заботилась, с ним разговаривала своим тихим надтреснутым голосом, ему улыбалась. Все вокруг говорили о близкой свадьбе Алешки и что ей подарить, а она сидела возле Вовы и ему что-то негромко втолковывала, а он кивал.

Все сместилось в бедной башке Заечки. Все рухнуло, все кончилось. Ее жизнь, планы, ее рвение и преданность, все ее способности и прелести в постели — ничто не имело уже значения.

Тут у мужа была дружба, а против дружбы не попрешь, выйдет Алешка замуж или нет, вырастет в крупную фигуру или так и останется неизвестной личностью — ничто не имело тут никакого значения. Алешка и Вова всегда будут друг дружке преданы, и ни словечка нельзя пикнуть против Алешки, получишь сразу такой отпор, возникнет такая холодность и отчужденность, что лучше и не возникать.

И Заечке осталось терпеть.

Алешка звонила им домой не так часто, но звонила, и только по делу, всегда по делу, и Вова иногда после этих звонков срывался из дому, как рыцарь, спешащий на помощь.

Потом была Алешкина свадьба, на которой Заечка тоже была, потом девушку встречали из роддома, и Заечка тоже встречала ее, и иногда Алешка с сыном приходила и сидела на кухне у Заечки, сын на руках, сигарета в стороне, Алешка сидела как будто у нее на земле больше не было места, где покурить и помолчать.

Потом Вова приходил, все ужинали, потом он шел провожать свою Алешку.

Шли годы, Заечка перестала работать, Вова хорошо получал, у них была машина, дача и большая квартира.

Алешка же развелась с мужем и переехала в другое жилье, снова вышла замуж, тоже выбилась в люди, работала на телевидении и превращалась в звезду — но, когда ей было нужно, она приходила, курила с Вовой в его кабинете, они тихо разговаривали, потом шли ужинать на кухню к Заечке.

А сама Заечка усыхала, теряла всю свою энергию, вдруг начала падать на ровном месте, сломала руку, потом ключицу. Она хлопотала по хозяйству, однако уже очень вязко, как в болоте, медленно стряпала и убирала, стирала, ходила на рынок, гладила белье и мыла посуду.

И жаловалась, жаловалась Алешке, что не могут поставить диагноз, шлют от доктора к доктору, говорят, что у нее менопауза слишком рано началась, чувствую себя плохо, плохо.

Алешка, которая звонила Вове, довольно часто натыкалась на Заечку и участливо спрашивала ее о здоровье, а Заечка все более замедленно и вязко, замолкая в бессилии и шепча что-то неразборчивое, рассказывала ей о том, что не могут поставить диагноз.

Заечка понимала, что добрая Алешка жалеет Вову, у которого дома все так плохо, и вдруг в доме появились врачи, после чего Заечку клали в больницу, откуда она через несколько дней просила ее забрать, потому что спать невозможно и врачи не могут поставить диагноз.

Заечка уже знала, что диагноз-то есть, психиатрия, но в психушку Вова ее не клал, как-то не решался.

Наступил день, когда все скрылось в черном пространстве — Вова как раз уехал в командировку, на хозяйстве осталась приходящая работница.

Заечка была как бы без сознания, но все слышала, все разговоры вокруг себя, и что Вова наконец приехал и испуганно спрашивает, что делать, а чей-то знакомый голос говорит, что не надо в психушку, а давай вызовем «скорую помощь» и скажем, что инсульт. Алешка, Алешка опять. Потом Вова по телефону вызывал «скорую помощь» и сказал, что да, рот искривлен. А потом какая-то женщина грубо кричала, что из-за вашей тысячи меня посадят, мы не можем в ту больницу, ну ладно, а потом несли и везли в машине на жестком ложе, а потом после полной тьмы Заечка открыла глаза.

Ей как раз кто-то надевал памперсы, бумажные трусы, было страшно неудобно и неловко. Заечка была испугана и открыла глаза.

Этот кто-то выпрямился, нагнулся над лицом Заечки, убрал с ее лба мокрые волосы, погладил по голове.

Заечка хотела сказать вежливое «спасибо тебе, Алешка», но не могла, только отчаянно, выкатив глаза, смотрела.

Такой она и осталась в памяти мужа, огромные глаза, испуганные и в то же время грозные.

ТАМИЛА

Кто они были — девушки с плохой биографией, порченные души, второсортный товар, больные. То есть как прямо и ответил ей муж по межгороду: да, нам надо расстаться, у тебя и дети будут больные, маму врач уже предупредила. Не палатный врач, нет. Серьезный врач, мамина родственница. Кто — тетя Галя. Тетя Галя? Так ведь она сама меня сюда устроила, сама мне поставила диагноз, и он не подтвердился ведь! У меня нет рассеянного склероза! Тетю Галю твою вообще уволили отсюда! Мне сказали!

Разговор шел по телефону из ординаторской. Возражать Соне муж не стал, хотя по его тону заметно было, что девушка наступила на хрупкую семейную гордость: тетя Галя вообще кто? По сравнению? Святыня и легенда! Соня вскоре это поняла по модуляциям телефонного голоса: человек недоволен.

Самое интересное, что девушка Соня не заплакала в тот же момент, кто же плачет в минуту казни! Пересыхает горло, схватывает гортань как клещами, безумно бьется сердце, дрожат конечности. Пот выступает. Тело становится легким, нездешним. Вот как бывает перед концом.

Что она сказала:

— Все равно у меня будет сын.

— Ну пока,— ответил межгород и забибикал.

Пока — то есть на всю жизнь.

Перед тем в больнице произошло маленькое происшествие: Соне погадали по линиям руки. Ее сопалатная подружка, женщина из города Челябинска, давно уже была известна в отделении как ворожея, ее бабушка оказалась сербиянка (то есть как бы цыганка), она предсказывала вроде по кофейной гуще, но (Тамила сказала), это она делала просто так. Бабушка сразу видела будущее. Для солидности и продления она раскидывала и карты. Но уже когда человечиска к ней входил, все становилось понятно.

Тамила, по несчастью, унаследовала все дела от бабки.

Черные глазища, действительно черные, черные кудри, даже в больничном халате она выглядела как королева чардаша, какая-нибудь звезда оперетты. Ну и это знание будущего. Оно прорывалось у нее как адское пламя. Молчала, молчала. Ничего не говорила.

Сама Тамила упала на вокзале, ее привезли на «скорой помощи» без сознания. А Соню в то же самое отделение с подозрением на рассеянный склероз прислала тетя Галя, жена брата мамы мужа, во как. Невестка Сониной свекровки, далекая во всех смыслах родня. Отношения между ними (пожилой свекровью и женой ее брата) были как всегда бывают между богатыми и бедными, между москвичами и провинцией. Тетя Галя царствовала, а иногородняя Ольга Генриховна гордо, безденежно и весело прово-

дила свои дни бывшей солистки оперетты, ныне певицы хора местного оперного театра. Прохладные отношения имели место с обеих сторон. И когда девушка Соня по телефону пожаловалась из Москвы иногороднему мужу, что каждый вечер температура, то Ольга Генриховна обратилась тоже по межгороду к брату Густаву обратно в Москву, а брат потревожил свою жену-врача Галину.

(Поясним, что Соня и Данила были да, супругами, но жили в разных концах длинной железной дороги, пятнадцать часов езды скорым поездом.)

Причем у Сони и Дани, у каждого, имелась в наличии мама, и на каждую такую двухместную семейку приходилось по одной комнате в коммунальной квартире. У Дани двенадцатиметровка, у Сони шестнадцать квадратов, перегороденная книжным шкафом.

То есть когда юные влюбленные весело проводили время на каникулах в южном спортлагере, когда целовались ночью на пляже, когда катались друг к другу в плацкартных вагончиках и плакали на перронах, когда звонили и писали письма, все становилось прекрасным, странным, вечным, загадочным. Но как только поженились, началось: да где вы будете жить, да на что, оба студенты, а если дети? И ни одна мать не видела для себя возможности наблюдать противоположный пол в одной кровати со своим ребенком. Слушать это все, находясь в пределах вытянутой руки.

Мамы были хотя и пожилые сами по себе, но, не исключено, что с надеждами тоже. Сорок лет и тридцать восемь лет! У каждой откуда-то кавалеры,

звонки, свидания и просьбы не приходиться домой тогда-то в восемь вечера до одиннадцати.

Когда Даня являлся в Москву, он жил у дяди Густава Генриховича на раскладушке, и тетя Галя проявляла неудовольствие, разумеется. Когда же в провинциальный городок приезжала Соня, то вообще была каша: двенадцать метров, Соня с Данькой на материнской кровати, мать на его раскладушке после работы, после спектакля! Никто не спит, мать ворочается, Даня не выдерживает. А что делать?

В общем, история непростая и с горячим желанием обеих старших женщин, чтобы данное происшествие как-то выветрилось, прошло, исчезло.

Бывают ситуации, когда семьи всем скопом провозжают негодный товар вон из своей жизни, вываживают — ничего вроде не деля, стараясь как бы на благо будущим теньям, пыхтя и надрываясь, — но род есть род, и бросовые, лишние люди уходят первыми. Род плачет, поминает, высматривая по сторонам следующие по счету души, вставшие в очередь на выход.

Так и эти молоденькие веточки семейного древа должны были быть выломаны и выкинуты без продолжения рода.

Новобрачным твердо внушалось, что детей не надо пока что. Соню мать сводила к своему престарелому гинекологу, Соня рыдала и не шла, но древний род в лице одной только ее матери настоял на своем праве заглянуть во чрево, готовое заплодоносить. Заглянули. Соня пока что оказалась пуста.

Дане, видимо, тоже сказали что полагается — дядя Густав, может быть. Даня теперь предусмотрительно

брал с собой в койку тряпочку, после трудов кончал в нее.

Быт, быт, нищета! Чем нищее, тем безобразнее устраивается быт, тем больше бережется старых ботинок, полт, сумок и неработающих телевизоров.

Мама Сони стеснялась Данилы, будто бы не знала, как себя вести с ним. По природе же своей она привыкла кокетничать со всеми встречными штанами, в том числе и на улице. У нее на каждой работе были шумные романы-скандалы с начальством, постоянные разборки с каким-то капитаном, беготня по подъездам, а также многолетний одноглазый сожитель раз в неделю в субботу вечером. Но в случае с Сониным мужем кокетство не то чтобы выглядело неуместно, все оказалось как раз наоборот: мама Сони возненавидела Даньку с первого сообщения о неожиданной свадьбе, подозревая в нем провинциала, желающего подселиться не хуже лазутчика во вражеский лагерь.

Поэтому род не дремал. Ольга Генриховна, провинциальная мама новоявленного мужа, тоже хорошая кокетка, нашла союзника в лице тети Гали, последовали звонки по межгороду, в результате тетя Галя приняла Соню, спросила, как она себя чувствует,— и напоролась на неуверенный ответ, что вроде нормально. А что, почему вроде? Да небольшая температура по вечерам. А какая? А такая, тридцать семь и четыре. Ого! (Сказал семейный род насторожившись. Нам прислали негодный товар!)

Тетя Галя была невропатолог. Тетя Галя немедленно провела свою экспертизу и поставила неутешительный диагноз. Тетя Галя забила в колокола и по-

ложила свою сикось-накось приبلудную племянницу накрепко, в инфекционную неврологию!

Семейный род закопошился, с Данькой провели серьезную работу. Главный аргумент состоял в том, что не должно быть детей! Никогда! Ты что, хочешь погибнуть под тяжестью? Дети-инвалиды? На всю жизнь каторга? И остаться бездетным вообще?

После двух месяцев в больнице ни один диагноз у Сони не подтвердился, температуру сбили антибиотиками.

Данька писал письма все реже и реже. Потом вообще заглох. Соня решила попросить у мамы денежек и заказать межгород в ординаторскую, поговорить с мужем по телефону.

И вот тут внучка сербиянки, Тамила, отказалась гадать Соне, получится или не получится. Надо или не надо звонить. Вопрос, в сущности, был один на всю оставшуюся жизнь: надо или не надо.

— Гадать тебе не буду! — сказала колдовка. — Ты меня проклянешь.

Соне надо бы было прислушаться к интонациям Тамилы, хотя бы попытаться понять ее слова.

Нет! Она поперла напропалую, желая просто узнать, будет ли польза от ее звонка по межгороду, звонить или не звонить. Это маленький вопрос! Да или не да!

— Нет, — уперлась Тамила, — ты перестанешь со мной разговаривать.

— Ты что, Тамилка! — Соня смотрела на Тамилу своими воспаленными, бессонными глазами. Она не могла спать, ходить, читать. Изо всех интересов остал-

ся только один: еда. Соня безобразно растолстела за два месяца лежания.

Соня не знала, что ее *вываживает* женский род, родня мужа, его мать и неродная тетка.

Тамила же знала всё. Она видела людей насквозь. Тетя Галя и дядя Густав ни разу, несмотря на все восхваления со стороны любящей Сони, эти взрослые люди, положившие девушку в больницу, они ни разу не навестили свою племянницу.

Было ясно, что побочную невестку не приняла та семья.

Соня все просила Тамилу погадать ей и плакала.

Тамила упорствовала. Они даже поссорились.

До той поры Соня серьезно, взхлеб, сочувствовала Тамиле, слушала ее мрачные предсказания серьезно, с нешуточным замиранием сердца, протестовала, когда Тамила пророчила себе скорую и мучительную смерть.

Тамилиной дочке было всего пять лет. Она родилась только потому, что Тамила скрыла от мужа беременность. Он был категорически против детей. Тамила сделала тридцать пять аборт. Последние три месяца беременности муж не разговаривал с Тамилой вообще — и полгода после. У него завелись подружки.

Тамиле с ребенком некуда было деваться, ее воспитывала до восемнадцати лет бабка-пророчица, а затем Тамила уехала жить в другой город к мужу. Бабка умерла, причем в день смерти от нее было получено письмо, прощание по полной форме. Оно шло четыре дня и попало в почтовый ящик ровно в день смерти. У Тамилы теперь не было своего угла.

Муж издевался над ней как хотел. Как бы тоже *вываживал*.

Тамила только один раз сказала, что собственные перспективы у нее плоховатые. Как бы в подтверждение тому, что она знакома с будущим.

По счастью, муж полюбил дочку, которая была на него похожа. Но жена ему была не нужна. Он продолжал спокойно засаживать в нее струи своей спермы, ни о чем не заботясь. Тамила делала аборт. Ее организм был настроен на многочисленное цыганское потомство и затаривался с налету.

— Я не проживу долго, перспективы плоховатые,— так она и сказала как-то раз, глядя в пространство.

— Глупости говоришь, нельзя это. Нам никому не дано знать. Ты грешница, если на то пошло,— откликнулась с соседней койки пожилая тетя Валя.— Вот я молчу, то уж ты молчи и подавно! Жуковая!

У тетя Вали отказывали ноги, и причину врачи не нашли пока.

А «жуковые» у тети Вали были все брюнеты. Соню же она подзывала так: «Белобрысая, поди покличь сестру».

Как ни странно, преступный муж Тамилы являлся к ней каждый день, приносил собственноручно сваренный бульон в термосе, фрукты, сидел с ней в коридоре. Они приехали в Москву в отпуск. Мог бы он и убраться домой, нет! Таскался издалека, жил у родни на диванчике, заботился о жене, тихо с ней разговаривал. То ли тосковал без койки, то ли действительно испугался.

Тамила тоже — вот загадка! Не любящая мужа, она каждый раз его ждала, мылась и душилась, прихорашивалась, красила губы ярко-красной помадой.

— Твой пришел,— слышав его стук в дверь (больничные не стучат), уважительно вздыхали соседки.

Тамила медленно и важно выходила на его этот зов и не возвращалась до ужина.

— Таких огневых да жуковых мужики любят,— говаривала тетя Валя.

Род, семья, загадки племени! Глупая маленькая Соня не могла взять в толк — рассказы Тамилы были одно, а на деле выходило по-другому. Ее симпатичный муж выглядел преданным, тупо влюбленным в свою жену, покорным тюфяком. А вот тридцать пять абортотв были на самом деле, эта цифра стояла в истории болезни, Тамила почему-то показала ее Соне.

— Видишь? Тридцать пять. Они приходят ко мне во сне, умершие дети. Скоро они меня увидят на зеленом лугу,— тихо и значительно говорила она.

И она шла на процедуры, прижимая к пустому животу цифру 35 в истории болезни.

Целыми днями Соня тосковала, ждала почту — ночь напролет надеялась на утреннюю, а целый день на вечернюю. Перечитывала старые письма, разложив конверты по кровати. Цитировала их Тамиле. Писала идиотские стихи. Всем надоела своим плачем по ночам. Страшно надоела. Ее хором образумливали.

Новых писем не было уже месяц.

И вот тут, в один уже совершенно безумный вечер, когда Соня выдала еще раз так называемый «срыв», кричала бог весть что о веревке, Тамила не стала звать сестру с уколотв, а согласилась погадать.

У Сони явно поднялась температура, горели щеки. Лились слезы. Она только что ходила узнавать насчет вечерней почты.

— Он сказал «до березки»... до могилы,— качаясь на кровати в окружении своих драгоценных конвертов, объясняла Соня свой срыв.

Она была абсолютно невыносима в тот момент. Так откровенно, настырно, напрашиваясь как больная, любить мужика! Так распадаться на части! Зависеть! Просто тряпкой надо быть! Все же видели этого ее мужа, он приезжал навещать ее на три дня. Лысый парень, ну ничего в нем нет такого! По-идиотски себя вел, смеялся, шутил. Тут же больница! Делал вид, что никто по нем не страдает, что он самый простой, ничего не стоит. Такой Иван-дурак на выданье, любимец публики. Молол о какой-то своей подруге. Соня его даже одернула. Был выпивши. Все три дня был выпивши. Соня перед соседками стыдилась. Медсестру Татьяну он задел рукой по халату, как бы ненарочно. Халат задрался. Она легонько даже визгнула (ну это надо знать Татьяну). Потом он быстро решил уходить, и, пока Соня копошилась и одевалась, собиралась провожать мужа, он все стоял в коридоре у Татьянина столика, договаривался, что ли. Потом хлопнулся вообще на стул, сел. Веселился. Другие больные видели.

Соня даже отругала мужа. Вернулась недовольная, как хозяйка и супруга. Все прошло как всегда.

То была их последняя встреча.

Итак, после слов Сони о том, что она мылит веревку, после шантажа и истерики Тамила согласилась на безумные требования погадать ей.

В результате такой победы Соня пошла еще дальше и вообразила, что Тамилла наколдует ей спасение. И в одну секунду она поверила в это как малое, восторженное дитя. И расцвела, даже заплакала от счастья.

Тамилла, судя по лицу, воспринимала ее восторги вполне хладнокровно, как должное. Собственно, к гадалкам бабы за тем и таскаются, за спасением. Поэтому людям нельзя говорить правду! Кроме некоторых случаев, когда правда должна перевернуть их жизнь.

Тамилла села на кровать Сони и горько сказала — еще как человек, а не как гадалка:

— Ты со мной не будешь здороваться. Я уеду и напишу тебе письмо, а ты никогда не ответишь!

Соня закричала:

— Ты че, ты че, Тамилка! Ты у меня самая дорогая! Ты че! Погадай мне!

И вытерла мокрую руку о простыню (перед тем собравши с лица слезы). И протянула ладонь Тамилле.

— Тут гадать нечего, все угадано, — вмешалась тетя Валя, отвернувшись к стене, чтобы не видеть Соню, которая, качаясь как маятник, кулем сидела на своей неприбранной кровати.

Соня всем тут уже стояла поперек горла. Каждая ведь здесь лежала со своими несчастьями. Но баба держится! Никому не навязывается! Надо человеком быть, а не лужей. Палата, как пещера, как племя у костра, готова была тоже начать *вываживать* Соню.

Тамилла сказала:

— Не ту руку, давай левую.

— Разные вещи? — уже гораздо более спокойным голосом спросила Соня. Ее принимала профессиональная, потомственная ворожея, сербиянка.

— Давай левую, девушка, — профессионально скучным тоном произнесла гадалка. У нее даже появился легкий акцент. Она как бы погружалась в образ своей исчезнувшей бабки — вроде бы в шутку, но на самом деле на лице ее был каменный покой, как перед серьезным испытанием. Такое взрослое, даже стариковское выражение. Она была готова к действиям. И волосы как бы засветились, засеребрились отдельными тонкими прядками. Так бывает у некоторых особенных старух, красивая седина как металлические нити.

Соня, равнодушная ко всему на свете, кроме Дани, в этот момент забеспокоилась, насторожилась. Сердце ее громко забило. В груди ухнуло, как при падении с горы. Появилась та легкость, которую она уже узнавала, невесомость. Непрочность тела. Воздушный шарик, готовый улететь по тревоге.

Готовилась какая-то совсем новая жизнь. Она варила сейчас под взглядом гадалки тут, на руке. Сейчас проступит, произойдет. Все обломится, перевернется.

Тамила сидела, пока что рассматривая пространство перед собой как подробную географическую карту. Водила глазами, уже в другом виде, не в своем.

До той поры она не позволяла себе гадать никому в палате (и медсестрам отделения тоже). Единственно, чем она забавлялась, — угадывала карты. Это был как бы фокус — но вроде и не фокус, а какое-то тайное знание. Из пяти карт, которые Соня выставила

перед ней рубашками наружу, она безошибочно угадывала нужную. Соня говорила, к примеру: «Возьми у меня крестового вальта»,— и Тамила выдергивала именно спрошенную карту. Один раз Соня схитрила и сказала «возьми червонную даму», которой на самом деле не было. Тамила вынула карту и показала ее Соне. Именно червонную даму! Соня смутилась, ее прошиб пот, она как-то запуталась и не поняла, то ли сама ошиблась, то ли Тамила догадалась об обмане, но как? И откуда она достала ту обманную карту?

Тамила ни единым словом не обмолвилась об этом происшествии. Даже была как бы собой недовольна. Ушла в коридор.

Вытерев щеки теперь левой рукой, Соня промокнула ладонь простыней и подставила Тамиле.

Тамила взяла ее пальцы, поднесла к себе поближе, как совершенно посторонний предмет.

— Я... знаешь, я погадаю тебе только на ближайšie полгода, ладно?

— Че, совсем плохо? — криво улыбнувшись, пошутила Соня.

— И ты меня быстро забудешь, и на письмо мое никогда не ответишь,— настойчиво, как заклинание, повторила Тамила.

— Ну что ты, Тамилочка, ну что ты,— умоляюще забормотала Соня.— Не забуду.

— Забудешь.

— Тьфу,— откликнулась тетя Валя от стены.

Так и случилось. Все совершенно так и происходило, как гадалка предсказала. Как по писаному, пункт за пунктом.

Только того не учла Тамила, что Соня, теперь четко знающая свое будущее, вдруг начала бороться за жизнь и сопротивлялась предсказаниям Тамилы изо всех сил.

Она одно имела в виду, одну цель — жить не так, как ей предугадано. Как угодно, но только не по гаданию.

Тамила спустя много времени написала Соне, что теперь ты меня не забудешь. Вспоминай меня, когда я умру. Я уже слепну.

Дешевая цыганская мишура.

Взрослая, умная Соня, преодолевшая все за эти полгода, с холодной ненавистью выкинула ее письмо в ведро, сидя у себя дома на кухне.

ЛЕДИ

Это была женщина в полном расцвете сил, а по виду еще девушка, изящная, высокая, легкая и веселая, добрая, с магической улыбкой (именно улыбка открывала всю ее душу нараспашку, обнажала эту сущность беззаботного, разверстого наружу существа), и все ей удавалось: какое-то агентство по каким-то фестивалям, организация конкурса к этому фестивалю и так далее, и тут же снят офис, и снята квартира, в которой живет она, ее дочка и ее друг с невестой, вот так.

Квартира большая, народ простой, легкий, веселый, хозяйством занимается приходящая домработница, и тут же друзья, машины, поездки, девчонка учится, ранним утром бодрые крики матери «Ты почистила зубы?», хоп — в машину и в дорогую школу, все отлично, а на субботу-воскресенье дочку отвозят к отцу, там такая семья, без женщин и с прислугой, дом за городом, вилла в три уровня, да еще и с бассейном.

Дочка вялая, инертная, не в бодрого и злого отца-миллионера (у него, в свою очередь, общемировое агентство по каким-то сугубо конкретным экзотическим путешествиям в жерла полугорящих вулканов

и к магическим водам горячих гейзеров, это Камчатка, нищий край, где медведи ловят лапами рыбу, идущую вверх по реке рожать, и где кроме икры есть не фига). Экзотуры.

А дочка не в него и не в мать, и всем недовольна, как бы предвидит свою судьбу сироты, а внешне это будто бы линия поведения такой балованной принцессы на горошине, для которой все, что ни предложено, все недостойно ее уровня. Все жмет, мешает, тянет, неудобно.

Мордочка хорошенькая, стать юной девушки-модели, ножки из-под плеч, в школе занимается фехтованием и музыкой, но без охоты.

Изящно и точно, но желания побеждать нет. Играет на пианино четко, откуда-то знает про туше и как вызвать слезы, но отработала и всё, желания ноль. А уроки — а кто видел, чтобы уроками блистали на публике?

Мать, но ей некогда, она-то и плачет на отчетных концертах в музыкалке, когда слышит, как девка играет, а потом еще отчаянней плачет, потому что уже ступила на путь борьбы за жизнь.

У меня ребенок, я должна выздороветь. Слезы вытрем.

Работа как всегда, без остановок, остановишься — выпадешь из наезженной колеи, и одновременно данные о болезни прочитаны по Интернету, я все знаю и ничего не боюсь, надо трезво глядеть, сил много, будем действовать.

Действовать — значит платить. Отец девочки скуп как безумный, и так он содержит ребенка в дорогой школе, и так его агентство дышит на ладан.

А фестиваль нуждается в спонсорах, там и тут сверкает улыбка нашей прекрасной леди, она добывает и добывает деньги как шахтер, киркой и буром, на плечах висит все, квартира, офис, бензин, три бездельницы в офисе и пять идиотов рабочих-оформителей, мат витает легким облачком над бегущей фигуркой, прыг в машину, наушник заливается от бесконечных телефонных звонков.

И все прошито невысказанной болью. Леди хочет жить, она свирепа, влюблена, она беременна, хочет еще родить, она тормозит реальность вокруг себя, организовывает жизнь, утром «ты почистила зубы, бежим», днем подготовка к открытию фестиваля, приходят фуры с экспонатами, проблемы на таможне, а вечером, глубоким вечером в широченной постели, лежа после любовной битвы с сигаретой в пальцах, она вдруг, залившись слезами, прикикает к любимому плечу и во всем признается. В ответ — молчание. Молчание! Горят во тьме две сигареты в пальцах, и всё.

Что молчишь?

Наконец: «Это не мои проблемы».

То есть что он, как потом будет выдавлено, не берет на себя решение вопроса. А все дело-то в простом, она, глотая слезы, прошептала ему, что рожать теперь нельзя, предстоит операция. Он сказал «это не мои проблемы». Красавец. Солист хора из оперного театра на периферии. Приехал в Москву, целое будущее перед ним. Но пока безработный, от ерунды мы отказываемся при горячем сочувствии и поддержке Леди.

Все это время он сидел в ее офисе и привыкал к работе, пил кофе от спонсоров, ездил по поручениям,

даже что-то смог устроить на таможне, уговорил девок с присутствующим ему мастерством.

В офисе начался праздник, бойфренд себя показал, то ли еще будет. Леди ликовала. Бой даже спел под гитару.

Девочка-дочка, сидя за праздничным ужином, была недовольна, маленькая принцесса. Ушла спать надутая. «Почистила зубы?» Крик остался без ответа.

«Вот так я и живу», — улыбнулась Леди своим широким лезвием, блеснула зубами.

Очаровательная улыбка вполлица, открывающая душу. И все это Бою, все ему, а он тоже принц на горошине и всем недоволен.

Он съехал на следующий день, как выяснилось, недалеко.

Еще одна бизнес-леди была от него беременна, на тех же причем сроках. Намного старше его и типа три контейнера на оптовке.

Она и позвонила Леди. «Вы беременны от Эдика? Я тоже. Но он для меня просто так, я взяла донора. Так что до связи».

Наша Леди засмеялась и нажала на отбой. И долго потом хохотала с девками в офисе, они улыбались с круглыми глазами, буквально выпучившись. Ушел! Уж от кого от кого, а от него не ожидали! Был как своя девка, они уже думали, голубой, не стеснялись его, переодевались, обсуждали свои проблемы, ну двустволка, то сам подставится, то ему подставятся. Мало ли. Это Москва.

И вдруг две беременные бабы!

Леди пошла на операцию, все порулило своим чередом, облучение, химия, попутно проскочил фести-

валь, выставка, девочка закончила седьмой класс, уже от отца ее возил в школу дедушка, красавец, как вся их порода. Скупой род, шофера не держат.

Деньги у Леди кончились, офис пришлось передать. Это была огромная удача, то есть какие-то бандиты сняли ее квартиру под свои темные дела, ура.

Можно было платить за больницу, а каждый день — это сто пятьдесят долларов.

Но вскоре выписали. Лечащий врач прятала глаза, не отвечала ничего конкретного, сказала, всё, курс пока закончен. Продлевать его опасно пока что. Пока что вот.

Забирать ее приехал любящий человек, которого она оставила ради своего Боя, он привез ее к себе.

Той же ночью пришлось вызывать «скорую», и дальше уже была районная больничка, реанимация, гнилые подушки, чудо-врачи, надежды на исцеление, питание через капельницу, половинка банана, разрешенная доктором, и всё.

Исчезла ее улыбка как сон, как утренний туман, ушла в желтый песок, и девочка-принцесса стояла над холмиком, укрытым цветами, надо всеми этими погребально горящими свечками, девочка, ничего не понимающая, посреди огромной плачущей толпы молодых, прекрасных существ, тоже ничего не понимающих.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Женщина, бухгалтер, начала работать в кафе на вещевом рынке, и каждый вечер она приносила домой кучу грязных бумажек и считала их, уже пьяная.

Муж и сын, вытаращившись, смотрели на это новое явление, и муж даже начал презирать жену и высказывался в том смысле, что на кого ты похожа, даже стал ею брезговать в постели, куда она иногда забиралась пьяная полежать, в полном облачении, и так и засыпала, невытая и покрашенная.

Короче, произошел полный разлад в этой дружной семейке, жена к тому же по-новому откровенно говорила своему мужу, что ты мне (мат-перемат) не нужен, уходи (мат) куда знаешь, я одна не останусь. Но муж ее перешел спать на кухню, а из квартиры не уходил, ведь на его попечении оставался сынок: проверить уроки, накормить утром и вечером, постирать, проводить в школу.

Жена-то приходила хорошо если в восемь вечера (опять бутылка с собой, опять куча грязных бумажек и мат), но для ребенка именно мама была воплощением свободы, она ничего не спрашивала, а приносила

торт или конфеты, давала грязные бумажки, то есть несла в дом чистую радость богатства.

Короче говоря, жена, не в силах выдворить мужа из своей однокомнатной квартиры (а он был не москвич, женился и прописался к ней в комнатку, а потом уже родился сын, из-за чего им дали эту самую квартиру, такова история), так вот, богатая жена вскоре переехала к другому мужчине, причем, что было удобно: он жил в пятнадцати минутах хода от ее квартиры.

То есть мать как бы и не оставляла сына, он после школы мог прийти не домой, а к ней (ключ у него был), мог у нее заночевать на свободе, и никто ничего с него не спрашивал.

Правда, сожитель мамы, теперь грузчик (она его тоже устроила к себе на рынок), часто в пьяном виде «дебошировал», говоря словами сожительницы, то есть они дрались.

Мальчик так и говорил отцу, прибежав домой, «опять он дебоширует».

Но для парнишки, видимо, это было тоже проявление свободы и свойство новой жизни, которой теперь жила его мама. Он ее очень любил и, возвращаясь домой в скучную отцову жизнь (тот работал в каком-то управлении культуры), поневоле начинал разговаривать с отцом как с приживалом, бедным родственником, у которого нечего выпить, и он даже не курит, то есть отстой полный, и которого можно даже не слушать, потому что мама говорит о нем, что он занял ее квартиру и «пусть уходит откуда пришел, я сама найду куда деньги мимо положить».

Правда, денег у нее, судя по всему, быстро не стало.

А сыну нужно было то и се, и он стал приставать к отцу, говорил, что сказали купить учебник, и надо новые кроссовки, и надо куртку другую, дай столько-то. И опять: велели сдать столько-то. И джинсы мне нужны не эти, а такие.

Раньше все покупала ему мать на оптовке, но вдруг, видимо, этот источник иссяк.

Отец, который был небогат и к тому же регулярно посылал своему вдовому папаше (и первому сыну-студенту) в провинцию небольшие суммы, да и за квартиру надо было платить и еду покупать, мало того, он регулярно, получив зарплату, ходил в книжный и возвращался радостный с пакетом книг, старинная привычка, он и сыну читал вслух, когда удавалось,— так вот, в воспитательных целях отец нарочно съездил на рынок узнать, что случилось, почему бывшая жена перестала снабжать ребенка (по справедливости, это как бы были с ее стороны алименты), и потом, вернувшись, папаша дождался сыночка, который, как обычно, явился от матери сытым, прокуренным и презрительным, и стал объяснять ему, что видишь что: из-за пьянки твою маму уволили, и она теперь работает посудомойкой в том же кафе, там же, на рынке, в грязной забегаловке. Стоит качается над раковиной, где свалена посуда. Вот к чему приводит гульба, понял?

Парень вскочил и ушел на ночь глядя, побежал, видимо, опять к мамаше, отец ведь не знал, что она все равно каждый вечер притаскивает домой для сынка кульки с едой, котлеты и жареную картошку, пирожки и даже заветренную красную рыбу, и это

опять каждый вечер пир горой — а грузчик приносит бутылку.

Потом-то он все узнал, когда сын отравился. Мать позвонила, забирай Лешку, заболел живот, надо врача вызывать, он тут не живет.

Отец, придя туда, увидел, что у его бывшей жены все осталось по-прежнему, пьяный сожитель, дым, кислый запах, гости, друзья, которые, видимо, не переводились, праздник каждый вечер и — главное — на столе рядом с бутылками в большой тарелке какие-то мятые и запачканные кетчупом пищевые остатки.

— Ты его этим кормила? — спросил отец. — С ума сошла, это же отходы! Обьедки!

А мать завелась и закричала, иди езжай откуда явился, к себе в Мухосранск, еще выступает, это там моя твоя квартира. И все вокруг заржали в поддержку.

Сын вообще не раз с язвительной улыбкой спрашивал у отца, а чья наша квартира? «Общая, — недоуменно отвечал отец, — нам с мамой дали вместо комнатки в коммуналке», — и, провидя причину такого вопроса, добавлял, что так бы маме ничего не дали, но мы женились, и родился ты, и нас стало трое на десяти метрах, поэтому нас и поставили на очередь.

Сын все равно держался с отцом как с низшим существом и, войдя в дикое подростковое состояние, стал откровенно воровать у него по мелочам из карманов.

А тут набежали следующие по времени тучи, у отца помер его собственный родитель в далеком городе, и пришлось ехать его хоронить.

Сынок остался как бы на попечении мамы, но, когда его блудный поневоле отец вернулся, он застал у себя в квартире полнейший притон. Сидели и лежали на его диване какие-то взрослые гопники страшной внешности, которые и не подумали встать и уйти, и мальчик тоже встретил его нагло и матом, он, поддатый, чувствовал себя среди старших друзей как хозяин — то есть уже в четырнадцать лет парень ступил на ту же наследственную скользкую дорожку, что было предсказуемо.

Во весь рост предстало его будущее — квартира как малина для окрестных подонков.

Умирать нельзя, привычно думал бедный глава семейства, вызывая милицию.

Только что он пережил весь ужас похорон, пришлось кое-как, за три копейки, сдать родительскую квартиру и взять плату вперед, чтобы хоть оправдать дорогу.

Оставалось надеяться на единственное — что через полгода, войдя в права наследования, можно будет продать ту квартиру, что оставалась на родине, и в назначенный срок отец поехал туда еще раз, после чего вернулся с деньгами.

Этот неприспособленный к богатству человек, обладатель пятнадцати тысяч долларов, спрятал кошелек по наивности под книги.

Сын вскоре после его приезда ушел к маме и отсутствовал три дня. В пятнадцать лет он вымахал в здорового парня, красавца-атлета, и все больше времени проводил на пьянках у мамы.

Его отец через три дня получил из школы, от классного руководителя, тревожную новость, что Руслан, что, болеет?

— Нет, а что? Что случилось?

— А его уже неделю мы не видели в школе.

Отец бросился на поиски, звонил друзьям Руслана и в результате снова, по наторенной дорожке, организовал милицейский наряд и, держась подальше, присутствовал за спиной ментов, когда они звонили в некую квартиру, где, по слухам, обретался Руслан. Никто не открыл им.

Тут же один из ментов вывернул пробку на электрощитке, внутри погас свет, дверь квартиры распахнулась, выскочил встрепанный пацан проверить, что случилось, его повязали, а отец и отряд милиции вошли колонной в темную преисподнюю, светя фонариком в побелевшие лица.

На полу всполошились голые девки, всюду валялись шприцы, дым анаши клубился в лучах карманных фонариков, и один из ментов гаркнул фамилию Руслана. Тот поднялся, его взяли первым и увели (правда, не в ментовку, а отпустили домой, это была просьба отца-наводчика).

Папаша, пребывая в темноте, за спинами наряда милиции, однако увидел в руках у сына свое портмоне, то, которое было спрятано на шкаф под книги. Портмоне было уже тощее, сплющенное, ничем не наполненное, не напоминающее толстопузую семейную сокровищницу.

Потрясенный до полуобморока отец приволок сына домой, где обкуренный отрок плюхнулся у телевизора, распространяя знакомый, родственный перегар.

Пацан сидел грязный, с сальным, лоснящимся бессмысленным лицом и белыми, как бы подкоп-

ченными пальцами с грязными ногтями, он ими держал папиросу-самокрутку и на свободе дымил, вор.

На все крики отца он отвечал знакомым материнским матом — иди отсюда, куда пришел, это моя квартира.

Ну что, пережили и это, умный папа в свое время не все спрятал в кошелек и поэтому не все потерял, в портмоне были только полторы тысячи долларов, как раз на три дня жизни на десять персон с девушками и кокаином.

Дальше все шло по нарастающей, сын пошел вешать упавшую со стены полку к сестре своей матери, к тетке, и украл у нее небольшую сумму, и та тетка подала на него в суд, дали три года, правда, условно.

Он прикарманил немного, шестьдесят долларов, но тетка, пьющая баба, и такие деньги считала несметным богатством и была обозлена и обижена — приняла, накормила, напоила, а он унес!

Конечно, какая там школа, не до того, после ареста его выгнали — но и работать в приличное место Руслана не брали, первый же клик в компьютер, в базу данных, давал его фамилию с отметкой о сроке.

Мама-посудомойка в эти времена уже догорала — ноги стали слоновьи, работать она не могла, язвы на голених донимали, разбухла до неузнаваемости.

Отец в ту пору как-то ее увидел, пошел за пропавшим сыном к бывшей жене в ее незапирающуюся нынешнюю квартиру.

Она не удивилась, а с плачем начала жаловаться, что Витька (сожитель) ее опять избил, и в доказательство показала все синяки и нарывы, все гнойные дыры на голених...

Видимо, грузчик злобствовал и поколачивал ее, а сын как-то подпитывался и допивал с материнского стола, где водка не переводилась.

Квартира была той хатой, куда можно было в любое время прийти, если ты с бутылкой.

Наконец, Русланову отцу позвонила сестра бывшей жены, та самая тетка, и сообщила, что Анджелу увезла «скорая».

Дело было ночью, но удалось дозвониться до какого-то пьяного охранника в Склиф, тот выматерился, что уже ночь-полночь, но велел перезвонить через десять минут. Во второй раз охранник уже не матерился, но сказал: «Ты че, она умерла в семь вечера, опомнися!»

Бывший муж сообщил сыну о смерти мамы только утром и через несколько минут кинулся на балкон и вовремя ухватил ребенка за колени — тот уже встал на табуретку и готовился нырнуть с шестого этажа. Он весь дрожал и безостановочно лил слезы.

Сожитель умершей не дал ни копейки на похороны, сестра покойной тоже, все пришлось оплачивать бывшему мужу.

Важно то, что врач из института Склифосовского пригласил его на беседу и сказал, что больная умерла не сама, а был криминал, то есть разрыв аорты в результате побоев, и будете ли вы возбуждать уголовное дело.

Бывший муж, не раздумывая, резко отказался и потом об этом не жалел: было бы долгое расследование, и неизвестно, какие показания дал бы опившийся грузчик, спасая свою свободу. Мало ли, он мог все свалить на бывшего мужа погибшей подруги, вроде

бы он пришел, избил и ушел, а сожитель свидетель, и он вызвал «скорую».

Через некоторое время все выяснилось. Тот Витька в пьяном виде позвонил бывшему мужу и сказал, что Анджела была застрахована на двадцать тысяч долларов. «У меня,— сказал он,— все бумаги, и мы поделим, давай побазарим»,— сказал хмельной мужик.

Бывший муж отказался со словами «больше мне не звони». Своим быстрым разумом он просчитал, зачем была убита Анджела и какие могут быть результаты, если сын получит эти двадцать тысяч. Живо вспомнился праздник с девушками на полу.

А сожитель-то — полный идиот, чего было убивать Анджелу, если грузчик точно знал, кому была завещана страховка. В бумаге было написано имя. Сыну-сыночку, ясный пень, его она любила больше жизни, его, только его. И сын ее так же любил.

Но как это, поделить деньги, что получишь не ты, а парнишка? Разумеется, думал отец, грузчик предложил бы убить наследника, вот тогда и денежки пополам, то есть у грузчика бумага, а у тебя этот сын, и будем действовать.

Как он додумался, что сожительница застраховалась в пользу сына, понять нетрудно.

Теперь отец реально видит нависшую над ним опасность, прозревая в выросшем сыне ход мысли грузчика, и ложится спать не без опасения.

С далеко идущей целью он уже сообщил многодумному наследнику, что завещал свою долю в квартире сыну от первого брака, проживающему на родине, это раз, и второе — что сам отнес в милицию

заявление, где написал, что в случае моего убийства кого надо в первую голову посадить на двадцать пять лет. Считай, ты выйдешь в сорок три года из зоны, если вообще выйдешь, там таких, кто отца убил, опускают и потом находят в петле.

Превентивные беседы отец ведет с сыном тогда, когда замечает в нем приступы злобы. Дитя не имеет ключа от квартиры и, пока отец не пришел с работы, гужется в подъезде. Пусти его одного сидеть дома, мигом обнаружишь ту же картину: девки на полу, война в Крыму, Крым в дыму, половина имущества растворилась во мраке, видео, телевизор и радиотелефон, куртки и чемодан.

Так-то отец — бравый мужик, работает, ходит в баню по субботам, носит домой продукты и говорит бабам на работе, что сынок жрет безостановочно, пока все не переест. Всегда ничего не оставлено на утро! (Кроме сырой картошки и морковки.)

И что он там думает, сынок, сидя в подъезде часами у батареи, о чем мечтает, как строит планы на будущее, никому не понять.

Отец-то прозревает все это, поэтому следит за своим здоровьем и каждый вечер разговаривает по скайпу со старшим сыном, который закончил институт и собирается ехать в аспирантуру, но не в Москву. Чего я тут не видел, в Рашке. В Бостон, к маминой сестре.

А потом они ложатся спать, отец с сыном, мальчик с полным на будущее желудком и опасливый отец, который на прощание мечтает о Бостоне, о домике в предместье, о бассейне — все это для старшего сына, для него. И половина квартиры ему все-таки достанется в случае чего.

Все убрано из квартиры, молоток, гантели, веревки, острые ножи.

Отец, правда, упражняется на турнике, вставленном в дверной проем. Он бережет здоровье на всякий случай, хотя ни в чем не уверен.

Малый ведь способен принести со двора кирпич в пакете. И на улице у подъезда может встретить папу с друзьями. Ни в чем нельзя быть уверенным. Никакого просвета.

Но и жениться нельзя, хотя подруга есть, нельзя улучшать свою жизнь, уходить на другую квартиру (у молодой подруги имеется всё, дача, машина). Сына не оставишь и с собой не возьмешь. Никому ты не нужен, кроме меня, бедняга. Никому на белом свете. Спи пока.

НЕТ РЕШЕНИЯ

Главное, что в ней было, это яростное чувство превосходства, пылающий пламень, якобы скрытый от глаз, но, как всякий пламень, иногда дающий всплеск в виде темпераментных поучений.

Она была учитель по натуре — известно, что эта профессия основана на нетерпеливом превосходстве, на проповеди,— притом эта женщина была не кто-нибудь, а кандидат математических наук, блестящий молодой ученый, чья эрудиция и неожиданные решения всех поражали.

Она была замужем за скромным, тихим человеком, который отличался немногословием и принимал жену как она есть, без рукоплесканий, поскольку именно он каждый вечер выслушивал гневные аргументированные речи жены — каждый вечер. И не отвечал ничего, только хлопал глазами, как бы засыпая.

Его ожидало разверстое жерло телевизора, и он перемещался туда даже с тарелкой или чашкой чая.

Монолог жены гремел, в телевизоре гоняли мяч, муж уже не ловил суть, засыпал на ходу обоих сюжетов — научного и футбольного.

А в институте ее ждала перспектива опять блеснуть, съязвить, состроумничать и предложить другой вариант — там у нее завелся вдумчивый слушатель, он мрачно следил за этой Мариной, пока однажды не преградил ей путь в коридоре.

Сцена была как во дворе, как в детстве, когда мальчишка не давал проходу.

Марина уже давно играла со своей жертвой в сложную игру дичи с охотником — исчезала, пряталась, не приходила на институтские вечера, не шла, когда он вызывал ее к себе в кабинет, — он-то был замдиректора в институте.

Якобы надо было ему обсудить что-то. Знала она, что он обсуждал у себя на диване с практикантками, и все знали. Сын академика, красавец, с приданным, богат, умен, доктор наук.

Вот он-то и преградил ей путь в институтском коридоре, когда она шла, направляясь к лестнице, уже отягченная сумками с продуктами — она все же была хозяйкой дома и готовила, стирала и т. д.

Гордость института в роли домработницы.

— Помогли бы лучше, — резонно возразила она своему поклоннику на еще не сорвавшееся с его губ признание.

Он взял сумки, довел ее до своей машины, усадил ее на переднее сиденье, сел сам, полез застегивать на ней ремни, подразумевая, что она беспомощна, слаба и неспособна сама их застегнуть, и тут их тела сплелись сами по себе. Он прижал свою дичь не хуже ремней безопасности, а она только смеялась.

Все завертелось как на быстрой карусели, и через два месяца была свадьба, а еще через семь родился сын.

Разумеется, Марина осталась дома сидеть с сыном, развела рациональное хозяйство, все было по часам, аккуратно.

Сама Марина общалась теперь с новым кругом знакомых, с академиками и их женами, ее осторожно принимали, оценивали, оценили: не наша. Самоучка из провинции, мамаша учительница, папаша офицер, и привет. Всего достигла сама, вышла замуж за москвича. Это второй брак по дороге наверх. Ах, вот что.

Круг академических жен, где каждый путь был единственным и каждая первопроходица одиноко боролась, как могла, с половой распущенностью мужа, воспринял появление Марины слегка оскорбленно: у многих имелись взлелеянные дочери и племянницы, для каждой из которых Виктор был бы хорошей парой. Нет, взял со стороны!

Марина вошла в область высоких семейных технологий, ее свекор жил со своей племянницей у всех на глазах и прижил с ней ребенка, и пришлось ему жениться на дочери своего брата, т. е. бросить жену и детей.

Таков был отец нового мужа Марины.

Рядом, в соседней квартире, жена академика (это было всем известно) вообще вынуждена была стелить новую постель каждый раз, когда он приводил бабу, — иначе строптивец не давал денег ни на что, а сам ел в ресторанах.

Да. Кругом цвели романы женатых академиков, поскольку юные студентки год от года становились все краше и все доступнее, а никаких наказаний не предусматривалось за эти мелкие радости пожилых отцов науки.

Новый муж Марины еще долго продержался, хмуро жил дома и наблюдал располневшую, пузатую жену, которая упорно, для вящей простоты и удобства, ходила дома как турист, т. е. в майке и трениках, и совершенно ушла в воспитание ребенка, не глядя на себя в зеркало, на свои телеса.

И на мужа, кстати.

А что, дом блестит, еда изобретательная, мужик ходит в чистом и глаженом, сын говорит с годика, ходить начал рано.

Но успех в ведении домашнего хозяйства никого не может удивить — человек быстро начинает считать, что так и надо, и при малейшем упущении со стороны хозяйки способен занервничать и начинает срываться раз за разом.

Тем более что не муж для Марины был главное дело ее жизни, а сын, доказательство ее исключительной роли.

Сюда же относились и идеальная сияющая квартира, и она сама, вершина домохозяйственного разума.

(У нее даже двухнедельный запас консервов и воды имелся в чулане, на случай атомной войны.)

Муж приходил с работы злобствуя.

Все задевало его чувствительную душу, и гололед, и порядки на дорогах, и дела в институте. И предательства друзей, что Марине казалось изначально

понятным, я же говорила тебе! Ты не слушал и дал ему денег.

(Друзей уже не должно было быть у него, раз есть жена.)

Короче, эта дорожка завела Марину туда, где стон и скрежет зубовой, где ничто не мило и не нужно: муж ушел к Мариной соседке, с кем она гуляла в парке — Марина с сыном, та с собачками, — к единственной ее местной подруге, собеседнице по телефону, кому все доверчиво рассказывалось, все обиды и горести, кто ездил к ним на дачу по воскресеньям и к кому Марина зачастила ходить с сыном после семейных скандалов: изливать душу в слезах. Благо, та жила недалеко.

Посмеялась эта пара над Мариной.

Потекли сутки без сна, потекли кровавые слезы по щекам, ибо Марина расцарапала себе лицо. Вой слышался по всему академическому дому, Марина не сдерживала себя и кричала, как роженица, монотонно визжа.

Муж-то ушел недалеко, как уже говорилось, подруга жила буквально рядом, была сухопарая, добрая тетка, высотой с хорошее дерево, так казалось маленькой Марине.

На это дерево и взобрался невидимый муж Марины и там сидел, не издавая ни звука.

Кто-то привел психиатра, какие-то уколы делались, Марина сломалась, заснула, не вставала, ничего не понимала.

Затем дозу начали аккуратно снижать, и через полгода Марина пошла работать, не все же жить на

деньги мужа, он и так потратился на врачей, больше не давал, только на сына.

Сын! Единственная кровиночка, беленький сынок, надежда и верная, неизменная любовь. В пятнадцать он начал капризничать, пошли жалобы из школы, какие-то были драки после уроков, пришлось перевести его в другую школу.

Отец уже нормально общался с матерью на этой почве.

У Деревя детей не возникло.

Единственный сын большого ученого ходил дворами в семью отца, Дерево его любило и баловало деньгами: она стала крупной заводчицей собак породы чихуахуа.

Мать сына, Марина, терпела, свыклась, что сын не приходит вечером домой, тихо звонила сама и, удостоверившись, услышав раздраженный ответ бывшего мужа, спала в одиночестве.

Пришло время, ребенка устроили в институт, но он там по какой-то игре случая не прижился, не стал посещать лекции, не вставал по утрам и не приходил домой по ночам.

Похлопотали, сделали ему диагноз, несовместимый со службой в армии.

Дальше что: устроили мальчика в солидную фирму партнеров отцовского института (он уже стал там директором), устроили пока что компьютерщиком, сисадмином.

Не очень скоро, но выяснилось, что он тут же обокрал, причем хитроумно, свою фирму, стал сорить деньгами, завел манеру летать в Петербург на выходные с девушками.

Через полгода все-таки дело раскрылось, и матери пришлось продать квартиру, купить что-то подешевле.

Расплатилась, переехали.

Сын отвечал матом на все материнские упреки и справедливые замечания, требовал денег.

Мать работала из последних сил, да и свалилась.

Последний вариант, операция, облучение, муки. Умерла. Освободила от своего присутствия негостеприимный мир, неприветливое человечество.

Где, где была ее ошибка, если она всюду старалась прожить наилучшим образом, сделать дело как можно более скрупулезно: образцовый дом, талантливый сын, сама скромная и пожертвовавшая своим даром ученого ради семьи? Где она проиграла, на чем?

Может быть, на том, что яростно проповедовала по любому поводу перед мужем?

Или на том, что срубила сук не по себе, вошла в среду, где нет пощады?

Да многие жены проповедают, обличают, выводят на чистую воду, предсказывают, сулят и торжествуют, когда их предсказания осуществляются в полной мере,— и много тех жен, кто срубил сук повыше, и у них все обошлось, и ничего.

И ничего, повторяем, притерпелись.

Может быть, дело в том, что она совершила главную ошибку — предпочла мужу свое главное произведение, вершину своей жизни, дорогого сыночка?

Но так часто у матерей и происходит, однако случается, что семьи все-таки удерживаются в полном составе.

Нет решения

А у нее, у бедной Марины, все полетело в тартарары.

Нет решения у этой задачи, да и ничья жизнь не решает ничего: проходит как ни в чем ни бывало, оставляя одни вопросы и слезы — и цветы на сырой земле.

Не любила и не бросила, а ее полюбили и бросили.

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ МУЖА И ЖЕНЫ

Что происходит с одиноким человеком на его последних минутах, никому не разгадать.

Вот одна из таких историй, которая, как ни странно, закончилась смехом.

Жила-была женщина, у которой имелся муж.

И это он над ней посмеялся после своей смерти.

Задолго перед тем обстоятельства были таковы, что данная семья жила не очень дружно, как часто бывает на десятом-пятнадцатом году совместного существования.

Муж совершенно явно скучал со своей женой, раздражался, у них бывали даже громкие скандалы — в общем, всё как у всех.

Хорошая пора, когда они держались друг за друга и совместно противостояли бедам, закончилась, муж все чаще задерживался на работе, и его гораздо больше интересовали теперь дела друзей и подруг, чем дела собственной семьи, — хотя их дочь еще не выросла, ей и было-то всего двенадцать лет, и ее обижали в школе, один мальчик специально бил тяжелым ботинком по ногам, девочка ходила в синяках.

Но заставить отца поговорить по-мужски с этим начинающим терминатором было невозможно. Мать сама отнесла жалобу и данные медицинской экспертизы в детскую комнату милиции — в школе надеяться было не на что, отец этого мальчика, владелец ресторана, давно уже платил директрисе, чтобы та не выгоняла его наглого сына за постоянные драки, двойки и перебранки с учителями. Сам-то он его регулярно порол, по словам мальчугана (который этим явно щеголял перед классом).

Впору было забирать девочку из этой хорошей школы. Муж говорил под горячую руку и под градом обвинений со стороны жены: «Пусть борется, противостоит. Мы же не будем всю жизнь объясняться с ее обидчиками».

Действительно, девочку пришлось забрать из школы, потому что малый начал бить ее в живот, чтобы не оставалось следов (до его отца, видимо, дошли сведения о медэкспертизе, и он, колотя в очередной раз сынулю, объяснил ему, куда можно, а куда нет).

И пошло-поехало, все вопросы, все проблемы, которые возникали перед бедной женщиной, ей приходилось решать самой.

Муж приходил поздно, когда она уже лежала в их общей кровати, он ужинал в гостиной один, глядя в телевизор, и, даже если жена уже засыпала (с помощью снотворных), ей приходилось пробуждаться от того, что муж бесцеремонно передвигался по спальне, шуршал, кашлял, искал что-то по ящикам, наконец раздевался, тоже не стесняя себя, и укладывался рядом, сразу же проваливаясь в тяжелый сон с

храпом. Просить его не шуметь жена уже не решалась, потому что муж начинал раздражаться и в лучшем случае называл ее «террористка».

В конце концов жена переместилась спать в общую комнату, где стоял телевизор. Теперь мужу нельзя было сидеть там со своим ужином, глядя в экран, и он устроил очередную выволочку по этому поводу, крича: «Ты террор тут не устраивай». Вскоре он забрал телевизор к себе в спальню.

Это уже был как бы раздел имущества. Получалось, что сосуществовали недружественные соседи, почему-то ведущие общее хозяйство.

То есть хозяйство вела жена, она покупала продукты, готовила, стирала, гладила, убиралась, мыла посуду — всё как всегда.

Муж — так было с некоторых пор заведено — денег на хозяйство не давал.

Это началось полтора года назад, когда у него на работе задержали зарплату, причем дальше не платили еще хороших полгода.

Но тогда муж с женой еще жили мирно, дружно, они вместе ходили по субботам на рынок, и муж тащил тяжелые сумки.

Жена в связи с этим форс-мажором, то есть нехваткой денег, взяла дополнительную работу, сидела вечерами над бумагами у компьютера (она была финансовым работником), чтобы заработать недостающее.

Однако с тех пор муж больше уже не давал ей денег. И когда ему начали платить, жена так и не узнала, а спрашивать постеснялась.

Вот с этого времени начиная все и пошло у них кривь и вкось. Видимо, мужа заранее раздражали

невысказанные претензии жены, и он старался как можно меньше времени проводить дома. Даже в выходные он убегал пораньше, как будто боялся, что его спросят: а почему ты не ходишь на рынок, все приходится таскать вместо тебя, а ешь ты все так же регулярно и носишь выстиранное, но за квартиру и телефон не даешь денег.

Муж как бы притворялся, что по-прежнему не получает денег, хотя по его поведению было понятно, что деньги у него водятся. К примеру, он покупал дорогие книги, и у него появился хороший фотоаппарат, мечта еще с молодости.

В довершение всего он купил себе небольшой лэптоп, но не оставлял его дома, а брал с собой. Этот компьютер увидела дочка, зайдя к отцу в комнату, когда он пошел в душ, и сказала об этом матери. Та смутилась и попросила дочку не входить к отцу, когда его нет.

Самое интересное, что на следующий же день муж вставил в дверь спальни замок. Видимо, он заметил, что кто-то интересовался его компьютером. Но скандала поднимать не стал, просто купил замок, и всё.

При этом он не прекратил есть то, что было приготовлено и куплено. А телевизор смотрел иногда до глубокой ночи, не стесняясь тех звуков, которые раздавались во время этих эротических сеансов.

То есть, решила жена, он воспринимал теперь ее как собственную мать, а с ней у него были довольно-таки напряженные отношения, потому что в семье у матери имелся еще и младший любимый сын, который упрекал старшего, что тот никак не помогает

маме,— а старший в то же время говорил, что бездельник брат просто хочет тянуть с него деньги сам, не ради матери, а для себя, поскольку он был безработным.

Женщина стала задумываться над своей судьбой, как же так, что же это происходит,— она теперь просто служанка своему мужу, да еще и должна его содержать неизвестно почему.

А тут как раз пришлось забирать девочку из школы, а то бы ее там просто забили. Удалось устроиться в другую, которая, правда, находилась далеко от дома. Хотя одно территориальное преимущество имелось — школа была рядом с офисом матери.

И в то же время случилось счастливое совпадение — подруга бедной женщины устроилась на хорошую работу за границей. Сдавать квартиру посторонним она не хотела, начала искать, кто сможет бесплатно пожить у нее ближайшие три года: в ее доме была целая оранжерея пальм и фикусов и вдобавок два кота. Все это надо было оставить на месте, за границу целый зоопарк с пальмами не возьмешь. И наша женщина, как только подруга ей позвонила с предложением подселиться, сразу же согласилась (другая школа у девочки, новая квартира, новая жизнь, все совпадает). А платить надо было только по счетам.

И женщина знала, что много вещей с собой везти нельзя, на новом месте все было укомплектовано, царил чужой порядок. Поэтому она собрала только все необходимое и буквально налегке повезла дочку в квартиру подруги.

Там была им выделена для жилья одна комната и кухня, как и на прежнем месте. Маленькая семья за-

жила спокойно, мать как будто бы вычеркнула из души все напасти последних лет. Девочка бодро восприняла пертурбацию с квартирой, но ей гораздо тяжелее было перенести переход в другую школу посреди года. Предстояло завоевать там место, подружиться хоть с кем-нибудь, да и у тамошних учителей могли быть совершенно другие требования.

Все, однако, с течением времени обошлось, дочка даже стала заниматься в школьной секции карате, завела себе там друзей из других классов, но вот у матери возникла проблема, понадобились теплые вещи, и женщина посреди рабочего дня поехала на прежнюю квартиру.

Она спокойно открыла своими ключами дверь, вошла в прихожую, однако там стояли чьи-то сумки и рюкзак. В детской комнате тахта была в беспорядке, зияла простынями наружу. В ванной кто-то принимал душ.

Пока несчастная женщина рылась на полках, собирая одежду, стукнула щеколда в двери ванной, и на пороге встал человек с мокрыми волосами и в женском халате! То есть он надел халат хозяйки.

Женщина спросила:

— А что вы тут делаете?

— Я? Живу,— спокойно отвечал молодой человек.

— Почему вы живете в моей квартире? — гневно, не владея собой, выдавила из себя женщина.

— Я снимаю тут квартиру,— сказал этот спокойный человек.

— Я никому не давала разрешения спать на тахте моей дочери.

— Видимо, вас не спросили,— объяснил этот жилец.— Мне надо одеться, выйдите отсюда.

— А не хотите, я вызову милицию,— ответила она на эту бесцеремонную фразу.

Молодой человек спокойно объяснил, что тот, кто сдал им квартиру, этот мужчина, он взял в банке ссуду под залог квартиры, потом он купил дорогую машину в кредит и разбил ее. Теперь он должен большие деньги. И он сдал ему квартиру.

— Интересно,— воскликнула женщина,— как это он мог заложить квартиру без моей подписи!

— Вот этого я не знаю,— отвечал молодой человек.— Так я могу одеться?

— Сейчас, я все закончу.

Женщина собрала вещи и вышла на воздух. Наглый парень остался хозяином в ее квартире, а что было делать? Голова бедняги кружилась, в горле жег огонь, во рту все спеклось.

Такие обстоятельства, как подлог и фальшивая подпись на документе, карались по закону тюрьмой. Меньше всего ей хотелось ввергать мужа в эту пучину, но квартира! Где им с дочкой жить через два года? И квартиру отберут за невыплату! Она поплелась обратно, как в частичном параличе, на ватных ногах. Около метро она купила стаканчик чая, остановилась у киоска, оперлась о прилавок. В голове стоял звон. В одну секунду узнать, что дома больше нет!

Надо было срочно пытаться что-то предпринять, как-то спасти положение.

Придя домой, женщина позвонила свекрови и изложила ей ситуацию.

Та отвечала так же нагло, как тот молодой жилец.
— Сама виновата. Исчезла? Не звонила, ничего. Он же заявлял в милицию о пропаже жены и дочери. Завели дело.

— На работу, на работу он мог позвонить?

— А откуда он знал телефон? Ты же перешла на новое место!

— Я там уже год, и он прекрасно знает телефон и мне несколько раз звонил. Вот и когда потерял ключи, звонил, у меня сотрудницы подтвердят, они свидетели, я отпрашивалась и уезжала к нему с работы.

— Свидетели? До того уже доехало? Ну и врешь ты все, работников своих подговорить можно легко, разбирайся сама, сама заварила, теперь расхлебывай.

— Я завожу уголовное дело, как хотите. Он сдал трехкомнатную квартиру каким-то людям! А где он?

— У нас он не живет, больше сюда не звони.

Его мать бросила трубку.

И началось! Юридические консультации, беготня по милициям, адвокат, вызов наряда в квартиру, проверка документов у жильцов (их оказалось шестеро), выдворение жильцов, смена ключей, затем установка железной двери.

Бедная женщина после долгих мытарств узнала сумму ипотеки, которую получил ее муж, как-то подделавший ее подпись (в банк с ним приходила какая-то женщина, а паспорт откуда взялся? Темный лес).

В поисках мужа жена пошла к нему на работу.

Там сидели совершенно незнакомые мальчики и девочки, которые слыхом не слыхивали о ее муже и

на его фамилию не реагировали. Пожимали плечами.

Только пожилая уборщица поманила женщину в свой закуток и сказала, что твоего Мишу уже год как уволили. Ни за что, просто так. Женщина спросила: а им начали платить зарплату? Уборщица ответила, что им выплатили за полгода и после этого его уволили.

Господи! Значит, то, что он не давал денег, было именно поэтому? Потому что его уволили?

Она ходила по инстанциям, уголовное дело о подлоге документов шло своим чередом, она уже подала на развод, а дома хмурая дочка вдруг сказала, что в эту школу больше не пойдет. Что хочет вернуться в свою, где подруги.

— Но там же Брудя твой! — возразила ее мать.

— Но все остальные мои друзья. А тут меня дразнят! У них у всех машины. Они ездят в Испанию на каникулы! А у тебя, спрашивают, какая машина? А у нее швейная! Смеются. В моей школе тоже у многих машины, но никто не издевается. Дурацкая эта школа!

У женщины пошла кругом голова. Еще и это! Что, вернуться в свою разоренную квартиру? Но и за это жилье надо платить тоже. А коты, а пальмы? Брать их с собой или девочке ездить час в старую школу?

Ну и пусть ездит, подумала она. Многие дети ездят.

Пока что, подумала она, надо сдать две комнаты из трех на той квартире. Муж куда-то сбежал, да и подделом. За границу? И ладно. А то сидеть ему в тюрьме.

Но тут ей позвонила свекровь, что Миша повесился в подъезде их дома, вернее, удавился, стоял ниже

этажом на коленях у батареи. Свекровь сказала: «Это ты виновата» и выругалась матом. А потом охотно зарыдала, завывала, как будто имела на это полное право, и бросила трубку.

Женщину мгновенно оставили все силы, а надо было ехать домой, рабочий день закончился. Она остановила машину, взгромоздилась, хлопнула дверцей, сказала адрес. И буквально через минуту вдруг начала задыхаться, схватилась за лицо и заплакала.

— Что с вами? — спросил водитель.

Она смогла произнести:

— Муж повесился.

Водитель почему-то кивнул.

— Остановите, пожалуйста, где аптека. Что-нибудь купите типа валидола.

Шофер вышел у аптеки.

Женщина сидела, стараясь глубоко дышать. Ее трясло. Страшная жалость разрывала ей сердце. Господи, несчастный мальчишка. Он так и остался беспомощным подростком.

И вдруг что-то щелкнуло, как будто включилась связь.

И мужской голос тихо посмеялся. Тут же рядом, на заднем сиденье. Насмешливо так, немного издевательски.

Женщина оцепенела и оглянулась.

Никого в машине, разумеется, не оказалось.

Это смеялся он, ее муж. Она узнала его манеру — в тяжелые минуты, когда обстоятельства загоняли его в угол, он так невесело, ерничая, смеялся.

Слезы у женщины мгновенно высохли.

Плакать она не имела права. Всё.

БЕДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Жил да был бедный человек, старший научный сотрудник, то есть действительно бедный. Он к описываемому времени являлся сиротой, но сиротой с наследством, его матушка оставила ему, уйдя в мир иной, двухкомнатную квартиру, причем с цветами, за которыми трогательно ухаживала всю свою жизнь. И это была действительно роскошная оранжерея с розами и даже с гардениями. Денег у матушки бывало немного, покупать такие кусты она бы никогда не воздвиглась, но подруги сначала снабжали ее отростками, а потом и научили из погибших роз, из выброшенных букетов добывать стебли, делать из них черенки и выращивать их в земле, в горшке, дома.

То есть она, как многие нищие, искала сокровищ в мусоре, в выкинутых к ночи отходах цветочной торговли.

И она подрабатывала, то есть приторговывала этими своими нововыращенными цветами, причем в горшках, в которых приживались эти воскресшие стебельки.

Ездил в теплое время года на рынок и там, снаружи, стояла в ряду других таких же красавиц, робко предлагающих свои замороженные растения.

Он об этом знал, мама ему с гордостью показывала своих питомок, говорила, что надо приучать людей дарить не умирающие букеты на выкидание, а живые существа, которые будут приносить буквально каждый день счастье.

И она все это делала ради него.

Всегда его чем-то снабжала, давала небольшую денежку, кормила, даже покупала ему куртки и один раз купила сапоги. И после ее ухода он, семейный человек, лысый, с небольшим пузом, обремененный множеством житейских и служебных обязанностей, раз в три дня ездил на квартиру к себе (он так мысленно считал, что к себе) и поливал цветы.

И если, не дай господь, цветы бы заболели чем-нибудь, а у них, как у детей, это обычная вещь, то он ничего не смог бы поделаться. Но они не болели.

Там было одно секретное обстоятельство, о котором он никогда бы никому не проговорился, никогда.

От него просто требовалось поливать их так, как учила его матушка, то есть, уходя, он всегда оставлял воду в баллоне на подоконнике, чтобы она отстоялась, и поливал цветы только этой отстоянной водой.

Насчет удобрений, подкормок он был несведущ. Просто ездил и раз в три дня поливал. Так ему было завещано.

И это создавало очень тяжелую обстановку в его собственной семье.

Потому что у него была к тому же еще и немолодая жена и очень молоденькая поздняя дочь, студентка со своими проблемами, и эти самые близкие ему люди отчаянно ревновали его к материнской квар-

тире и старались всячески убедить его, что квартиру надо сдать, потому что тогда будут деньги.

Обе женщины его жизни отличались довольно бурным темпераментом и часто кричали на отца семейства, но последнее время они орали и друг на друга, почему: дочь хотела теперь жить одна в квартире отца, то есть в квартире его матушки, а жена придерживалась прежней тактики, все-таки желая эту квартиру сдать и на полученные деньги улучшить материальное состояние семьи, потому что двух зарплат, отца и матери, не хватало, — а у них, как и у многих, была очень старая машина и обветшалая дачка, и квартира собственная давно без ремонта, и мебель древняя рухлядь, то есть если бы ее отреставрировать, то это была бы почти антикварная обстановка, родительское наследство, но денег на такие переделки не было.

Отец же семьи держал оборону, не говоря ни да ни нет в ответ на обвинения жены, что зачем тебе эта квартира, шуры-муры, да? Завел себе, да? Тогда не питайся дома и не жди, что я за тобой на работу буду заезжать и все покупать и готовить, мне самой ужин противопоказан, дочке не до того, живи и кормись сам!

А наш отец семейства не умел приготовить себе ничего, не знал не то что как суп сварить, но и как яичницу поджарить и картошку почистить, да и с яйцом были бы проблемы, если бы он захотел его сварить — как по анекдоту: варишь-варишь, а оно все твердое. По правде сказать, жил он как в санатории, на всем готовом: еда, все убрано, куплено, помыто, постирано, чистые простыни и вдобавок женщина в постели.

А зарабатывал он меньше своей жены и даже курить ему было совестно, эти деньги на сигареты вынимались из семейного бюджета, и жена давно кричала, что завязывай с этим куревом, уже тошнит от твоего рта, как с пепельницей дело имеешь (подразумевались, конечно, интимные отношения супругов, даже обычные поцелуи).

Потому что он любил свою жену, и она любила его в постели. Этого у них было не отнять. Это им принадлежало и держало всю семью не хуже кандалов. Они были привязаны друг к другу, вот такая правда.

Дочка же обижалась и не хотела разговаривать с отцом, когда он отказал ей в простой просьбе — дать ключи от той квартиры на день рождения хотя бы. Отец в ответ стал кричать (а он тоже был не промах в этом, все кричали, и он страшно орал, хотя на работе был уравновешенным и в общении с другими людьми производил впечатление доброго, умного и немногословного ученого).

Отец не дал дочери ключей от той квартиры.

Вообще, с этими ключами он носился, по выражению жены, как с ядерным чемоданчиком: имел их всегда при себе.

Дело доходило даже до смешного: он их прятал и не говорил где. Дочь и жена, когда он скрывался по утрам в ванной, шерстили всё вокруг его письменного стола и книжных стеллажей, не говоря уже о проверке сумки и карманов (это у них превратилось в страсть), пока не выяснилось, что отец семейства всегда эти ключи уносит с собой, и в ванную, и в туалет.

В конечном итоге данная ситуация напоминала последние годы жизни Льва Толстого, когда жена охотилась за малейшими его записями в дневниках.

Муж доставал жену этими своими сравнениями, после того как однажды в субботу днем в материнской квартире посмотрел по каналу «Культура» фильм про уход Льва Толстого. Они оба с мамой любили этот канал, и он, приходя, всегда его включал.

И отец, доморощенный Лев Толстой, даже иногда восклицал, что он скоро будет вынужден уйти вообще от вас, вы, две Софьи Андреевны: заманали меня вконец.

Разумеется, они в ответ остервенело сулили ему уйти куда подальше, известно куда.

Но что поделать, обе Софьи Андреевны вынуждены были каждые три дня затаиваться и ждать, придет-не придет хозяин дома, полив свои цветы.

Но он являлся, голод не тетка, а покупать еду в магазинах, как это делают все люди, ему было не по карману, деньги отцу семейства оставлялись только строго на сигареты, да и сварить он себе ничего бы не смог.

На работу и с работы его возила жена на семейном драндулете, всё.

Как он мечтал о сырокопченой колбасе, о «Макдоналдсе», о простых сосисках в тесте, даже о мороженом: об этих лакомствах подросткового периода. Но ему они были недоступны.

В обеденный перерыв этот бедняк не ходил вместе со всеми в соседние обжираловки, нет: он кипятил себе воду, заваривал траву (ромашка плюс шалфей,

выращенные женой на даче), ел ледяной салат из баночки и в заключение гречневика (котлеты из каши), или морковные котлеты, или картофельные.

Еда эта пролетала, как торпеда, по пищеводу и далее в желудок, согретая горячим травяным настоем.

Он уже привык к тому, что главное удовольствие ждет его на ночь, суп с костью, жареная курица или кусок мяса с фасолью. К этому он мысленно стремился весь свой рабочий день.

А на работе его обед шел под лозунгом «у него предъязва». Жена вбила этот термин ему в голову, и он про эту предъязву всем давно объяснил и даже часто повторял, отказываясь от похода в кафе даже с полочки: «У меня это», — и все хором повторяли диагноз.

Женский народ на работе тайно потешался над ним, над этими его маленькими чудачествами, однако его все уважали и ценили его разум, знания и доброту.

Таких мужиков у них не было. Да и вообще в их лаборатории мужиков не было. Он был один как царь.

Поэтому бабы наловчились кормить его своими домашностями, приносили кто что мог, а уж день рождения или двадцать третье февраля, мужской день, превращались просто в обжираловку.

Он приходил домой совершенно не в силах что бы то ни было съесть.

Жена ворчала, она тоже приготовила ему праздничное пиршество, а тут такой конфуз. Он жаловался на живот и быстренько ложился спать.

Зато в остальном он был здоров как конь, болел только насморком и не знал, что такое городской

транспорт, все эти толпы, в которых тебя вертят как в стиральной машине, он не знал, что такое очереди на маршрутку и зимние, темные вечера на улице в ожидании, когда можно втиснуться в транспорт и ехать домой.

Пиво! Пиво было его заветной мечтой, но эта мечта его сбывалась ежедневно. Откуда у него были деньги на банку пива, жена не могла взять в толк, но он каждый вечер благоухал этими хмельными запахами, хоть ты тресни.

— Пиво пил? Воняет на всю машину,— говорила злобная и озадаченная жена, к которой муж залезал, прождав ее звонка у себя в опустевшей лаборатории.— Смотри, уже пузо не умещается в ремне безопасности!

Вот это была его тайна, запах пива и выросший пивной животик, и раз в три дня одинокие поездки «к себе» (тут уж она его не возила, еще чего, он шел пешком, когда-то многие годы назад он нашел себе этот институт буквально в десяти минутах ходьбы и оставался на этой работе, как галерный раб, потому что его привязывала к месту службы близость жилья).

Откуда у него оказывались деньги на пиво и на метро возвращаться домой?

А они у него были.

Жена, которая давным-давно навела контакты в бухгалтерии института, знала до копейки все его заработки и авансы и получала их из рук в руки скрупулезно, день в день.

В ответ на бешеные вопросы жены, откуда у тебя деньги, он улыбался и говорил — от мамы.

На самом же деле он у себя в лаборатории взял сверхурочную работу для одной фармакологической фирмы. Он был биохимик, и биохимик высокой пробы, с хорошими руками, аккуратный как аптечный провизор, и, когда в лабораторию завезлись посторонние люди с конкретной заявкой, с рецептурой и материалами, этот скромный кандидат наук встрял в беседу довольно настырно (ее вели гости с одной пожилой лаборанткой) и немедленно предложил тут же, на ходу, ряд усовершенствований. И перехватил эту работу, вызвав пожизненную ненависть лаборантки.

Лаборантка восстанавливала против него коллектив, с ним уже разговаривали холодно и не кормили, однако он в этом больше не нуждался, так как получил работу. Хапнул!

И теперь все время он был занят, корпел над дальнейшим улучшением препарата, его мозг раздувал пламя внутри черепа, жизнь стала интересной. Мало того, это лекарство, которое он готовил малыми порциями и сдавал раз в неделю, как выяснилось, спасало жизнь людям, больным редкой болезнью. Диагноз-то поставить и то было сложно, но лечить умела только эта фирма (два пришедших в институт человечка), а в ней один изобретатель Миша, который в свое время подался за рубеж, унося с родины в клюве свое изобретение вкупе с подробной рецептурой, это было его ноу-хау, он уселся в Германии как угнетенный еврей, но без знания языка и как мужик со странностями, и он не смог там пробиться ни в одну из могущественных корпораций, не сумел объяснить, как из дешевых компонентов при соблюде-

нии лабораторной чистоты (и не спеша) можно получить эликсир жизни для тяжело и редко больно больных людей.

И только вернувшись обратно в сумасшедшую Москву, при помощи Интернета этот Миша нашел себе армянского соратника Лева.

Лева, не менее больной на голову идеалист с коммерческим уклоном, проникшись идеей помочь человечеству, продал свою стоматологическую клинику и двухэтажную квартиру в строящемся доме, вложил деньги в разработку препарата и начал ждать.

Огромное количество времени, сил и денег ушло на то, чтобы пробить инстанции в Министерстве здравоохранения.

Такая хитрость Лева снова не удалась, и Миша с Левой стали искать лабораторию, где бы их препарат производился подпольно.

Они уже знали примерный список людей, больных этой странной болезнью, страдальцы поймали друг друга в Сети.

Ну и в результате Лева и Миша нашли себе бедного человека, который готовил им необходимый препарат в беднейших условиях, совершенно не приспособленных ни для каких научных подвигов, но, тем не менее, бедный человек создавал этот препарат в высшей степени скрупулезно и соблюдая стерильность (так же данное лекарство готовили в разных лабораториях по нищим городам нашей страны).

Это была зашифрованная агентура, лаборантки ничего не знали друг о друге, ничем не располагали, кроме череды необходимых действий, им выдавались исходные материалы и инструкции.

Лева и Миша платили за полученное сразу же, хоть и немного.

А само лекарство, не прошедшее через министерские инстанции, не получившее необходимых документов, уже действовало и продавалось через тот же Интернет.

Иных путей не было.

Миша объяснил Лева (и заодно нашему научному сотруднику), что любое изобретение века немедленно уничтожает все предыдущие накопленные технологии, целые заводы перестают работать, целые страны прекращают выдавать заработки, особенно если речь идет о Юго-Восточной Азии, потому что они производят устаревшую продукцию, а надо строить новые заводы. Но эти передовые заводы требуют огромных капиталовложений, на что суровые люди в банках не хотят идти.

И гигантские корпорации тоже на такие затраты не согласны, слишком много пришлось бы платить ради спасения каких-нибудь ста тысяч смертельно больных людей.

Да и существует же мнение, что плацебо, абсолютно бесполезные таблетки, они при соответствующей рекламе, особенно телевизионной, приносят облегчение не хуже чем реальные препараты.

Таким образом, наш тихий безденежный дядечка-ученый стал получать дополнительную сумму, небольшую по меркам столичной жизни, но существенную для бедняка, который всю зарплату должен отдавать семье.

Тут существовала одна важная деталь: жена, сразу после смерти свекрови взявшаяся оплачивать наслед-

ственную квартиру мужа, в один распрекрасный момент сказала: «Ты не хочешь идти нам с Алисой навстречу, так и я не буду оплачивать твои квартирные счета».

Муж прибрал бумажки к себе в папку, папку уложил в сумку и вытаращился в пространство, сидя в своем кресле у телевизора. Шла передача, а он ничего не видел, только отупело смотрел внутренним взором на открывшуюся пустоту.

И вот тут-то в институт и пришли Миша с Леваном искать лаборантку. Все совпало.

Наш бедный человек узнал у соседок, где и когда платить, и обошелся.

Затем он первое, что сделал,— на полученные деньжата установил железную дверь в той своей квартире, новые же ключи он держал один при себе, а второй на работе.

То есть домашние не смогли бы открыть дверь тем ключом, который бы они добыли, потому что только двумя ключами открывалась эта железная дверь.

Его тайная жизнь давала ему силы выдержать атаки жены и дочери. Они заподозрили неладное обе, очень уж хорошо выглядел их отец семейства, не отвечая на обвинения и не идя на предложения.

Они съездили на квартиру, увидели там железную дверь, и их подозрения запылали как костер под еретиком.

Наш бедный человек теперь жил вроде глухого в обстановке горячего цеха, среди паровых молотов и железного лязга.

Его кормили, и хорошо кормили. Питание не иссякало, травяной чай и овощные котлеты на обед,

мясо либо курица и щи на косточках (или гороховый суп с грудинкой на ночь), чистое белье, глаженные рубашки, костюм из химчистки, женщина в постели.

Ибо его жена чрезвычайно дорожила своим мужем именно в этом плане. Как женщина в соответствующем возрасте, она понимала всю ценность своего имущества, каковым она почитала мужа.

Но однажды жена встретила его в рыданиях. Она сидела в машине, и по ее щекам катились неподдельные обильные слезы отчаяния. Он прекрасно понимал, когда она плачет искусственно или от злобы.

Это были слезы горя.

Он сел на свое место, пристегнулся, не глядя на жену, довольный собой: завтра была зарплата от Лёвы с Мишей.

Жена тронула машину и горестно всхлипнула.

Он на нее посмотрел краем глаза, осторожно, чтобы она не заметила. Ее щека блестела от слез.

— Не спрашиваешь? — закричала она. — Не интересуется тебя?

— Почему? — ответил он как обычно.

— Алиску изнасиловали, — выдавила жена из себя с огромной силой, как бы сквозь сопротивление.

Муж испугался и замер.

— Она мне позвонила, что стоит на улице, ее вышвырнули из машины какие-то люди. Сейчас мы едем за ней.

Дочь села в машину в центре города. Она затаилась на заднем сиденье, непохожая на себя, молчаливая.

Отец чувствовал, как она истерзана и замучена насильниками, и что у нее сейчас нет возможности

говорить. Холодный пот выступил у него на лбу. По спине потекло. Сердце колотилось. Рядом беззвучно плакала жена.

Девочка вышла из машины с высоко поднятой головой, как партизанка перед казнью. Отец понимал, что она боится того, что последует дома. Он чувствовал, что жена сейчас накинется на Алиску с упреками и обвинениями, будет кричать как обычно. Эти воспитательные крики он слышал всю жизнь — нельзя так себя вести, нельзя садиться в чужие машины, нельзя отвечать на вопросы на улице, нельзя идти с кем-нибудь, нельзя брать конфеты у кого бы то ни было, нельзя принимать приглашения в кабак и вообще ходить ночью в клубы. Сколько раз тебе говорили и так далее.

Отец догнал дочь, обнял ее и повел по ступенькам к лифту. Девочка дрожала как от холода.

«Господи,— думал он,— чего стоит вся моя жизнь, если это случилось. Не обращал на нее внимания, на свою единственную кровиночку, на родного ребенка».

Жена подхватила дочь с другой стороны, и они втроем вошли в лифт, как в газовую камеру, подышать.

Жена, однако, опомнилась, набралась сил и по приходу домой сказала дочери, что нужно сейчас же ехать на судебную экспертизу, брать анализ спермы. Да! И потом заявление в милицию. Ты сможешь их описать?

— Не буду,— сказала дочь и сверкнула глазами.— Я еще не сошла с ума. Ни в какую милицию! Вы что?

Да они в Интернет выкладывают фотографии с адресом и фамилией.

Родители замерли от этих слов. Они словно оледенели. Жизнь оборачивалась к ним своей неизвестной и ужасной стороной. Мать растерялась, и уже приготовленные речи застряли у нее во рту.

Все-таки она начала бормотать, что надо, надо в больницу, они знают, что делать при случайных связях, промоют, сделают укол. А вдруг СПИД, беременность?

Наконец она выдавила из себя страшную фразу:
— Сколько их было?

Девочка молчала.

Мать закричала, сорвавшись:

— Как тебя угораздило, сволочь, сколько тебе было говорено, не садись в чужие машины!

Отец прервал ее:

— Ничего, детка, ничего, обойдется. Иди в ванную.

— Надо в больницу ехать, — вопила жена.

Дочка поплелась в ванную и щелкнула там задвижкой.

Потекла новая жизнь.

Девочка не отвечала им по мобильнику, они колесили по ее подругам, и одна из них с плохой улыбкой на устах сказала, что ваша Алиса кого-то ищет в одном и том же месте, в центре, на углу около большого супермаркета.

А однажды дочь вообще не пришла ночевать.

Алиса явилась только на следующий день вечером, пришла домой сама. Грязноватая, как будто бы не умытая со вчерашнего, неряшливая.

— Где ты была? Мы в милицию ездили, в морги звонили!

— У девочки из группы была днюха.

— Что??!

— Днюха, дэ рэ, день рождения,— объяснила дочь.

— Нельзя было позвонить? — вопила мать в слезах.

— Чтоб ты орала, да?

Девка явно сошла с круга. Она перестала вставать утром в институт, мать ее поднимала с трудом, прыскала на нее водой, наконец начала просто поливать из кружки.

В результате мать пригласила на дом психолога, специально вечером.

Состоялся разговор у этого психолога с дочерью.

Психолог, немолодая, приятная на вид женщина, запретила родителям присутствовать при разговоре, удалила их из спальни дочери и в коридоре тихо заявила, что потом сама им все скажет.

— За наши же деньги нас же еще и вытуривают,— пробубнила мать семейства затаившемуся на кухне отцу.

Затем психолог пригласила родителей приехать к ней в клинику.

Они испуганно приехали.

Больничная обстановка придавила их. По коридору шаркали какие-то вялые подростки, медсестры вели кого-то вдвоем. Ужас.

Тут их встретила та самая врач и пригласила к себе в кабинет.

Бедный человек помимо своей воли зачем-то стал иронически улыбаться, как будто все это ему нипочем.

Но психолог на него не смотрела, была деловая, как бы уставшая, она усадила пару и начала проводить беседу.

Выяснилось, что все просто, что девочка влюблена в спортивного тренера, что она караулит его у его машины, он ставит машину у супермаркета, там где-то у него зал для занятий с персоналом. Что девочка ваша, она ничего не может с собой поделаться.

В тот раз, когда она сказала, что ее изнасиловали, это он привез ее домой и сделал женщиной, а после этого уже не хочет с ней иметь дела.

— Я его убью,— сказала мать.

Психолог не смогла предложить ничего, кроме таблеток, как для кошек, антисекс, иногда это помогает.

Девочка таблетки пить не стала.

Была весна, страшное время для семьи. Дочка изменилась, исхудала, с родителями не говорила, ничего дома не ела. Иногда не приходила ночевать.

Теперь жизнь в семье текла сообразно новому порядку. Родители уже не имели никакого влияния на свою дочь, она с ними не разговаривала, она не брала трубку, когда они ей звонили, но брала деньги.

Постепенно все как бы устаканилось, как выражаются во дворах, потекло в новом русле, мать резко постарела, однако все, что касается супружеской жизни, текло как обычно.

И раз в три дня бедный человек ездит к себе на квартиру, с порога кричит: «Я тут, ты сама как»,—

остается там со своими цветами, поливает их за железной дверью, отгороженный от ужаса мира, постепенно привыкает к сознанию, что дочь его взрослый человек и больше в нем не нуждается, ни в его словах, ни в том, чтобы он ее погладил по голове, ни в том, чтобы он ей посочувствовал. Всё, она нуждается только в его квартире, она кричит на него практически каждый раз, когда видит: отдай, отдай мне квартиру, я выйду замуж, отдай.

Но он не может дать ей ключи от квартиры, не может отдать материнское жилье, потому что главный секрет его жизни как раз и состоит в том, что там, в той квартире, где умерла его мать, у него есть к кому прийти.

Переменивши обувь на тапочки, он включает телевизор на полную громкость, попутно переговариваясь с той, к кому он пришел, она садится рядом в свое любимое кресло, и он ей всё сообщает, все новости прошедших двух дней, мельком глядя на экран, он обсуждает с ней жизнь цветов, он называет эти цветы по именами — Танечка, Наташа, Роза Первая и так далее, он рассказывает ей о том, что у него на душе, а она тут же, она присутствует, она смотрит телевизор, она кивает на все его рассказы, и он прекрасно слышит, что она ему советует насчет цветов.

Он не может пустить сюда никого, потому что это ее испугает. Она слушает его, вместе с ним смотрит телевизор и во всем с ним соглашается.

Вот он сидит у себя на той квартире вместе с ней, телевизор орет, бедный человек пьет пиво из своей баночки, все у него в порядке, квартира подметена, и

даже раз в месяц он моет полы, все чисто, и мама с ним. Это она с ним.

Потом он едет домой на метро, никуда не денешься, его манит к себе кость в супе и кусок жареного мяса, женщина в постели, запах чистого белья и глаженной рубашки.

И вообще одному ему страшно.

Он уже привык к крикам дочери, что ее муж, она его так теперь называет, он пока что не женится на ней, потому что ему негде жить, он приехал из Самары, и этот муж-муж-муж говорит, что если у тебя будет квартира, то мы будем жить с тобой и родим детей, я на тебе женюсь, мне нужна квартира, квартира, квартира, каждый божий раз у дочери с отцом одна и та же сказка на ночь.

И когда раз в три дня бедный человек ездит в свою ту квартиру, он ничего не рассказывает маме о тех криках, которые сопровождают его жизнь. Она и так все знает и понимает, его живая мама. Она пришла к нему через сорок дней после того, как ее опустили в яму.

Он никому не говорит о ней, а то еще поведут по тому коридору медсестры вдвоем бедного человека.

ПАДЕНИЕ ВНИЗ

Вот вам история из далеких позднесоветских времен, столько лет утекло, однако же история осталась. Итак, главное действующее лицо: Владимир.

Остальные действующие лица — второстепенные.

Такая пьеса со многими исполнителями, некоторых из них сейчас и на свете-то нет.

Итак, начало.

Владимир пристрастился к наркотикам.

Что значат эти слова: «пристрастился к наркотикам»? Похоже, что они значат (по крайней мере, в нашем случае, в случае с Владимиром) падение.

Далее, что значит (опять-таки в нашем случае) слово «падение»? Оно означает, что человек находился на какой-то высоте положения и оттуда пал вниз.

Владимир, однако, ни на какой высоте так и не побывал, если не считать, что он закончил какое-то учебное заведение, а то и не закончил, и по такому поводу оказался вместо своего захолустного города в столице нашей родины, в нашем случае в Москве (а мог оказаться в Берлине или Амстердаме, кстати).

И это, согласитесь, путь наверх (из его материнской квартирнки, где-то в новом районе города, допустим, Николаева, откуда тоже свободно можно было падать ниже и ниже).

Но Владимир сделал важный шаг — он женился на девушке из Москвы, симпатичной, жалостливой, одинокой и неприспособленной.

Одинокой не в том смысле, что она одна жила в своей квартире, нет, там жили еще мама-папа-бабушка, и Лора туда ввела своего найденного в гостях Владимира, обаятельного, тихого, румяного юношу, студента училища, будущего художника, ни много ни мало.

Все как положено — с той только разницей, что родители приняли в свое гнездо не маменькиного сынка из города Николаева, а человека, прошедшего долгий путь по Москве, по чужим квартирам, подвальчикам и чердакам, милого, тихого, способного навести идеальный порядок (мама из г. Николаева), способного написать маслом на холсте натюрморт в подарок, причем быстро и качественно, а то и горы на рассвете или луну над селом. Чуть ли не новый Куинджи.

Но в том и дело, что Владимир, как многие, жил уже в те поры в виде подпольщика, т. е. все время искал пути. Пути эти были не с большой буквы, а такие кривые потаенные дорожки, не видимые никем, не доступные постороннему глазу.

Каждого по жизни ведет его путь. Все ищут заработка, но еще и, к примеру, художник ищет совершенства, любовники ищут кого собой обворожить и этому посвящают жизнь, стяжатели ищут путей к

легким деньгам, философы смысла жизни и слов, ученые хотят добиться решения проблем и т. д., путешественник жаждет новых пейзажей, хиппи хотят покоя и тоже денежек, но чтобы их никто не трогал, и все бы кормили.

Владимир каким-то образом прибил к хиппи, хотя внешне не стал приобретать их черт, не отпустил волос, не оделся особенно, с фенечками, не пел их песенок и не жил их общей свободной сексуальной жизнью, нет.

Он откуда-то знал, что ему опасно отпускать волосы и любить маленьких «герёл», бездомных девочек, прибившихся к коммуне. Он-то хлебнул многое, он с детства чуял нависшую тревогу.

Хиппи шли в своей жизни к одному идеалу, к полному покою, и зашли на этой дорожке очень далеко, идя против правил, законов и так называемого «общественного мнения». Их били и сажали в клетку за их внешний вид, их брили насильно, сдирали с них красивую одежду, а если менты находили там, в кармане, нож (перочинный, для нужд бездомного хозяйства), то владельца могли объявить носителем оружия и посадить на пять-шесть лет.

Сажали и за найденные в сумках таблетки и порошки, и человек не возвращался больше никогда из лагеря, убитый или умерший от туберкулеза.

Опасно быть в нашей стране хиппи, и Владимир, который тоже ненавидел все официальное, сам искал свой путь, искал, как прожить помимо правил, как не сесть на зону, слишком много он хлебнул в детстве, в городе, где ходил в школу и числился отличником. А там все было поделено между подрост-

ковыми группами, и маленького Владимира запугали рассказы матери, он не выходил гулять во двор, но бегать приходилось — то в школу, то из школы, то на кружок рисования, то в музыкалку.

Владимира дворовые били, отнимали у него альбом и краски, ноты и учебники, старшие школьники преследовали маленького отличника, однажды изнасиловали в подвале, и он в конце концов стал побродяжкой — не сознался матери, что не ходит ни в свою школу, ни в музыкальную, а с утра просто гуляет в центре города, где безопаснее, подальше от поделенных на сферы влияния кварталов, ворует в магазинах самообслуживания, сам себя развлекает и наконец находит группу хиппи, противостоящую бандитам, группу детей-цветов в этом южном городке. И когда школьная учительница стал звонить и спрашивать, почему Владимир не посещает (а он уже доучился до девятого класса), и мать принялась со слезами допрашивать сына, он попросту исчез из дома.

Он, повторяем, нашел группу, которая не бьет, не насилует бедных мальчишек, а тихо сидит, поет, читает, скитается по дорогам страны, просит милостыню, плетет фенечки, вышивает, нанизывает бусинки, играет на гитаре, а также что-то тихо пьет, глотает или для развлечения варит зелье из трав и колет в жилу кое-что, сделанное по правилам.

Не желающие убивать и преследовать кого-то, новые друзья Владимира понравились ему, и он, уйдя из дому, отчалил к другим берегам с этими кочевниками, отъехал вдаль от матери (главное, что от школы).

И те же друзья, когда настала пора, предостерегли его — неуклонно подступало время, когда ему надлежало идти в армию.

Так что Владимир, наученный опытом своих теперешних собратий (как не надо жить), извернулся, сбежал домой к маме, получил паспорт и какой-то аттестат вечерней школки (мама всюду имела подруг, сама даже работала учительницей) и, грянувшись об пол, оборотился студентом художественно-какого-то училища, вечным студентом (он, имея хорошие руки, мастерски подделывал в студенческом билете даты и штампы).

Это произошло потому, что мать, уставшая лежать по больницам в тоске по исчезнувшему сыну, наконец нашла свой путь, т. е. получила в руки адрес Владимира до востребования, раз уж он однажды ночью, доведенный до видимого отчаяния, написал ей письмо с прямыми указаниями, что для него надо сделать, иначе конец.

Вот тут мать захлопотала, тихо и тайно, все подчистила, подлизала, вложила документы куда надо, и сыночек сел на учебную скамью сдавать выпускные экзамены, причем почти в срок, в восемнадцать без малого лет, после трехлетних скитаний.

Он был малый очень сообразительный, и того небольшого багажа, который он получил за месяц подготовки к экзаменами, ему как раз хватило, чтобы все сдать и затем даже поступить в Москве в какое-то художественно-промышленное училище, куда принимали после десятого класса.

Однако на данный момент Владимир уже числился художником, он в основном рисовал «лунки» и продавал их на Арбате.

«Лунками» назывались пейзажи с луной.

Владимир поднаторел в живописи за несколько лет пребывания в Москве, поживши у одного Сашки-художника, который давал холст и краски и образцы того, что покупается на Арбате.

Способный Владимир быстро настрополил. Речь ведь тут не шла о насилии над личностью, о том что называется «обучение искусствам».

Но можно ли личность обучить быть художником? Вопрос спорный, скорее, это ошибочная мечта неудачников-родителей, романтически настроенных и желающих руками детей разгрести горы своих несбывшихся мечтаний, найти для них потерянный старшими так называемый «свой» путь в искусстве.

Владимир ненавидел материнские мечты (о, музыка, о, живопись!), но ремесло его не отвратило, Сашка все растолковал, и Владимир сносно ляпал по холсту, водил кистью и пальцами, изображая что нужно, то есть то, что продается, а выпивка и травка не переводились в странной Сашкиной берложке, где тараканы ползали по спящим на полу, где никто не мыл посуду и не мел веником, никто не стирал, как в пещере, только добывали пищу и зелье и старались попадать точно в унитаз.

Приход и расход, в горло, по пищеводу и вниз — всё. И какие-то телодвижения для добычи необходимого, размалевывать холсты, как в случае Сашки.

Владимир, однако, уже вставши на этот путь, отличался от многих его квартирных сожителей и рабов, он любил все-таки чистоту, брился регулярно, что-то тихо себе подстирывал, и особой популярно-

стью стал пользоваться, когда сшил себе хорошие брюки (старые расползлись),— он долго колдовал, мерил свои распорки, то есть штаны, распоротые по швам, стоя в одних трусишках, а ткань у него тоже нашлась, какая-то парусина, технический брезент зеленого цвета, в оригинале там был чехол с автомобиля, снятый Владимиром в чьем-то дворе при помощи ножа. Сашка же вспомнил, что у его мамы хранится старый большой «Зингер».

Короче, Владимир тут же заинтересовался швейной машинкой Сашкиной матери, съездил к ней, починил этот раритет. Сашкина мать показала как строчить, все растолковала, тронутая вежливой внешностью, румянцем и полной беззащитностью Владимира, маленького мальчика (все матери быстро просекают таких беззащитных детей и передают их друг другу из рук в руки, они-то бы и не передавали, хранили у себя, но сокровище уплывает).

Владимир получил машинку (на время, а вышло, что навеки, хиппи не отдают и ничего не требуют назад), далее он состроил, построил брюки, все понял, даже появился в своем училище, где у него сидела в учебной части сочувствующая девушка, покрывавшая его учебные грехи.

То был единственный раз в жизни, когда Владимир пытался постелить соломки, как-то обеспечить себя на будущее (ремесло, вообще-то, означает кусок хлеба!), и он целенаправленно походил на какой-то курс, то ли конструирования, то ли технологии чего-то, ненадолго загорелся стать модельером.

Но его жизнь у Сашки предполагала, помимо ночевок и сдачи холстов, общее сосуществование, кол-

лективное питье, курево и колеса, т. е. наркотики в их пока еще не самом сильном варианте.

И уже там технология существования была такова, что ночью народ гудел, до полудня спал. А учебато протекает по утрам, что характерно.

Вот этот ночной образ жизни и то, что называют ленью (на самом деле на это есть свой точный медицинский термин), не пустили новичка развиваться в швейном искусстве дальше, хотя машинку он берег и прятал ее у одной знакомой после поползновений Сашки обменять механизм на бутылку (машинка-то моя материна, где она у тебя?).

Знакомая, как раз та самая Лора, нашла Владимира на каком-то детском дне рождения — хиппи имели детей, и уж эти святые праздники собирали всех.

Владимир пришел на именины, и на нем были не только новые брезентовые штаны, но и новая куртка (он взял заказ на шитье, принял материю, все исполнил, но носил куртку сам, прячась от заказчика) — и Лора, увидевши таковое чудо, а также узнав, что Владимир сам шьет, тут же со смехом и радостью сделала ему заказ.

Владимир, давно искавший куда бы деть машинку, согласился, и в ту же ночь въехал к Лоре в комнату с этим швейным механизмом, чистый, выбритый, в новой одежде — и остался.

Он сшил Лоре безрукавку из кусков меха, сшил художественно, любовно, чисто, с врожденной аккуратностью, затем сшил Лориной матери очень быстро юбку и затем оказался принят в семью как студент со справкой.

Его поженили и прописали, но шить ему больше не хотелось.

От него ждали чудес, слава его разнеслась по всем знакомым родителей Лоры, уже порывались нести ему отрезы и отрезы, но тут Владимир нашел себе Лорину подружку, девушку из захолустного города, Жанна по кличке «Ванна-с-Тольятти» (она рассказывала всем присутствующим, что в детстве называла себя не Жанна а Ванна, и, самое смешное, когда ее спрашивали как тебя зовут, отвечала: «фами внаете»).

Ванна стала в Москве дорогой проституткой, как-то так извернулась, сняла квартиру, носила шубки, брюлики, имела косметику от Диора-с-Парижа (произносить слитно), а все дело было в том, что ее главный сожитель и покровитель жил между двумя странами, скажем Италия — Россия, и налаживал именно в Тольятти производство каких-то пламенных моторов, и ему там встретилась Ванна, семнадцатилетняя выпускница в белом платье, волжская блондинка, роза с крепко взбитыми сливками. И дело завертелось, начавшись с уличного знакомства, т. е. Ванна села в машину к итальянцу.

Дело завертелось, но: Ванна не желала жить в родном Тольятти, где часть людей относилась к ней как к вражеской подстилке, т. е. с завистью (бабы, подруги и мальчики), а меньшую часть составляли те самые враги, кому якобы и предназначалась подстилка.

Короче, Серджио снял Ванне апартаменты в Москве и сам туда наезжал на уик-энды, а в остальное время Ванна принимала других богатых бизнесменов, завела знакомства в верхних эшелонах искус-

ства, но: каковы истинные истоки человека, таков и его неизбежный путь, и Ванна нехотя увела мужа (Владимира) у якобы подружки Лоры.

Лора с интеллектуальными друзьями ходила к Ванне посмеяться над ней, над ее выговором, они потешались над Ванной-с-Тольятти, повторяли друг другу ее словечки, но исправно пили и ели за ее столом.

Все это с хохотом рассказывалось Владимиру. И Владимир был однажды приведен к Ванне. Они познакомились.

После чего Владимир исчез.

Они с Ванной залегли в берлогу, вкусно ели, сладко пили, хорошо спали, тем более что Серджио фирма вызвала на родину на два месяца, он звонил ежедневно, ежедневно звонили и бывшие папики-друзья, но Ванна держала оборону.

Владимир жил теперь именно в тех условиях, для которых каждый человек предназначен,— любовь, ласка, еда и питье, фильмы типа «Эммануэль», дорогие магазины.

Однако же и от Ванны-с-Тольятти у него находились потайные пути, и иногда он исчезал, прорезая в толще богатства свои ходы, ходил по старым местам, носил деньги и подарки, посещал детские дни рождения и встречался с Лорой (романтически, в кафе), по ее просьбе, она рыскала всюду, ища своего мужа, ее родители окаменели от горя, и в результате с инфарктом слег еще совсем не старый ее отец, бац — и умер.

Владимир тут же приехал с деньгами, все взял на себя, отхоронился и снова исчез.

Приближался срок возвращения из Италии «Серджика», приближалась свадьба Ванны-с-Тольятти, Серджио собирался увозить свое сокровище на родину, и Владимир однажды вечером ушел из объятий плачущей Ванны никуда, в темную ночь; а во дворе уже разгружалось такси Серджио, прибывшее из аэропорта с огромным грузом.

Владимир ушел не плача, все в той же куртке и в том же состоянии.

Идти к Лоре было нельзя, идти к Сашке пришлось, в гущу тараканов, однако Сашка уже погиб к тому времени, как выяснилось, но и там уже болото заросло, и место оказалось занято, новые морды повернулись к Владимиру от плиты, где варилась маковая соломка, морды бледные, подвальные, мокрые как вареные пельмени.

Владимир, однако, заготовил себе еще раньше один детский день рождения — и пошел туда с подарком, купил бутылку, причем дорогую.

Его приняли приветливо, все знали, что он щедр и обеспечен, он помог вымыть посуду и как-то так и остался.

Хозяйка, одинокая мать, добрая и безалаберная актриска, постелила ему на раскладушке, и Владимир переспал ночку среди остальных оставшихся, но другие ушли на завтра к вечеру, а Владимир еще раз остался, причем вымыл всю посуду, подмел и утром даже отвел малолетнего сына хозяйки в школу.

Хозяйка спала, сказала ночью, что на репетицию к одиннадцати.

Владимир взял ключи от квартиры, невинно лежащие под зеркалом, вернулся в дом с мороза и полу-

чил следующее указание: забрать мальчика из школы и отвести его в музыкалку к трем.

И Владимир прижился.

Денег не было совершенно, актриска получала мало, да и попивала с друзьями.

От живописи Владимир отвык, а искусство, как им говорили в училище на вступительной лекции, есть штука такая: отойдешь от него на шаг, а оно от тебя отойдет на десять.

Швейная же машинка, приданое Владимира, стояла вдали, в доме мертвеца.

Актриска Лиза билась как рыба об лед, даже родная мать ей почти не помогала, мать считала, что это Лиза должна ей сама помогать как больной.

Владимир же от полного отчаяния, из-за ломки, пошел на то, чтобы унести из Лизиного дома старый дорогой дагестанский коврик, за который он выручил буквально гроши, зато купил маковой соломки.

Эпизод произошел летом, когда Лиза уехала с ребенком в деревню к друзьям.

Владимир затем пустил в ее дом одну свою прежнюю знакомую, по прозвищу Мулява.

Мулява принимала недорогих клиентов, жизнь была ключом, Владимир варил на кухне свои травки, опять набился полный дом жильцов, пока не грянул гром. Вернувшись из деревни раньше срока, Лиза обнаружила у себя на диване труп женщины и больше никого.

Было чисто, прибрано, отсутствовал телевизор и видеоманитофон, оба ковра и дубленка хозяйки, зато присутствовал труп.

Пошли страшные дни, милиция, слезы, Лизин сын не мог спать, полный тарарам и провал в жизни,

а Владимир появился из небытия месяц спустя, вошел со своими ключами, растерялся, увидев Лизу, но сказал вот что: я тут оставил свои вещи, я уезжал, у меня мать умерла.

Владимир показался Лизе совсем погибшим человеком, но еще живым. Он двигался, искал то ли паспорт, то ли какую-то свою сумку, и тут выяснилось, что под сурдинку, уходя, он попятил Лизин кошелек, лежавший под зеркалом (там, правда, почти ничего не оставалось). А перед тем Владимир взялся за веник на кухне, как бы проверяя границы своих возможностей.

— Кто та девушка, которая умерла,— спросила Лиза.

— Какая?

— Тебя ищут, имей в виду, лучше тебе у меня не проявляться.

— Какая девушка?

— Умерла от передоза,— сказала Лиза,— прошу тебя...

— Ты еще эту смерть на меня повесь,— откликнулся Владимир, собирая мусор на газету.— Совок надо купить. Смерть матери на меня уже повесили.

И он посмотрел на Лизу своими совершенно пустыми глазами, маленькими запавшими глазами из глубоких больших глазниц, как бы умоляя не гнать, не гнать больше никогда.

Что же, он опять остался, но жить ему пришлось с новым хозяином: к Лизе прибился, очень прочно угнездившись, человек с богатым географическим прошлым, поездивший по всему миру и объявленный в результате в розыск как бы даже и Интерполом.

Миша (так его звали) грозно сидел на троне, а Владимир тихо шуровал веничком, подметая и подметая.

Так дело докатилось до следующего лета. Владимир опять остался сторожить квартиру, а Лиза с сыном и Мишей отвалили в деревню.

Тут и произошло следующее: Миша неожиданно вернулся из деревни и умер. Диагноз патологоанатомы поставили походя, это оказалась, как водится, все та же сермяжная «сердечная недостаточность». Опять труп в квартире, и опять Владимира нет (кто-то с ключами зашел узнать, почему Миша не подходит к телефону, сигнал из далекой деревни от Лизы). Схоронили, и вскоре приехал Владимир, все узнал, был нечеловечески потрясен, сверх меры, был напуган так, что трясся. Лицо побелело.

И Лиза опять его не выгнала. Лиза ходила беременная от мертвеца Миши, а Владимир какую-никакую, но все-таки приносил пользу (например, на случай больницы; он мог бы посторожить сына Лизы).

Но и тут все сорвалось, потому что Владимир добрался только до декабря. В этом месяце он прыгнул с крыши двенадцатиэтажного дома (на крыше пропечатались вроде бы его следы). Милиция как всегда не стала встречать, и дело закрыли.

Потом, только потом, отмотав события назад, Лизины друзья с помощью бродивших повсюду слухов поняли (вроде бы), в чем дело.

Миша, вернувшись из деревни в пустую квартиру, видимо, нашел героин в записке Владимира, не удержался, продал все и сам тоже вмазался, видимо, по полной.

Это и была сердечная недостаточность, т. е. передоз.

Что касается Владимира, то он, вернувшись, своего героя не обнаружил (вот вам и испуг, и белое лицо), влетел на крупную сумму денег, и его вынудили заплатить незапланированным образом, т. е. сбросили с крыши (там, по слухам, обнаружилось много следов, там, на свежем снегу).

У Лизы родился второй мальчик, брат первого, а окружающие все считают количество смертей в этой квартире с доброй хозяйкой, которая никого не могла погнать.

Лиза-то Лиза, но у каждого из ушедших была своя жизнь и своя долгая история падения, правда, никто из них не пал так явно, как Владимир, никто: сорок метров вниз.

СЛЕД НА РУКЕ

Бывает же так: вот он позвонил, отставной любовник подруги, даже ее недолгий сожитель, в результате именно что отставленный.

Позвонил с предложением — давайте сходим куда-нибудь поужинаем.

А наша абонентка (то есть та, которой он позвонил) находилась дома, что называется, в отчаянии, пришла с похорон и не знала, что поделывать.

Взрослая женщина многих должна схоронить, и это было из того ряда, из обязанностей, но пока та дряхлая старушка помирала, Богу душу отдавала, наша абонентка настрадалась чрезвычайно, с ужасом ожидая конца и все стараясь как-то облегчить человеку этот путь.

Последний раз, когда она перестилала старушке постель и переодевала ее, та вдруг забеспокоилась с закрытыми, уже невидящими глазами, извернулась, склонилась и, будучи в полном беспамятстве, поцеловала родную руку. В ответ тоже была поцелована в руку и со слезами.

И вот, вернувшись домой в свое одинокое жилье, наша героиня, Лида, как-то растерялась.

Что называется, горе накрыло ее с головой, непрощеное, не свое, а вот поди ж ты, ничего нельзя было с этим поделать, не за что ухватиться, пустота, растерянность, потому-то устраиваются долгие тризны с водкой, отойти, забыться, не погрузиться в беспросветность. А Лида вообще-то пить на поминках побоялась, долгий путь до метро, да и на метро, и на тот конец Москвы к себе, так что она ела, запивала салаты кока-колой, слушала немногочисленных выступающих, но водку даже не пригубила.

Дальняя родня собралась, люди, которые уже даже не перезванивались.

Никто ни в чем после похорон не был кровно заинтересован, старушка завещала квартиру двоюродному внуку, он обо всем хлопотал и обихаживал бабу, нашел сиделок, все устроил.

Лида тоже, как посторонняя, побыла за столом, потом встала и пошла.

Поцелуй старушки горел на ее руке, дальняя родня, а поди ж ты!

Когда-то покойница взяла к себе маленькую временную сироту Лиду и растила ее — у матери Лиды был в то время новый муж на Сахалине, к нему она и уехала, а на содержание ребенка присылала деньги.

Дела давно минувших дней, умершая всегда осуждала Лидину мать за ее порывы, а вот Лида свою мамочку боготворила и всегда с трепетом ждала ее возвращения — пока не наступило время самой Лиды, и тогда уже она ушла от матери, сразу и навсегда, резко, по-юношески беспощадно, выложив ей все обвинения. Бывает!

Затем последовала собственная ошибочная жизнь, порывы, любовные трагедии, которые потом все как одна оборачивались комедиями.

Да что говорить! К своим годам Лида осталась одна.

Мать ее уже отошла, старая легкомысленная красавица. С ней и в шестьдесят на скамейках заговаривали мужички, она звонила дочери и с презрением и смехом докладывала о своих очередных победах.

Такова история.

Но мы о теперешнем. Был вечер, тоска накрыла Лиду с головой как толстым одеялом, не выбраться самой, не выпутаться, пришлось включить дурацкий телевизор, но бедняга ничего не могла найти хорошего, тупо сидела, переключая программы. Звонить подругам она не стала, хотя обычно они всё друг дружке докладывали, но принято было о бедах говорить иронически. А какая тут может быть ирония, похороны.

Потом она взялась за книгу, биографию садиста Унгерна — давно ее мусолила, надо дочитать и возвращать.

Там вообще описывались жуткие вещи, казни разных степеней, которые любил выдумывать этот барон. Если долго никого не убивали, он чувствовал стеснение сердца и кидался на гауптвахту, где сидели арестанты.

Однако Лида еще с утра помнила, что именно на сегодня подруга, после долгих просьб, пригласила ее к себе в клуб, где работала менеджером. Там у нее на вечер был намечен какой-то корпоративный праздник.

Еще неделю назад она позвонила сама:

— Ну приходи в пятницу, ты же просилась, хорошие певцы приглашены, развеешься.

— Ладно. Приду. А то все по больницам, надоело,— как обычно, с иронией откликнулась Лида, только вернувшись от тетки.

Никто же не ведал, что именно в тот же денек, в пятницу, и состоятся неожиданные похороны (они всегда неожиданные, что делать). Но как это, в такой день идти развлекаться? Нет.

Тем не менее, как уже было сказано, позвонил телефон, и красавец Костя, отставной сожитель подружки, бодро сказал:

— Это такой-то, помните? Был друг такой-то вашей подружки, давайте сходим куда-нибудь поужинаем.

Лида опешила. С какой стати вдруг Костя звонит именно ей? Они и сталкивались всего несколько раз, на днях рождения у третьих лиц и в доме у той подружки, о которой шла речь и с которой он тогда еще жил.

Однажды Лида даже защищала бедного Костю от ледяных замечаний сожительницы (их пара уже распадалась), и тогда Костя сказал: «Вы единственный человек, который понимает, что я тоже человек».

Костя был, что называется, на содержании у этой богатой подружки, хотя имел кое-какую квартиру и такую же машину. Но его доходы, по слухам, все уплывали в неизвестные дали так называемому учителю (Костя состоял в религиозной коммуне в одной стране и по несколько раз в год удалялся туда на месяц-полтора).

Собственно, раньше он был миллионером, но потом на чем-то споткнулся, капиталы потерял, из оставшегося кое-что отдал учителю и теперь имел полное право укрываться в той обители, где обосновался его духовный отец.

Это Лиде рассказывали общие знакомые.

Костя интересовал многих дам.

Он жил в отдалении от всех, исчезал и появлялся, и, что было всеми отмечено,— его две последние любовницы погибли за границей. Одна утонула, другая, через полгода, траванулась в ресторане местной пищей и умерла в туземном госпитале. На третью (это была как раз та самая дальняя подруга Лиды, у которой она познакомилась с Костей) напали поздним вечером в парке, когда она выгуливала собачку, но несчастная очнулась после удара по голове и без собаки.

И в том, и в другом, и в третьем случае упомянутые женщины уже были давно вне связи с Константином. Судьба иногда творит странные штучки, рифмует несоединимые вещи.

А так, люди говорили, он все-таки и дома жила, и новых любовниц заводил, и с друзьями общался, и даже что-то зарабатывал. То есть легкая жизнь была им обустроена со всех сторон.

И дочь имелась, пятнадцати лет, учится в Англии, и сам холостой и свободный, почти красавец, любимец то одной, то другой бизнесвумен.

Но он ничего такого не сообщил о себе Лиде, встретившись с ней однажды в супермаркете. Он стоял с бутылкой и коробками в руках, а Лида везла тележку, в которой было детское питание для тетушки.

— О, поздравляю! — почему-то воскликнул он.

Лида вежливо кивнула, не понимая, о чем речь.

— А как вообще жизнь? — спросил он, явно из простой вежливости.

И вот тут она, как будто ее кто за язык тянул, внезапно рассказала ему о своих проблемах, что в квартире ее умершей матери оказались нехорошие жильцы, коренные неплательщики, их удалось выселить, но после них надо делать капремонт, и вообще страшно опять быть запутанной в темные дела — короче говоря, квартира стоит пустая вот уже полгода.

— А сколько вы получаете? — поинтересовался Костя.

А Лида ответила «как все», и Костя засмеялся каким-то кратким смехом, как подавился им.

— У вас что, ребенок? — наконец спросил он, кивнув на тележку с детским питанием.

Ах вот с чем он ее поздравил!

— Какой ребенок в моем возрасте, — ответила честная Лида, — просто тетушка наша лежит в больнице. Ничего уже есть не может.

— Она вам что, оставляет что-нибудь? — без интереса спросил Костя.

— Нет, у нее есть свой племянник. Ой, простите, я спешу.

И она быстро, с бьющимся сердцем, пошла к кассам. К чему были эти ее рассказы совершенно постороннему человеку? Идиотка. Как будто просила о помощи.

Да, наверно, просила, не помощи, а хотя бы совета. Так бывает.

Кидаешься к первому встречному, если некуда идти.

И вот тут звонок, именно в проклятую пятницу после тетушкиных похорон. Звонок Кости, незнакомого человека. В такой обстановке.

И неожиданно для себя Лида пригласила Константина пойти с ней в тот ночной клуб на чужое мероприятие. Тоска ее снедала, такая тоска!

То есть меня тут позвали в клуб на один корпоратив, может, лучше туда пойдём? Все-таки бесплатно.

В ответ он засмеялся опять тем своим коротким сдавленным смешком.

И он заехал за Лидой, и они помчались как люди на хорошей машине туда, где гремела музыка и столы ломились от угощений.

Подруга Вера встретила их не сразу, пришлось подождать около охранников, но затем пару впустили, и Вера устроила Лиду с кавалером за столик вместе с музыкантами, то есть как обслуживающий персонал.

Сама подруга Вера только пару раз присела к ним, у нее были проблемы с приглашенной группой, кто-то не доехал из аэропорта.

Но Вера оценила партнера Лиды, мазнув по нему заинтересованным взглядом, а потом она посмотрела на Лиду слегка удивленно. Но тут же отскочила от стола с зазвонившим телефончиком в руке, побежала туда, где было слышнее.

Лида с Костей почти ничего не склюнули с богато накрытого стола.

Подсаживались то один, то другой музыканты, что-то глотали поспешно, гремели инструменты, и Лида чувствовала себя совершенно не в своей тарелке.

Перед их столиком было большое свободное пространство, танцпол, на котором крутились и вертелись две одинокие женщины, подбадривая себя вскриками. Корпоративная публика теснилась вдали, вокруг своих столов, пила, ела и трещала под музыку.

Никто из них не танцевал вообще, кроме этих двух занятых (и, видимо, нанятых) немолодых теток.

Костя сидел спокойно, даже смотрел на танцовщиц с некоторым интересом, а разговора не получилось: музыканты отработывали свою грохочущую программу на совесть.

И Лида от нечего делать сфотографировала своим телефончиком сцену, на которой громко вопили две девушки.

Потом, уже дома, Лида рассмотрела свои стоп-кадры и вдруг увидела на одном из них профиль Кости.

Это было совершенно не похожее на него лицо, одутловатое, грозное, страшное, хотя и улыбающееся застывшей улыбкой.

А завершился данный безумный поход тем, что Костя на обратном пути, уже в машине, произнес фразу из французской песенки: «Voulez-vous coucher avec moi?» — что означало «Не хотите ли вы переспать со мной?». Лида ответила шутливо, что бывший бойфренд снабдил ее этой единственной французской фразой на всякий случай, чтобы она распознавала сексуальных агрессоров в самом эпицентре языка, в Париже. И она как раз потерялась, отстала от группы у Эйфелевой башни и обратилась

к полицейскому, но почему-то из-за нервотрепки сказала ему именно ту, в шутку выученную, единственную известную ей по-французски фразу, добавив название своего отеля. Ажан тогда просто окаменел. Смешно!

Костя выслушал эту байку безо всякого выражения на своем красивом лице. Он, похоже, ничего не понял и все еще надеялся. То есть он предложил Лиде все-таки поехать выпить куда-нибудь, но она ответила: «Да нет, не надо».

Хотя в ней уже поселилась какая-то надежда, некое тепло в груди, нежность к этому чудаку.

Тем временем он сказал:

— Ну хотя бы ручку поцеловать.

Она протянула ему руку, он прижался к ней губами, и вдруг на этой же руке, но повыше, там, куда попали губы умирающей тетки, загорелся, как ожог, след ее поцелуя.

— Поехали ко мне или к тебе? — сказал Костя.

Лида, однако, чувствовала только этот мешающий ожог. Он разрастался, зудел, мучил. Всякий романтизм, вся атмосфера первого свидания, все вдруг обратилось в желание поскорее выскочить из машины и приложить лед к больному месту.

На том и распрощались. Афера завершилась, и Лида вернулась в свой дом. Как ни странно, чувство горения уменьшилось, как только она закрыла за собой дверь квартиры.

И на руке не было никакого следа!

Однако дальше, рассмотрев кадр в телефончике и увидев истинное лицо своего случайного попутчика, этот серо-лиловый цвет, это страшное выражение,

эту улыбку, просто как у героя фильма ужасов, Лида вдруг подумала: из каких соображений он вдруг позвонил ей, незнакомой и небогатой, не очень молодой, ничем не полезной ему, привыкшему к частным самолетам и путешествиям на машине, к бассейнам и виллам?

Его лицо! Лицо отчаянное, как перед самоубийством или преступлением, лицо смертника или убийцы.

Загадка.

Лида, кстати, не удивилась бы, если бы он попросил ключи от ее той квартирki на окраине, это было бы единственное логическое объяснение.

Но он не сказал ни слова.

Больше ведь ничем она не могла быть ему интересна. Логики тут не просматривалось.

А то, что вне логики, что не имеет резонансов и причин и происходит с людьми, когда они себя не контролируют (как на том снимке в телефоне), оно не объяснимо ни до, ни после события.

Не считать же объяснением тот момент, когда Лида у подружки заступилась за гонимого Костю (кстати, с этого началось охлаждение в отношениях с той подружкой, она больше не отвечала на звонки). Да и ладно, не это важно.

Вдруг она вспомнила книгу про Унгерна, там было написано, что он не мог без казней. Он пользовался любым случаем, он должен был убивать, без этого ему стискивало сердце и начиналась жуткая нечеловеческая тоска. И он скорее мчался на гауптвахту к арестованным, брал первых попавшихся. И придумывал на ходу разнообразные казни.

Зачем-то горел след на руке, след от поцелуя уже умершей старой женщины.

БОГИНЯ. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

О, благообразная старость, о, сама мечта о ней.

Оставь надежду, всяк сюда входящий, так сказано.

Ибо (здесь голос повышается до звона), если прожил всю жизнь как-то, то так-то и сгинешь. Прожил во рвани и пьяни, прожил неряшливо, в тараканах и с грязными полами, прожил среди криков — в старости то же самое и будет. Приговор подписан. Ибо старость (тут опять звон) есть беспомощность младенчества, а младенчество кал ест.

И хочется ожидать лучшего от выросших в тех же условиях, на грязном полу и в нестираном белье детей мужского пола — о чем вопрос? Чего ожидать-то? (Тут голос утихает, начинается сама житейская история.)

Но ожидаем хода вперед.

Те дети, о которых шла речь, родились в комнатухе в заводском общежитии на Зацепе, которое с давних времен называлось казармой. Трое их пришло на свет. Старшая дочь — красавица, средняя дочь — прелесть, младшенький сын просто плюшевый мишка, все курносенькие, хорошенькие, такими иногда бывают очень дорогие куклы авторского

производства, куклы, сидящие в витринах далеких стран,— мечта повзрослевших девочек, которые покупают их якобы своим деткам. Выпуклый лобик (у куклы), серьезные глаза, нос вверх насколько возможно, дальше — трогательно большое расстояние до рта, какое бывает у новорожденных обезьянок. Затем рот, большой и припухший слегка, и дело завершается пяточкой подбородка. Подбородок обещает быть крутым. За такое лицо куклу берегут, стерегут и неохотно дают дочкам.

Вот такими росли эти трое.

Всех их воспитал дед Семен.

Деда Сеня. Бабка уже у него померла, а Семен в сапогах и пальто, в кепке летом и зимой гулял с детьми. Они были бледные, невымытые, и воспоминания соседей сводились к тому факту, что вот сидят двое малышей в картонном ящике (видимо, играют в машинку), а из-под ящика течет ручеек. Оба грешны. А личики сияют. Все детство провели у подъезда с дедой, а деда стоял с ними вечно пьяненький, но дело уже происходило в новом доме, как-то так им взамен комнатухи при заводе дали в квартире на первом этаже две комнаты на шестерых, да еще с соседкой.

И они даже радовались, потому что изначально жили все на десяти метрах и спали на полу. Ну и что, собственно? Не деревня, чай, полы теплые, это в деревне надо забираться высоко, то на печь, то на кровать зимой, то на полати, от пола дует, а в городе легко и на полу. Весь азиатский мир спит на полу. Как чуть теплеет — все впокат на половицы и в русской деревне.

А тут две комнаты на шестерых, все удобства! Дети в одной, взрослые в другой. Только дед Семен был тяжек с бодуна, утром задавал трепку домашним, чтобы дали похмелиться: опять известная картина, утром до выпивки тяжело, вечером тяжело после (не добрал), ищет, мужики его ценили, всегда поили у доминошного стола, отольют в его же стакан, он из дома унесет и баночки, и скляночки, всё туда, к мужикам своим. Они его уважали как своего отца, старые отцы — редкость в России, его звали «папаня», «наш батя» и так далее у стола, где резались в домино на деньги. Куда человека тянет, куда его несет? Туда, где его любят. В семье никого не любят, кроме домашних животных и малышей, дальше уже идет война фронт на фронт: мать на отца, отец на детей, бабки-тещи против зятьев, а свекровь против невестки, дети вырастают, приводят в дом своих суженых-ряженных, опять то же самое плюс. Только те, кто отъехал и возвращается по праздникам, в дни беды или необходимости, эти взрослые дети уважаемы, но тут все объяснимо, им есть куда уйти-то, нет ощущения ловушки, капкана, сетей, в которых все сидят на головах друг у друга и малейшее шевеление — шум и крик снизу. Хотя все чувствуют себя внизу, такие дела.

Дед Сеня, таким образом, растил внучат. Ну как может старик растить? Заметит — сменит трусы, не заметит — так ходи. Но покормить покормит, и на улицу выведет, те же картонные ящики у магазина, где играют и лазят все дети, а что делать? Мать на фабрике, отец на заводе, приползают домой серые, мать еще и по магазинам, по очередям, что-то при-

носит в сумках, то навертит котлет, то большую кастрюлю щей сварит, то макарон приготовит, любимое дело, десять минут, и все сели есть. Поели, деда и зять во двор, к доминошному столу, дети опять в ящики, старшая дочка все дома и дома, старшая дочь, как уже было сказано, красавица. Ее зовут Вера, среднюю зовут Танечка, младшенького сына Мишка.

В доме, конечно, толпа детей, все сюда бегают, дверь не запирается, первый этаж, вечно полный дом друзей. К Маше (матери) приблуждаются соседки, ровесницы и помоложе, к девочке Вере ходят подружки из класса, у младших тоже гоп-компания, пол, разумеется, нечистый, здесь паркет — что с ним делать? Паркет — это целое искусство, его должны натирать воском, мастикой, в хороших домах паркет как стеклышко, однако капли воды — уже пятно. На паркете жить можно только переодевая тапочки, только так, только так, а какие могут быть тут тапочки, если целый день гости, даже не гости, а постоянные постояльцы, еще и родственнички из деревни, и мальчик Вова приехал поступать в техникум из деревни тоже, а потом так и осел тут, тоже спит на полу, нечего ему в общежитии там, оказалось, парня обыграли в карты сразу же по прибытии — и потребовали с него столько, что за такие деньги можно было бы купить дом в деревне. И он ушел из общаги, его приняла та же Маша и поселила на полу, и он, как оказалось, перестал ходить на учебу, скрывал, что не ходит, убегал утром как бы торопясь, а сам сидел на лавке где придется, как потом выяснилось, в метро без денег не сунешься. И домой не поедешь на

поезде. Потом в техникум вызвали мать из деревни, что сын не является, он покинул в общаге даже чемоданчик вещей. Разумеется, никаких уже вещей там не оказалось, дно да крышка, вручили матери, а сын держался за ее спиной. Пока выясняли что почему, он наотрез отказался оставаться в техникуме, пришлось ему устраиваться в ПТУ. Устроили; жил все там же, у сердобольной Маши, да и родня Катя, мать его, привозила из деревни и сало, и масла (самодельного, какого здесь и не едали отродясь, сепараторного). Картошечку волокла на себе, мясо после ноябрьских, и Вова хорошо учился в радиотехническом ПТУ, там работала знакомая Маши. У нее всюду были знакомые, всюду ее встречали радостно, как ее детей, как ее отца и брата Николая. Вот брат Николай, он тоже дневал-ночевал здесь же, благо его комната (и жена с ребенком тоже) находилась на три этажа выше, тоже дали в новом доме за выселением, поскольку в том заводском бараке, в казарме на Заставе Ильича, все жили в одной комнате. Все они, дети деда и сам Семен с супругой, всего считай сколько: Семен с женой, она там же и умерла от тяжелой и продолжительной болезни, Маша с мужем дядей Леной, ее дети Вера, Таня, Миша и Николай с женой Таисией и сыном Витькой, девять человек. Так и жили раньше в фабричных казармах, стягивались из деревни к своим, рожали тут же, а кухня имелась одна, с большой чугунной плитой, это потом провели газ и выделили по конфорке на комнату. Тяжело жили, ох, тяжело жили рабочие люди в Москве-матушке. Ютились, недаром буревестник все призывал, пусть сильнее грянет буря, и так легко было поднять их с

пола и выпустить на улицу с красными флагами, но водка, русская настоящая богиня, правила и правит. Тут бы учиться, тут бы расти над собою, но кто-то всегда остается на дне, хотя и проходил в школе, например, «образ Луки-утешителя» и посещал с классом детский театр на площади Свердлова и смотрел там пьесу «На дне», но не знал, что это про него предсказано, про его будущее, не в коня корм, мимо торбы.

Кто-то остался на дне, лишенный уважения общества, но сам по себе живущий и сам себя ценящий.

Так что Машина квартира была как бы дно дном, не голод, но полуголод, не рвань, но пятна и все на-кось; Маша, бывало, навертев ведро котлет из Катиного деревенского мяса, ночью сама вставала и ела одна на кухне котлету за котлетой. У нее тогда начинался туберкулез, потому что старшая дочка Верочка попала в больницу двенадцати лет, и Маша в тоске не могла спать, бегала сидеть под больничное окно девочки, накинет плащ на ночную рубашонку и пошла пешком, так и простыла теми ночами. Начинался туберкулез, но, благодаря туберкулезу и справкам из диспансера, вышло даже лучше: семье дали еще одну, третью комнату в квартире. Соседке выделили отдельное однокомнатное жилье, она тоже съезжала со счастьем, вместе бегали по райжил-отделам, якобы соседка жаловалась, что живет с туберкулезницей в одном помещении. Но на самом деле, это она, соседка, пробила все инстанции, была одинокая завуч ПТУ, куда потом и устроили Вову из деревни. Она съезжала со слезами благодарно-

сти, что так привыкла, как к родне, и потом много помогала. Средней девочке Танечке давала уроки по черчению, та сдала экзамены в техникум и вышла оттуда техникум-технологом с зарплатой инженера.

Старшая дочь вообще выросла классным специалистом-костюмером, она шила платья актерам на киностудии и подрабатывала налево, вот так, ни много ни мало.

Но вернемся к туберкулезу, его залечили, однако сама Маша ходила, при ее золотых руках, швейной машинке и светлом уме, как нищенка: кофта в пятнах, юбка тем более, а ведь Маша тоже шила как профессиональная портниха, но не на себя, на других. Она брала работу на дом, вечно в комнате стояли большие квадратные пяльцы, валялись золотые нитки и канитель, Маша вышивала знамена, погоны и фуражки золотом при свете грошовой лампочки (привычка экономить) и все ночами, чтобы сделать план. И ела тоже ночами.

Надо сказать, что Маша в молодости была красавица с редкой в России мощной челюстью, крупные белые зубы и толстые красные губы, густые черные кудри, глаза большие, фигурка как у (теперь уже можно сравнивать) Софи Лорен, но после трех детей, еженощной и ежедневной работы, а также макарон и котлет, вполовину провернутых с белыми корками для экономии,— Маша носила огромный тугой живот, высокий, как на восьмом месяце беременности. При этом-то животе всякая грудь скрадывается, а ноги, красивые и стройные, выглядят палочками, да.

Еще одно: она как бы стыдилась своей красоты. Стыдилась своих возможностей и преуменьшала их, замаливала судьбу, благосклонную к ней изначально своими дарами, приносила в жертву свои живые черные глаза (быстро стала слепнуть), свое прекрасное тело, как уже описано, не украшала себя никогда ничем, ходила хуже чем нищенка, одета была во рваное и старое, пряталась среди людей, а сама-то вышла в наш мир ослепительным совершенством, будем так говорить: святой.

Ибо в начале начал у нее случилась страшная история, она сошлась по любви с хорошим парнем тоже из их казармы же, родила ему девочку (напомним, в условиях уже известных, все впокат на полу), что само по себе считалось там грехом, неприкрытым грехом, ибо этот парень, увидевши новорожденную девочку, обиделся: младенец оказался чернявый, густо заросший по головенке черным пухом, а парень был рыжим, от рыжих отца и матери, и он ухватился за эту зацепку, не привел жену с нагулянным (по выражению казармы) ребеночком к родителям выше этажом в их комнату — как видно, и они не желали для сына подгулявшей невесты, к тому же с казарменного пола поднятой и в добавление ко всему красавицы, каких не видела казарма. Знаменитая Марья-краса Длинная Коса.

И тут ее как раз и взял за себя слесарь с той же фабрики, мало заметный тихий парень Ленька, низкорослый, с большой головой (кувалдочкой), белобрысый, синеглазый, курносый, стеснительный. Марья как-то его заметила в столовой и приворожи-

ла, он бы сам не решился, был ниже ее по всем статьям.

Но, как с мужиками бывает, женившись, Леня стал степенным, собственных двоих детей встретил из роддома как полагается, заматерел, стал главой семьи, сам решал все вопросы, хотя все и без него уже давно знали как решать, но терпели и его мнение. Девочку Веру он любил как родную с годика, Веру он любил откровенно, подбрасывал ее и чмокал, а жену свою любил тайно, не показывая это ничем.

Внимание! Я тут пишу историю людей, которых люблю и считаю вершиной творения. Они ушли и уйдут безвестными; мало того, уйдут неухоженными больными стариками, которые стесняются себя и того, что живут обузой. Но их доброта и сознание ничтожности всех благ, их королевская снисходительность, терпимость к людям заставляет меня плакать над их жизнью, над жизнью вообще. Над русской жизнью в частности. Ибо тут (голос до звона) великая загадка русской души: самоустранение от благ этого мира, самоход. Видимо (колокола бьют), так совершенны наши люди, что не хотят этого совершенства, они губят, тратят его. Не растут по крупницам, по зернышку тысячелетиями (славься, славься), как японцы или голландцы, как те же люксембуржцы, не преумножают от поколения к поколению (крещендо), а тратят, стряхивают с пальцев, смахивают как прах. Аминь. Теми же тысячелетиями. И должны уже были бы давно исчезнуть с лица земли, если бы не вышли в мир столь богатыми. Слава!

Одна горькая надежда на так называемых «чурок», на их быструю резкую кровь и талант к торговле. Может быть, они смогут выделить в наших будущих поколениях столь же резкие психопатические типы, но их у нас и так достаточно, так что положить голову за русскую землю, нацию и державу в лице ее глав (хорошо сказано) было всегда для таких людей делом минуты. Раз — и закрыть собой амбразуру! И пока японцы выдумывали своих камикадзе, мы давно уже шли в болото: впереди, в белом венчике из роз Иван Сусанин. Слава!

Маша боготворила своего тихого мужа Леню прежде всего за любовь к приемной доченьке Вере, и эта благодарность потворствовала тому, что Леня развернулся в дальнейшем во всю свою мощь тихого человечка и всегда был прав, и считал правым делом ежедневно бухать у доминошного стола и приходить домой на бровях. А также скандалить и кричать на дому. Вернее, так: Машино чувство вины перед Леной, взявшим ее с нагулянной дочкой, ни к чему хорошему не привело. Богородица по натуре, Маша тут родила себе божка довольно козлоногого, хотя и тихого, то есть тихого вакха с маленькой буквы, зловредного, каменного, упрямого и с чертами легкой шизофрении в сочетании с манией величия и полной глупостью.

Чувство вины к хорошему не приводит, поймите наконец все (далекий звон колокола), и дядя Леня уверился в том, что взял поблядушку. Ничего тут не помогало, ни болезни Маши, ни ее вздутый живот, ни то, что она в один прекрасный момент взяла и продала золотые коронки со своих некогда прекрас-

ных зубов и осталась щербатой навеки, а затем и полоротой, вообще всё выдержали у нее районные замечательные стоматологи.

Дядя Леня и тут пребывал на коне, он не видел реальности, а помнил только, как его захомотала цыгановатая красавица Машка, замотала своей косой и уговорила жениться, сама уговорила плача навзрыд, он ее и пожалел как дурак, а сестра его Клавдия правильно всю жизнь говорила одно, что, дескать, брата «опоили».

У Клавдии была своя кандидатура на невесткино место, но та невестка осталась без места, шутка.

Клавдия, кстати, и сама пила, и муж ее пил и сгорел от горячки (по-настоящему сгорел, от горячки горят синим пламенем, это подлинный медицинский факт, проспиртованные трупы горят без дыма синими огоньками и рассыпаются в прах).

Однако же и такая жизнь идет вперед.

Тут настал момент, когда молоденькая Верочка увидела свою мать пьяной посреди дня, в субботу. На кухне сидела злая золовка Клавдия, на столике стояла пустоватая уже бутылка чистой, а мать поплыла. Виноватая, обмякшая, она сидела между плитой и столом. Вера начала сразу с визга: ты что, ты что, ты что, мама?!

Мать собралась, внутренне так собралась и вышла, Вера вынужденно пошла за ней. В маленькой Вериней личной комнате мать сообщила дочери свое кредо: кто ты такая, чтобы говорить так. У Клавдии, какая она ни есть, у нее горе, умер их отец, ты поняла?

— Отец?! — взвилась Вера, а мать сказала:

— Плохие песни, когда жена мужа хоронит.

— Ничего себе отец, все из дома вынес!

— Вот так,— как могла твердо сказала мать и поплыла нетвердой походкой обратно к Клавдии, то есть предала Верочку.

Верочка бессильно заплакала, а мать допила с Клавдией бутылку, смертельную дозу, и слегла с жестоким приступом астмы.

Пошли «скорые», врачи, уколы, мать лежала не в силах выдохнуть, коротенькое такое у нее было дыхание, вздох — и не выдох, а тяжелая попытка выдать воздух, вереница хрипов, невозможно слушать, задыхаешься.

Злая золовка, получив свое уважение, исчезла, совершив истинно злое дело, подлинное убийство Маши.

Мать чувствовала себя еще более виноватой, и дело шло к развязке. Она явно желала вдохнуть и больше с этим не мучиться, однако все еще выдыхала, наполняя комнату невыносимыми хрипами.

Тут у нас песнь как о Маше, так и о ее доченьке Вере, потому что Вера все время сидела с матерью, пока не работала, все свободные часы.

Пока Маша мучилась, стараясь уничтожить себя всеми самыми легкими способами, Верочка выросла в красавицу в свою очередь и прошла весь тот путь, который проходят в большом городе красавицы. Но об этом молчок.

Почему речь идет о так называемых легких способах самоуничтожения? Монах уничтожает плоть тяжелым путем: голодом, холодом, власяницей, веригами, молитвами и бессонницей, так, как уничи-

жал себя знаменитый юродивый Юрочка, который мазался калом и дурно пах (дело происходило в девятнадцатом веке, и барыни целовали ему подол воюющей рубахи).

Однако, как говорит нам наука санитария, наука диетология, все вышеперечисленные методы и есть путь усовершенствования сопротивляемости организма, и голод, и молитвы, и подвижничество, и всякие самоограничения, и тяжелые труды, вплоть до питья мочи! Потому что голод, холод, холодная вода, труд в любую погоду, вязанные грубые вещи и босые ноги плюс обнаженная натура, плюс молитвы и медитация в любой избранной религии — это есть путь к долгой жизни.

А то, что при том употребляются самые разные формы религии, так путь к Богу не един, нас в том убеждают экуменисты, ручейков много, и все они сливаются в одну реку, и барабаны племени банту, и жертвенники маздаистов, и костры огнепоклонников стекаются в ту же могучую реку, текущую к Богу, как выясняется.

Что же касается подлинного самоуничтожения, то тут как раз пролегает наш путь, который и выбрал русский народ. Здесь надо сказать прямо и откровенно, что то, что мы сказали про водку, что она богиня, и есть настоящее состояние этой жидкости среди русской нации. Ей поклоняются, ее пьют священно, совершают так называемые коллективные возлияния (не меньше троих), которые известны еще со времен древних греков, возлияния проистекают на мнимом алтаре, даже если на весу и в трясущихся руках. Она, водка, провоцирует у людей состояние

эйфории, она, богиня, сводит совершенно незнакомых, она создает ощущение тепла, дружбы, она дает счастье, и она же уничтожает, как всякая свирепая женщина-богиня, убивает тут же, бьет наотмашь доской и чем придется, даже бутылкой.

Культ данной богини широко распространен в России, и он гораздо более значителен, нежели все другие возможные культы. Ей и только ей посвящаются все эти ночные бдения, и не только вкушается кровь богини, но и плоть ее, то есть закусывают огурчиком, тут тоже традиция. И сюда идут и праздничные столы с их жирной, соленой, острой, вредной пищей, вот где самоуничтожение во имя великой идеи, вот где подлинный исход, вот где забвение плоти. Что касается монахов, то они и в семьдесят бодро глядятся, подлинный монах, не мнимый, не носит живота, а худощав и ограничен в пище. А наш алкоголик уже давно лежит под железной табличкой в куче земли, и жена его, трясаясь, смотрит туда же, а дети его самоубийственно дружно жрут, пьют, моются по субботам, если вообще. Но это если речь идет об алкоголиках.

Что же касается не алкоголиков, то тут все то же самое. Жены и матери убиваются на работе и на кухне. Если стоит очередь в магазине, то имейте в виду, что толпящиеся там женщины — они святые, они не ради себя стоят, они стоят ради своего рода, ради своей собственной семьи. Всё для них, всё для детей и мужей и стариков. Весь прибыток туда, редко кто тратит на себя, на свои тряпки, это больше молодежь, а чуть дальше сорока — то все детям, доченьки растут, мальчишечки, всё мужу, свекрови, мамочке,

всё им, всё им, ничего себе, всё им, вся жизнь, то есть стирка, уборка, готовка, покупки, уроки, школьные собрания, врачи, гулять с детьми, дни рождения, ночью погладить, починить и т. д. и т. п. Святая монашеская жизнь, отданная семье, своим.

Муж поклоняется богине, жена поклоняется семейному очагу. Вот тут и бродят Иисусы в юбках, одно их отличает, что ради своей «семье» они ненавидят другую семью, других детей в классе, соседей, вообще друзей своих детей и друзей своих мужей, только ради своих их святость, только сюда, в собственную нору, их доброта, все же остальное отмечается.

Как только появляются чужие, откуда что берется? Откуда берется этот тон, эта лексика (мат), эти жесты? Своим глубоко закамуфлированная ворчанием и оплеухами мягкость и нежность, добро и любовь, чужим — все остальное.

Мне однажды приходилось наблюдать свару в очереди, и представьте, что один чуть не побитый участник диалога вдруг вопрошает другого, гневно-го: простите, а вы не учились в такой-то школе в Мневниках? И вот тут начинается смятение, раскаяние, мир, покой, вопросы, дружба, свои.

А ведь все где-нибудь учились, все кому-то не чужие, кто бабке не внук, кто не дитя своей матери, кто вообще не дитя (колокола вступают в хор: «Обнимитесь, миллионы!»).

Не обнимаются. Благожелательность в нашей стране строго избирательна. На улице, в офисе, в магазине, в транспорте лай, лай и лай. Огрызаются заранее. Нет улыбок!

Маша была редким исключением среди бродячих Христосов в юбке, она любила всех и каждого в отдельности, во всяком случае, она всех жалела и оправдывала. Только дочерей своих она не жалела, а натаскивала, как волчат и щенят, на будущую жизнь.

Сыночка жалела, тут она либо давала слабину, либо знала что-то о нем еще с утробы, провидела нечто и ничего от него не требовала, ничего. Только страдала, когда учителя ставили ему двойки. Она как бы безмолвно понимала, что нельзя ему ставить двойки, нельзя, счастье, что он вообще живет, дышит и пишет, что добрался до десятого класса и тетрадошки у него чистенькие, просто образец: Мишка аккуратный, все у него в порядке.

Миша как раз в дальнейшем жил у нее под боком единственным любимцем, дочери вышли замуж и отъехали, а она все его оберегала, нищего эпилептика-алкаша, все заботилась о нем одна во всем мире и умерла раньше Миши всего-навсего на год. У него быстро, после армии, возникла та же самая наследственная привязанность к богине, то же служение, беззаветное, до самоуничтожения.

Но вернемся к тому периоду, когда Мишка еще учился в школе. Тут Маша как раз стала героиней грандиозного скандала в подъезде, когда соседи вызвали «скорую» для психбольной бабки Насти, увозить ее в дурдом, и в дальнейшем семейка (освободилась бы комнатка) лелеяла планы насчет интерната для психохроников. Навеки и аминь.

Об этом Маша знала от своей подруги Алевтины, Алевтина-то, как раз племянница психованной На-

сти, жила с ней вместе (им тоже дали после казармы квартиру, но двухкомнатную на двух сестер, потому что одна сестра была инвалид труда, или, как выражался ее зять, «урод труда»).

Алевтина шастала к Маше все время на первый этаж посидеть на кухне по вечерам, выплакивала свое горе, мужик ее, Алевтинин, крепок на руку, а все наша бабка Настя сумасшедшая.

Да и другие, добавим, тоже были хороши в этой семье; там воспитывались две бабки в данном случае, Настя да Нюра, обе скандальные, маленькие, только Настя еще и убогая и с косою пятой; когда-то ее шарахнуло по башке на стройке, она упала с лесов, что ли, на том получила вечную инвалидность и вечное право сидеть дома с пенсией.

А где был ее дом, в той же фабричной казарме на Заставе Ильича, в комнате с сестрой Нюркой, да Нюркина семья, дочь Алевтина с мужем Юркой и сыном Сашкой, все на семи метрах расплодилось; а у Насти половину лба снесло, скосило, удалили кость, да одна нога кривая, загребалочка.

Им и дали двухкомнатную квартиру на всех, комнату скрюченной сумасшедшей бабке Насте и комнату Нюрке с Алевтиной, Юркой и Сашкой. С расчетом на дальнейшее улучшение жилищных условий, то есть что Настьке дадут отдельную жилплощадь как инвалиду и психбольной, и семья запирует на просторе, но не тут-то было, власти не раскошеливались на урода труда, не давали квартиру, и крик стоял в данной семье по радиусу на три этажа вокруг, и все время выскакивала как враг из танка эта кривая во всех отношениях бабка Настя, накидывалась тут

же на ребят во дворе, на соседок на скамейке, на грузчиков овощного магазина с их ящиками и гниющими контейнерами, от которых, так же как крик из Настиной квартиры, шла на те же три этажа вверх вонь, особенно летом при жаре и открытых окнах. Крик стоял вниз и вверх, и навстречу ему поднималась вонь из помойки, куда овощной магазин складывал совсем уже негодное, забродившее, плесневелое; иногда, правда, сюда же попадали наполовину целые апельсинчики и персики, их выносили прямо в картонных ящиках, и сюда стягивались окрестные бедные старушонки, шарили, рыли «на компотик».

Настя кричала, видимо, непрерывно. Есть такой тип помешательства, когда сдвигается какая-то пружина, и всё, весь так называемый поток сознания валит наружу не хуже никакого «нового романа» или постмодерна, куда там Джойсу и Роб-Грийе.

Вот уж действительно, в непрекращающемся тексте Настьки прослеживался вой, прослеживалась сильнейшая, могучая нота ужаса, страх преследования, суда и тюрьмы, но также и крикливая нота самооправдания.

Каждый малейший сдвиг в окружающей обстановке, уже не говоря о таких важных делах, как сгоревшая каша, непомытая посуда, пьяный зять с тяжелым кулаком (как паровой молот), ребенок, как бес ретивый скачущий по квартире (ребенок рос весь в папашу и бабок совместно, гремучая смесь типа кислород-водород в опасной пропорции, ни секунды покоя, и ночами крик и мокрые простынки).

Наконец-то у Алевтины с Юркой дошло до развода, оба с багровыми лицами сидели на скамейке во дворе, со стороны посмотреть — любящая пара при расставании, где-нибудь в парке, она с близко стоящими слезами, он виноватый, мокрые кудри и руки тянутся обнять.

Но дело-то состояло в том, что тут решалась судьба Настьки. Юра доводил дело до развода, если Настю не сдадут в психбольницу. На-до-е-ло.

Обстоятельства доехали до того, что бабка Настя полезла шуровать в семейных документах и порезала ножницами особенно, по ее мнению, обвинительные бумажки (читать она, правда, не могла, выбрала то, что было с большими печатями, т. е. грамоту Юрки за работу по уборке урожая, которую грамоту Настя восприняла как личное оскорбление и судебное обвинение и второпях порубила на части).

Юрка пришел в состояние полуобморока, когда в поисках свидетельства о рождении сына Алевтина напоролась на беспорядочно лежащие тут же в пакете резанные клочки бумаги со следами алых букв и лиловых печатей. Пока разбирались с сыном, Настя вылезла из комнаты на крики ребенка (после отцовой оплеухи) и начала загодя креститься, плевалась и кричала: «Ты сам, сам все порезал, дьявол, враг чудной, не трожь его».

Очень тяжело было все это пережить, дело пустяковое, но первое такого рода, когда Настька показала, что становится опасной.

— Ножницы,— говорила Алевтина Маше вечером на кухне,— теперь надо прятать ножи и ножницы.

И Алевтина щедро плакала на кухне у Маши.

Алевтина явно готовила общественное мнение, зная, что, если Маша одобрит, никто не пикнет в подъезде и во дворе.

— Может и парня порезать,— неискренне бормотала Алевтина, сама начиная во все верить.

Однако, когда настал день гнева, *dies irae*, то есть Алевтина все же сходила в психдиспансер и назавтра по договоренности позвонила и вызвала психоперевозку, Настя испарилась.

Она тихо исчезла из квартиры, как собака перед землетрясением, ее нигде не могли обнаружить, Алевтина ввиду праздностоящей кареты «скорой помощи» обегала весь двор и соседние дворы, помойки и магазины, однако Настя исчезла как дым.

Настю не могли найти до позднего вечера, уже Алевтина плакала, Юрка переживал, не утопилась ли Настя в Москве-реке, как неоднократно обещала, все-таки это были люди с живой совестью и ежедневно виноватые друг перед другом, что и вызывало бурные сцены.

Никто не знал, откуда Настя явилась, ковыляя, тихая и бледная, поднялась, открыла своим ключом квартиру, тихо вошла, а ее сестренка обняла ее и положила в кровать без звука, только потом пошла в большую комнату, где на своей диване-кровати безмятежно спали огромные Юрка и Алевтина, разметавшись на две стороны, а малый дрых в кресле-кровати.

Будить их она не стала, шел уже второй час ночи, а утром все сделали вид, что ничего не произошло.

И как больно надевать тесный ботинок на уже стертую ногу, так больше в семье Алевтины никто

не затевал изгнания, а Настя стала тише и даже устроилась уборщицей в ближайшую булочную, т. е. приносила добавочные деньги и свежий ворованный хлеб.

Потом-то стало, конечно, известно, что Настя скрывалась у Маши под кроватью, что Настя безмолвно явилась к ней и полезла в дальней комнате в щель под диван (видимо, сама), а во двор уже заворачивала психоперевозка, и все наличные старухи и дети дружно выстроились нестройной разномастной толпой встречать жертву у подъезда, глядя одновременно на открытые окна квартиры Алевтины, где мелькал бюст расстроенной хозяйки и сморщенное лицо ее маленькой матери, похожее в этот момент на маску греческой трагедии, выполненную из ржаного теста.

Кстати, такая маска — довольно частое явление в жизни стариков.

Как бы там ни было, Маша свое дело сделала, масло смирения и терпимости было пролито на бушующее море житейских отношений.

Притом заметим, что Алевтина в этот раз приходила к Маше с бутылкой портвейна, на мужской лад, наученная мужем, что надо уважать человека. И Маша была обязана пригубить и выпить, иначе бедной Алевтине пришлось бы одной выхлебать ноль целых семь десятых литра трехсемерочного портвешка, и тут в дверях возникла возмущенная Верочка, невеста на выданье, на которую уже оглядывались на улице и в транспорте, которая одевалась по моде и работала в мастерских киностудии «Мосфильм» среди артистов, художников и режиссеров, а дома вся-

кий раз напарывалась на такого рода сцены, ибо, кого русский народ любит, того он поит, закон. И не выпить с русским народом значит, что ты его не уважаешь (то есть я буду пьян, а ты останешься как стеклышко? Ты че, лучше? Не уважаешь других?).

Сколько уже раз натыкалась просвещенная, умная и красивая Верочка на эти мышинные в уголке китайские церемонии взаимного уважения, когда ее мать сидела опершись локтями на стол, в центре внимания возвышалась уже неполная бутылка, а очередная гостья не знала, куда спрятать ноги в грязных сапогах и повинную голову в вязаной шапке.

К Маше ходили на исповедь и за отпущением грехов и от нечего делать, Маше звонили по так называемому телефону доверия, Маше подкидывали детей, вечно набивался полный дом сопливых, которым нельзя в садик, а матерям надо на работу — это уже когда она ушла на пенсию, почти окончательно ослепнув куриной слепотой, т. е. ничего не видела при электрическом освещении, все глаза истратив на золото, шелк и бархат красных знамен (звон часов на Спасской башне, выезжает белый конь, а на маршале все вышито золотошвейкой Машей).

Самое тяжелое для Маши, конечно, был муж дядя Леня, тяжелое наследие социализма, рабочий дух от штанов. Леня вкалывал плотником среди свежего дерева и приходил домой в тяжелом трудовом поту плюс немного уже (ближе к старости) подливал в штаны по халатности.

Отсюда, сами понимаете (бой барабанов, музыка, туш), что происходило.

Страдали все в семье, но они не знали, что бывает по-другому, поскольку дедушка Семен, гувернер маленьких, тоже мылся по субботам, так и не привыкнув к ванне, а в баню ходить любил, но надо же до нее доехать на трамвае, на это он уже к старости был не способен, и к вечеру, особенно в субботу, он обычно возил ногами по асфальту, лежа где-нибудь за ящиками при хорошей погоде, а в мороз все-таки его приносили и складывали у порога молодые друзья, с хохотом звонили в дверь и убирались вон.

И тогда Маша с помощью своего маленького и тоже пьяного Лени подбирала старца и волокла немую и мокрую тушу, со слезами и криками раздевала, хорошо еще, если он не прочухивался, а так свободно можно было схлопотать чугунным кулаком куда придется.

В особо тяжелые моменты, когда Леня уже засыпал поверх одеяла одетый и бухой, деда оставляли поперек прихожей (четыре квадратных метра) и в ночи, под утро, он поднимался и бушевал довольно долго, часами, пока не открывался винный и Маша не выделяла ему рубль с копейками на бутылку.

Страшная жизнь, должно быть.

Ночные крики — самое тяжелое семейное дело, дневные-то тоже, но ночные! Маша старалась утихомирить деда и Леньку, укрывала детские головенки выше ушей, а Леня рвался выразить что? Что его надо уважать, он об этом хлопотал, это он толковал в матерных выражениях.

Он поклонялся богине, она принимала его возлияния, он был достоин уважения, а тут что?

Иногда Маша кидалась за помощью к брату двумя этажами выше, где ее встречала злобным вздохом «опять» жена брата, толстая и больная Катя (звонок в дверь среди ночи, сами понимаете), и любимый младший Машин брат Коля одевался, пока побитая и зареванная Маша сидела на кухне, и они спускались к месту побоища, где дед Семен уже грохотал в большой комнате, стуча ящиками (искал деньги на бутылку, что ли), и вываливал бедное Машино добро на пол, а взъерошенный муж Леня при полном свете лампочки тихо и злобно лежал, куря на диване пока что (с видом «ваш папаша, вы и войте»), поскольку не уставал обижаться, в какую семью его затащили.

До утра обычно доезжало дело, дед Семен происходил из племени тех сильных русских мужчин, которым нету удержу ни в чем, и двору было неизвестно, как, кстати, сгинула еще в казармах его больная жена, Машина мать.

Дед Семен при своем трезвом виде являлся миру как бог Саваоф, в глазах двора был строг и справедлив, возился с детьми, у него даже имелся аквариум с рыбками, и, пока Маша с дядей Леней находились на работе среди вышитых золотом красных знамен, фуражек и погон (рев трибун) и свежих досок (колымские рассказы, лесоповал), дед как-то управлялся с двумя младшими, если они болели и не ходили в садик, и худо-бедно наваривал кастрюлю макарон.

Но после прихода родителей с работы трудовой дед, в полном своем праве, должен был отдать долг Богине, и он, радостный, тяжелой трусцой торопил-

ся к мужикам, к доминошному столику, и история повторялась в разных вариантах, в том числе и в том варианте, что в теплое время Маша оставляла деда мирно спать под дверью в подъезде, не трогала его, только подкладывала ему под голову ватник.

Иногда же дед оставался вообще на улице, лежал, возя копытами по холодному асфальту, пока кто-то сердобольный все-таки не поднимал гулену, а затем нахлобучивал на него строго лежащую рядом кепку и вводил тяжелого, как пизанская башня, деда в подъезд.

Грех говорить, конечно, но не бегали Леня с Машей в поисках Семена по вечерам, не искали на свою голову приключений, нет: мирно и боязливо, уложив всех детей, спали пока что на своем диване, высыпаясь впрок до ночного грохота в дверь.

Дед Семен был вообще (если брать его трезвое состояние) сентиментален, хотя и суров, высокая душа, бывший воин.

Похмельные мужики из дворовой доминошной команды недаром так отличали деда: не всякому тут наливали бесплатно, жаждущих толпилось много, шел суровый счет копейкам, взятым в долг, и шапкам, отданным в залог.

Дед Семен состоял при мужском храме богини (вино-домино) как бы верховным жрецом, блюдущим закон. Пустые бутылки он не собирал, за винищем его не посылали, иногда только просили принести стакан, да дед и так всегда имел его в кармане. Деда уважали.

Он себя тоже очень уважал, но в собственной семье не находил понимания. Что такое семья (фан-

фары)? Семья есть место, где тебя оскорбят, так сказать, безвозмездно, т. е. не в суд же бежать.

Закипит человек, совесть и честь в нем взбунтуются, тут и пошла драка, а наутро все мирно пьют чай, еще более мирно, чем до скандала: семья!

Только дети бледнее обычного и боятся как огня своих бурных родителей; поглядим, как они, дети, вырастут (мудрый взгляд с Мавзолея на демонстрацию этих выросших детей).

Дед, к примеру, мог, стоя в подъезде у ступенек, тихо плакать в День Победы (склоненные знамена, фуражки, погоны!).

Соседи, проходя мимо, говорили:

— Деда Сеня, не расстраивайтесь. Поздравляем!

Лезли с поцелуями даже.

— Все мои товарищи погибли на войне,— отвечал непреклонно дед Семен, уже принявший с утра на грудь,— один я остался.

И слезы текли по его плохо выбритым щекам.

А поскольку дело происходило на Девятое мая, то Семен в орденах и медалях по полному праву выслушивал по радио с утра фанфары (да, фанфары, бой барабанов, минута молчания, вы, читатели!).

Но в описываемый момент (единственный в его жизни) он что-то сквасился и пока что стоял зареванный в подъезде, не желая, чтобы его слезы были видимы миру, и ведь никто этого не желает, хотя мир все-таки должен же увидеть их.

А Маша на слова соседей «утром ваш деда плакал, что товарищи погибли» махала в ответ рукой и говорила:

— У него с утра рыбка подохла.

Дед Сеня умер геройски. После операции аппендицита, когда его перевели в палату, он встал ночью, посрывал с себя все катетеры-шприцы-пластыри и пошел искать уборную.

Утром прибежала его дочь Маша, и после настойчивых просьб деда (опять у нас чуть ли не слезы) «принести» она спросила у лечащего врача осторожно, можно ли деду пиво; и врач ответил загадочно, что теперь уже можно все: лихой молодой веселый доктор.

Маша радостная пришла домой, что дед выздоравливает, заботливо купила пиво и достала воблочки.

Через три дня Семена хоронили, Маша наняла оркестр, все честь по чести, и впереди на кладбище несли подушечки с орденами, Маша сама сшила ночью из красного атласа подушку (взяла кусок на фабрике знамен). Последняя услуга мертвому.

Как Маша тыркала вслепую иглой по жесткому атласу!

На похоронах она, правда, держалась, даже заботилась о брате Николае, который рыдал.

Перед тем весь двор собрался у похоронного автобуса, гроб выставили на табуретках, недобитых дедом; Семен лежал неестественно розовый, возвышаясь горой, он так и ушел нетрезвым, Маша позаботилась и выполнила все его просьбы.

Люди плакали, тут же позабыв все, что происходило с дедом, и он вырос до своих подлинных размеров — русского национального героя.

И девять дней, и сороковины отпраздновали шумно, вся дворовая пьянь почетно принималась и уго-

щалась, а любимый дедов воспитанник, милиционер-расстрига Игорек, вообще сидел за столом на табуретке, даже ел, то есть закусывал, тормозя быстрое развитие событий.

И жена его сидела рядышком, они оба женились красивой парой с большим будущим, получили комнатку в Москве как милиционер и продавщица универсама по комсомольскому призыву (ура!), но он с самого начала скovyрнулся на столь важной работе, стоял в том же универсаме на виду, высокий, красивый, в форме, следил, чтобы в очередях не произошло беспорядков, и весь дефицит был, что называется, в его распоряжении, ешь ложкой — не хочу.

Т. е. обращались к Игорьку, и он все доставал, а Татьяна приносила со склада, не воровала, а по чекам, завскладом ей разрешала, хоть и не все, но многое, и они с мужем работали дружной парой, тут бы и завести хозяйство, но комнатка десять метров, как развернуться?

И он стоял на очереди как милиционер на получение квартиры, ведь родился мальчик Сашечка. Но слабость человеческая не дремала в Игорьке, Богиня требовала поклонения, с ним расплачивались дешево, бутылкой, хоть Татьяна возражала и скандалила. Но спали-то вместе! Ради получения квартиры Татьяна не сделала аборт, как обычно, и родила с большими муками второго мальчика, Ленечку.

Маленькие Ленечка и Сашечка плюс Игорек и Татьяна на десяти метрах требовали расширения жилплощади, но тут-то Игорька и погнали из милиции за пьянку, поскольку он не просыхал на работе,

добрый, бесхребетный человек, всем все устраивал, не успевая праздновать каждую покупку: покупатели шли плотной казачьей лавой, расстегнувши пуговицы, записывались с ночи.

Там, в универмаге, в складах, где устроилась работать Татьяна и где она таскала даже беременная с утра до вечера ящики, кипы и рулоны (там было всё, все богатства родины, ювелирные, ковровые, фарфоровые, обувные изделия, все халаты, пододеяльники, тюль и одеяла находились, казалось бы, в распоряжении этой семьи, то есть поднакопи — машину купи, и к своим в деревню на праздники).

Но все это богатство страны Игорек принимал внутрь.

Заработанные народом деньги лились чистой водочной струей в сильный организм мужика Игорька, и он не все принимал на душу сам, он угощал в том числе и деда Леню, и некоторых друзей у доминошного столика в кустах за хоккейной площадкой.

Все имелось у Игорька: первое место в иерархии двора, красота, дружная семья, непыльная работа в центре универмага, но национальное богатство России пропадало всеу, Богиня, главный смысл существования многих людей, эта Богиня активно перерабатывалась организмом Игорька в ничто, в мочу, то есть растрачивалась.

Тут был неразрушимый узел.

Люди зарабатывали, стояли в очередях, чтобы купить дефицит, Игорек им помогал, ему покупали в благодарность водку, и всё, тупик, конец этой ветви. То есть нельзя ни заработать, ни накопить, это удел России.

Бесконечно продолжающийся конец, ибо Игорек оказался бессмертен.

Погиб от сепсиса дед Леня, умерла от рака бедная жена Игорька Татьяна после двадцати пяти абортот, сыновья их выросли инвалидиками со склонностью к наркомании, а младшенький Лешечка вообще не вырос, жил как Гоголь ста пятидесяти трех сантиметров и кололся, ширялся и нюхал с десяти годочков все на тех же десяти метрах при бессонном отцевдовце.

Но пока что Игорек с только что родившей Татьяной сидит и поминает деда Семена, и внезапно вырастает во главе стола дядя Леня, головастый как молоток.

Дядя Леня теперь, как он чувствует, глава семьи. Он будет выходить к доминошному столу как наследие великого деда Семена, он возьмется решать все конфликты в будущем, как его тесть Семен, он почувствовал в себе силу! (Зоря на барабанах, те же знамена склонить!)

Но он это в себе чувствует, силу решать, а другие нет, не чувствуют, отсюда выломанная челюсть, с которой он полежал в той же хирургии той же больницы, что дед (полез разводить дерущихся у доминошного столика друзей. Верховный судия, ни более ни менее! И ему врезали от души).

С поломанной челюстью он долго не мог питаться, сидел на бюллетене и пил по вечерам, как привык, тихий, молчаливый, его поили бесплатно как героя, но, к сожалению, он получал по бюллетеню как за бытовую травму в состоянии алкогольного опьянения, так составили формулировку в истории

болезни, а потому выходило денег очень уж мало, что-то за пять дней только заплатили, а ведь он-то пошел буквально на амбразуру — защищать слабейшего, били того же в стельку нетрезвого Игорька за долги; просто ему налили, а он денег не взнес, сидел улыбался.

Двое кинулись его потрошить как третьего. Дядя Леня пришел с работы благодушный, усталый, явился к друзьям, а тут они его же друга метелят. Мои друзья бьют мово другана! (Артиллерийский залп, самолет взорван и идет дымной струей к горизонту.)

Другой великий поступок дядя Леня совершил ради чужой кошки. Собаки загнали ее на березу, она сидела там и подавала непрерывный SOS три дня, уже над ней кружились вороны.

Маша сильно расстраивалась, дети только и говорили что о кошке, хозяйка жила в пятом от них подъезде, малознакомая, бабулька из уходящих, перевязанная вся платком как революционный матрос пулеметными лентами, крест-накрест, пухлые ноги в войлочных тапках, и подозреваем, что единственный фонд поддержки — эмалированное ведро кислой капусты в заначке. Платить пацанам за снятие кошки она не поднялась (они ей лукаво предлагали).

Дядя Леня, молчаливый, со своей хрупкой челюстью, в конце концов, согласно своей роли хозяина двора, достал у электриков лестницу, полез, шатая тонкое дерево, снял уже затихавшую кошку, всполошив сидящих в радиусе трех метров ворон, и доставил свою ношу вниз, где кошка прыснула под

машину тут же, а двор разошелся в чем-то разочарованный, ждали, видимо, что дядя Леня убьется с этой лестницы.

Герой дядя Леня, однако, взял на себя еще и другую функцию хозяина: будучи дома, он постоянно, неумолимо и громко брюзжал, неостановимо произнося матерный монолог.

Поэтому Маша наконец-то купила телевизор (в рассрочку, по-бедняцки, черно-белый). Только у телевизора дядя Леня переключался с жены и детей на изображение, поливая матом дикторов, актеров и деятелей компартии, членов политбюро, что само по себе было очень опасно.

Еду Маша носила ему к телевизору в плошке. Он медленно, преодолевая постоянную хрупкость челюсти, ел, а после программы «Время» шел во двор обсуждать с друзьями игру спартачей, так что жизнь как-то могла войти в свои берега.

Уже после этих событий дядя Леня начал падать и закатывать глаза прямо там же, у доминошного столика среди друзей, и его принесли домой раз-другой, а на третий раз, испугавшись, Маша вызвала «скорую помощь», и диагноз был поставлен эпилепсия, приговор врачей — пить нельзя.

Но он сразу же после них встал, пошел и выпил.

* * *

А в соседнем подъезде буквально день в день с ним умерла одна женщина Алла, она ходила всегда худая, очень худая, и тянулась к художникам, будучи сама по профессии постижером, т. е. мастером по пари-

кам, т. е. закончила училище (вместе с дочкой Машей) и пошла работать в театр глухонемых.

Долго она там не продержалась, копеечные заработки, дома полуслепая мать, которая в дальнейшем так и ослепла, они сидели вдвоем с матерью все время, обсуждали все дела, в том числе жизнь соседней по дому, и выходило так, что все вокруг живут лучше, чем Алла с мамой. Особенно много претензий у Аллы накопилось к Вере, как она так устроилась? Одно училище, а мне не платят, потому что я честная!

Девочка Аллочка представляла собой вечное несчастье, она на ходу, во дворе, встретив Машу, жаловалась ей с горечью на жизнь и заработки, не говоря главного.

В конце концов Алла похоронила мать и осталась абсолютно одна. Не было у ней никого (в том смысле, в каком женщины произносят эту фразу). И почему, непонятно. Алла всегда выглядела хорошо, стройненькая как палочка, черноглазая, французского типа. И с первого курса училища она ходила в подругах у Верочки, то есть именно Алла нашла данное ПТУ и рассказала об этом как дурочка Вере, и та тоже начала готовиться поступать, вот как! И они вместе заканчивали, а результат оказался у Аллы совсем другой, потому что она была честная.

Наконец нашелся ей жених, они жили замечательно до самой свадьбы и некоторое время спустя после свадьбы (на которой, кстати, выяснилось, что жених еще женат, не развелся, как-то не подумал, так что в загс не пошли, а празднование состоялось).

Потом жених исчез, оказавшись через некоторое время в компании близких ему по духу мужчин и мальчиков, склонных к однополой любви, и Алла затем привела еще одного, вечно пьяненького художника, и опять начала летать туда-сюда, добывая хлеб насущный на киностудии «Мосфильм». Куда ее, по просьбе Маши, устроила Верочка.

Жалкие деньжата, но на вино хватало, а через четыре-пять месяцев и этот муж удалился, когда Алла уже ходила с еле заметной беременностью, и тут всё, стоп.

Начинается ее реальная жизнь, то есть должны состояться роды и последующие нечеловеческие усилия по прокормлению потомства, захлопывается ловушка, Алла остается одна со своими малыми силами, без матери, без никого, и рождает двойню, совсем уж нечто непереносимое по тяжести.

С близнецами еле справляется обычно большая семья, и Алла начала вечерами, уложивши детей, пить от усталости.

И тут уже служение Богине потекло незаконное, ничего не соблюдено, питье не в компании на троих, а в одиночку. Где взять девочке еще двух пьющих девочек?

Религия мужская по определению. Так оказалось в данном случае.

Это у нее был так называемый отдых, так называемое временное освобождение, послабление, уход, даже своего рода отказ от борьбы, и никаких возлияний на алтарь дружбы во имя Богини.

Богиня гневалась.

Но представить себе пробуждение утром, необходимость до восьми тридцати сбегать на молочную

кухню за бесплатным молоком, да даже один простой процесс гуляния с двойней, с двойной тяжести коляской перебраться через высокие ступени подъезда, шесть к входным дверям и десять добавочных до лифта, как тащить их двоих да коляску при собственном весе сорок два килограмма!

Все меньше видели Аллу во дворе. То и дело соседки поднимали шум и даже взламывали с милицией квартиру, где сидели и кричали взаперти голодные мальчики.

А потом эти бабки совсем уже свободно начали притаскивать кто хлеб, кто щец похлебать, кто кашу и кормили малюток своими грубыми продуктами, особенно отличалась добротой как раз описанная ранее Маша, поскольку Алла жаловалась именно ей.

Кстати говоря, Алла в глубине души адресовала именно Маше свои горькие и безмолвные обвинения в том, что одни живут богато, а другие живут бедно.

Маша, как дворовая святая, то и дело ходила к несчастным детям Аллы, то подстирывала, то кормила их, а Алла сидела в другой комнате пьяная и упорная, иногда же вообще отсутствовала, промышляя где-то на вино. До этого дело дошло.

Раньше она хоть притворялась, прятала грязную посуду, накрывая ее полотенцем, сердилась, когда Маша у нее подметала и мыла, а потом махнула на все рукой.

Дети тем временем, живучие дети алкоголиков, два худеньких мальчика, выжили, выползли на свет божий, и при помощи детского врача и соседей их устроили в ясли на пятидневку.

Тут Алла временно воспряла духом, начала активно зарабатывать деньги и даже вставала совсем рано, занимала очередь в магазин «Дом фарфора» (тогда, в советские времена, был большой дефицит посуды) и затем, после открытия, потолкавшись у прилавка локти к локтям и выписав чек (с этим чеком надо было идти и платить в кассу), она не шла ни в какую кассу, а продавала жаждающим, стоящим в очереди, за вознаграждение.

Маша очень хвалила расторопную Аллу, Алла расцвела, даже покупала детям какую-то одежду (все прошлые годы соседки отдавали ей старье).

Но с годами пагубная привычка отдыхать переросла в настоящее бедствие. Алла застопорилась в своих заработках, перестала беспокоиться и наконец нашла выход: сдала койку одному южному человеку, который пробавлялся в Москве вдали от своей бушующей родины мирным ремонтом телевизоров и снимал у старушек коечки.

Тут все пришло ко всеобщему знаменателю, видимо, жилец, Рома по-русски, платил Алле бутылками, а сдала она ему койку в комнате, где спали ее уже восьмилетние мальчики.

Алла таким образом совершенно уже устранилась от жизни и закрылась в своей комнате, пользуясь добротой Ромы, а Рома покупал детям даже шоколадки.

Правда, сказать по чести, дети иногда звонили в дверь соседкам, нет ли у них мелочи, и собирали себе и матери, видимо, на хлеб. Ибо заподозрить Аллу в том, что она будет требовать у постояльца какую-то точную сумму, было невозможно. Бутылка, вот и вся сумма, извините.

Рома, человек пылкого нрава, тут затих, остепенился, как бы зажил семейной жизнью и перестал приставать к продавщицам.

Трудно сказать, совратил ли он обоих детей, устроился ли он, как ему удобней, и понимала ли Алла в своих сумерках, что она сдала приезжему человеку жилье и двух своих малышек одновременно.

Тревогу однажды подняла Маша. Придя к детям с очередной кастрюлечкой с супом и с хлебом, она зашла покормить и Аллу, которая не вставала уже давно. Алла не смогла проглотить ни одной ложки супа, она лежала совершенно высохшая в гнилой постели.

Маша вызвала «скорую», но врачи, которых она дождалась, не взяли больную: сердце бьется ровно, и достаточно. Никакого заболевания вроде бы они не обнаружили и спросили, знает ли эта больная, что такое вода, т. е. мылась ли она когда-нибудь.

Маша смутилась, проводила ни с чем врачей, но они, уже на пороге стоя, сказали, что обязаны вызвать милицию, и действительно, приехала милиция.

Милиция приняла меры.

На другой день (Алла не могла есть уже полгода, по подсчетам Маши) все-таки приехала «скорая» и забрала мумию Аллы почему-то в пластиковый мешок. Только голова ее болталась снаружи. Алла-то была живая, при чем здесь пластиковый трупный мешок?

Тут же подъехала милиция и вошла в квартиру, отловила обоих пацанов под столом (мальчишки брыкались и отбивались).

Их грубо обыскали и повели с заложенными за спину ручками в милицейскую машину как преступников, на глазах всего двора, а Маше объяснили, что их отдадут в детский распределитель и затем в детский дом.

Южанин Рома упробил милицию не опечатывать квартиру, пока он не найдет, куда перевезти свой телевизор и кровать.

Так и прошла акция прощания Аллы с этим миром. Еще живую, в пластиковом мешке, ее перенесли с болтающейся высохшей головенкой по всем тем ступеням подъезда, которые казались ей такими непреодолимыми для детской коляски и двух маленьких детских тел.

Маше сообщили из той же милиции, что Алла умерла утром.

Судя по тому, как брезгливо ее несли, судя вообще по нравам, царящим в больницах, можно понять, что никто не стал утруждать себя мытьем и вытиранием скелетика Аллы и бинтованием ее гнойных струпьев.

Возможно, она так и осталась лежать в своем последнем прибежище, чистом и прозрачном для окружающих пластиковом мешке, в которых живое тело задыхается очень быстро — но тут не стали определять, видимо, что живое, а что мертвое, и есть ли душа в этом иссохшем тельце, так напоминающем тело на распятии.

* * *

Вернувшись назад, к временам дяди Лени, отметим, что после своего диагноза дядя Леня теперь все

время припахивал мочой. То ли легкое недержание, то ли неопрятность, забвение правил, неудержимое стремление в сторону гибели, пока еще медленное. То есть самозабвение, отказ от самых простых правил, раз жизнь все еще длится, причем длится в любых условиях.

Бессмысленное, устойчивое желание жизни продлиться в тех обстоятельствах, когда она ежесекундно попирается, когда, казалось бы, нельзя существовать — но можно, можно, бессмертный Игорек как пример, — таковая жизнестойкость вызывала (как бы) у дяди Лени еще большее желание убить эту плоть.

Пить нельзя — а выйдет к доминошному столику, что там отвечать на ухмылки друзей, что «мне нельзя»?

Тебе нельзя — врачи не велят? Тебе нельзя — Машка сказала? Ты что, о себе думаешь? Ты нас не уважаешь? Гони деньги.

Дядя Леня не думал о себе, он героически давал деньги и «принимал» стакан, бутылка на троих, вторым был погибающий Игорек, третьим — водяночник Аносов с восьмого этажа, раздутый бывший скрипач циркового оркестра. Все шли на смерть, никто не сомневался (раскаты «ура», когда идут физкультурники молодцеватыми строями).

Машу вызывали каждый вечер, заботливый Игорек посылал кого-то из пацанов, и героя дядю Леню несли брыкающимся, с закатившимися очами и пеной у сломанного рта домой, где доченьки и сынок готовились выйти вон, Маша одна принимала тело мужа.

Правда, дело в дальнейшем облегчилось, потому что дядя Леня как-то упал затылком, и его положили на операцию и проделали дырочку на месте пролома черепа, как-то это облегчило ситуацию, эпилепсия закончилась!

И он продолжал пить еще несколько месяцев.

Его похорон не запомнил никто во дворе.

Машу дочери хоронили с оркестром. Все плакали как у распятия, от несправедливости судьбы.

ПЬЕСЫ И РАЗГОВОРЫ

КОМУ ЭТО НУЖНО

Диалог

Входят ОН и ОНА.

ОНА. Как-то неожиданно вдруг немножко.

ОН. Вот тут, на окне.

ОНА. Где, где?

ОН. Вот тут, на окне. В блюдце.

ОНА. Лук? Вы говорите про лук?

ОН. Да. Я ему каждый день меняю воду, сегодня утром поменял.

ОНА. Так надо не в блюдце класть луковицу, надо в чашку, и такой кружок вырезать из картона. Посадить луковицу жопкой в дырку, и корешки сами полезут в воду. Так все делают. Нет. Это неверно.

ОН. Некогда. Видите, уезжаю на три дня, приеду, а у меня зеленый лук. Я так думаю.

ОНА. Огород на подоконнике, знаем. Ну, вы бы обождали немножко, приехали бы, посадили, сами бы ухаживали.

ОН. Не могу. Рельсы зовут.

ОНА. Вернетесь и посадите. Чего тут огород-то городить? Без себя?

ОН. Вам что, неудобно?

ОНА. Неудобно, не скажу... Но как-то... к незнакомому человеку в дом... мало ли... неудобно. Вы вот что, вы мне дайте вашу луковицу.

ОН. Даже смешно. Зачем?

ОНА. Вы мне ее дайте домой ко мне... Я ей вырежу кружок, посажу донцем в дырку, все сделаю, как надо... Я читаю «Советы садоводам», только я в землячку сажаю. Ящичек завела. У меня лук растет и укроп.

ОН. Да? Ну тогда нет. Я попрошу других соседей, ладно.

ОНА. Вы не обижайтесь, хорошо, я буду поливать, как вы скажете, мне нетрудно один раз в день... Я не забуду. Ладно, поезжайте. Рельсы зовут, это важно. Хотя странно это все... Первый раз сталкиваюсь. Простите, я такая подозрительная, всех подозреваю... Что такое, рельсы зовут? По моему мнению, это что?

ОН. Меня не интересует ваше мнение. Я спрашиваю, вы сделаете это?

ОНА. Я вообще человек обязательный, обязательно буду, если обещала. Я обычно выясняю, что и как, а потом уже делаю...

ОН. Я повторяю, меня ваша жизнь не интересует. Поезд уходит через час.

ОНА. Через час, тогда что вы сидите? Давайте ключи, хорошо. В какое время поливать?

ОН. Я поливал в семь утра, самое удобное.

ОНА. Я рано встаю всегда по привычке, как на работу. В семь так в семь. Я рано вставала на работу и никогда не опаздывала.

ОН. Меня, повторяю, ваша жизнь не интересует.

ОНА. Хорошо, не обижайтесь. Давайте ключи.

ОН. В семь утра придете завтра?

ОНА. Я вообще с петухами вставала всегда, вот уж истина, встану кое-куда и больше не засну, это такое дело.

ОН. Меня не интересуют эти дела. Вот ключи, прошу точно от семи до восьми. *(Отдает ключи.)*

ОНА. Я вообще такой человек. *(Берет ключи.)*

ОН. Прощайте.

ОНА. Ну пока, до свидания.

ОН. Нет, прощайте. Я выхожу скоро.

ОНА. До свидания. Увидимся еще.

ОН. Нет, прощайте. До завтра, договорились?

ОНА. Как это до завтра?

ОН. Завтра от семи до восьми.

ОНА. Увидимся?

ОН. Нет, не увидимся.

ОНА. Ну вот, а через три дня увидимся?

ОН. Ключи оставите тут на столе.

ОНА. Когда?

ОН. Когда, тогда. Поняла? Прощайте.

ОНА. Почему вы так говорите?

ОН. Я всегда так говорю.

ОНА. Привычка?

ОН. Это одно правда. Прощайте.

ОНА. То есть?

ОН. Разберите это слово. Прощай-те.

ОНА. Говорят — прощайте навеки.

ОН. Я так не говорю. Просто — прощайте.

ОНА. Я и отвечаю: до свидания.

ОН. А я говорю: знаю, что говорю.

ОНА. Я такой человек. Я должна понять.

ОН. Меня не интересует, что вы должны понять.

ОНА. Не обижайтесь. Слово «прощайте» нехорошее.

ОН. Зато на все случаи жизни.

ОНА. О! На всякий чих не наздравствуешься. Я такой человек. Я должна знать, на что иду. Я всегда так, поняли? Проверяю что и как.

ОН. Вы мне неинтересны. Вы мне неинтересны, запомните. Прощайте, поняли?

ОНА. Не волнуйтесь. Если говорить «прощайте» на всякий случай, то надо плакать без передышки. В магазин идешь, надо плакать. Кого ни встретишь, на всякий случай надо прощаться. О, прощайте все.

ОН. Да.

ОНА. А я такой человек, я должна знать, зачем я лук поливаю.

ОН. Прощайте.

ОНА. Вы что, никогда не врете?

ОН. Это просьба не лезть в мою жизнь. Какое вы имеете право?

ОНА. Не обижайтесь. Все очень и очень чудно.
(Бренчит ключами.)

ОН. Да ладно, что вам, польете лук, может, уже завтра я не буду в этом нуждаться.

ОНА. Вернетесь?

ОН. Да нет, не вернусь, точно, это точно.

ОНА. Вообще не вернетесь?

ОН. Да нет, завтра, завтра я точно не вернусь.

ОНА. Я боюсь. Лук! Лук не поливают, во-первых, он сам себе растет, пускает зеленушку, а во-вторых, сажают жопкой в дырку, и он сидит хоть неделю над водой. Хотите, вырежу кружочек?

ОН. Мне некогда, я уйду, уходите.

ОНА. Я вам до завтра сделаю, и всё, и хоть на неделю.

ОН. Завтра будет день, будете решать, как поступить. Может быть, вы эту луковицу возьмете домой. Но не сейчас.

ОНА. У меня много таких луковиц, я выращиваю в ящике, я вам сказала. Зачем мне новая.

ОН. Хорошо, мне некогда! Некогда, понимаете?

ОНА. А если вы не вернетесь?

ОН. Это исключено. Я буду тут.

ОНА. Ну а если? Все под Богом ходим.

ОН. Я вас заверяю, что нет, мой случай другой.

ОНА. Какой другой? Инфаркт, что ли? Споткнулся, мало ли, да транспорт, все под Богом ходим, я вам говорю.

ОН. Я уверен, что ничего такого со мной не произойдет.

ОНА. Вот уж вы самонадеянный человек. Вот нравятся мне эти мужчины. Они знают! Ничего не произойдет с ним! А сами говорят «прощайте» на всякий случай.

ОН. Да. И прощайте, и я уверен, что завтра буду здесь. Точно, не обману.

ОНА. Да. Что-то тут нет то. Я чувствую.

ОН. Мне неинтересно, что вы чувствуете. Не лезьте в мою жизнь. Я просил только насчет лука.

ОНА. Прощайте — это значит, вас не будет.

ОНА. Слушайте, что вы лезете? Я повторяю, что я завтра буду.

ОНА. Вы же на три дня уезжаете, как вы завтра будете? Вот вопрос, вас не будет, но вы будете, что это такое?

ОН. Да, примерно так, меня не будет, но я буду.

ОНА. Я не согласна. (*Кладет ключи.*) Я не буду ухаживать за вашей луковицей.

ОН. Хорошо. Только зря потратил время. До свидания.

ОНА. Не обижайтесь. Я предлагаю вам взять вашу луковицу на время на подержание. Я ее воспитаю за это время. У нее вылезет зеленушка. Я вам гарантирую.

ОН. Не дам. Моя луковица, и баста. Моя луковица должна быть дома.

ОНА. Не обижайтесь на меня.

ОН. Сколько канители! Вы одна сидите на этаже, никого в квартирах нет, я звонил всем.

ОНА. Лямин во дворе гуляет с детьми, его жена в больнице. Еще Соня, она не откроет никому, она глухая, внук ей обещается провести зрительную сигнализацию, а пока что она глухая как пень, смотрит телевизор, на всю ивановскую крик идет.

ОН. Меня это не интересует, я опаздываю, что же мне делать?

ОНА. А билет есть на поезд?

ОН. Я на электричке, вы что, билет я куплю. Просто надо успеть! Обзвонил две квартиры по соседству.

ОНА. Я подозрительный человек, вы понимаете это?

ОН. Меня не интересует, кто вы такая. Ладно, я сбегаю вниз. Но вы все-таки ключи возьмите, я по дороге зайду в квартиру под нами.

ОНА. Приселковых нет, они у дочери сидят с детьми.

ОН. Держите, держите ключ.

ОНА. Зачем мне ваш ключ? Я вся дрожу просто.

ОН. Всяко бывает, знаете, в отсутствие.

ОНА. Да, бывает. Рядом Ляминых залило, соседи уехали сверху на выходные, а у них лопнула горячая труба. Два дня хлестало, все паром заволокло. Милиция не идет, вскрывать никто не хочет без хозяев, а то обвинят в краже, слесарь выходной, аварийка не едет. Нижние под Лямиными тоже потекли, у Ляминых что, девчонки две и четыре кровати, стол, стул, шифоньер, ну ковер на стене, они его свернули. А у нижних-то ковры везде, мебель, все дорогое... Весь стояк протек... Дети их у меня сидели, Женя с Сашей бегали искали слесарей.

ОН. Это меня не интересует, Женя, Саша... Меня не интересует никто, берите ключи и идите.

ОНА. И то! *(Берет, уходит.)*

ОН. Удар. *(Садится.)* Па-па-па-па-па-па-па, дым-там-там-там-там-там-там.

Достает веревку, мыло, начинает мылить веревку и мастерить петлю. Смотрит на часы, поднимается, хлопает громко дверью, возвращается, продолжает заниматься своим делом. Вдруг какой-то звук. Он смотрит на дверь. Прячет веревку под стул, мыло остается на столе, сам скрывается за занавеской. Входит ОНА. Смотрит вокруг. Видит мыло. Нюхает его. Открывает шкаф, смотрит, роется в нем, звонит по телефону.

ОНА. Верочка! Это я, Верочка. Михаил приехал? Дай его. Нет, ничего такого, дай его. Але. Михаил,

это я, Нина Петровна. Да. Как самочувствие? Прекрасно. Михаил, так: нам на дачу нужен шкаф, кровать, стулья? Отдают тут одни, уезжают. Простыни кое-какие, посуда плохая, полотенца так себе, все старое. Но нам сойдет для дачи? Вот. Но одно условие: все вывезти до завтра утра. Как это? Ну и что? Это же мебель. Давай-давай, организуй машину. Я не знаю. Ты же хозяин. Ну, дай Веру. Верочка, это опять я. Поговори с Михаилом, тут мебель отдают даром, шкаф, стол, еще стол кухонный, три стула, одеяла, подушки, полотенца... Поговори... да нет, не то. Да не то. Я бы не стала. Ты знаешь меня. Просто человек уехал... насовсем. Да. Я не знаю, куда. Мне оставил ключи. Сказал, что не вернется, и всё. Доверил все мне, все имущество. Верочка, ну что вы такие ленивые! Ну что, я все хлопочу, хлопочу, вам же всё! Да какая бы ни была дорогая машина, мебель-то дороже! Потом руки на себе будем рвать, да! Что это Михаил скототил лежаки! Я люблю спать на кровати, чтобы голова не скатывалась! Ну хорошо, ладно. Стол тоже кособоковатый у него вышел, у Миши. Ну не мастак человек, а тут стол старый, хороший, три стула крепкие... Сразу бы и дом засверкал... Ну я же в нем живу, я же забочусь о вас. Вам некогда. Ладно, все устали, одна я не устала. Пока.

Встает со стула, берет сразу три стула, видит веревку под стулом, сматывает, думает, куда деть, вешает себе на шею, тащит стулья вон. Хлопает дверь. ОН выходит из-за занавески, дико смотрит по сторонам, хватает со стола мыло, тут стук двери. ОН прячется за занавеску на то же место.

ОНА входит, лезет под стол, надевает его себе на голову, выносит. ОН выскакивает из-за занавески, хватается одеяла, простыни, подушки, свертывает в рулон, торопится, не успевает. Стук двери. ОН оставляет их на полу, прячется за занавеску. ОНА входит, берет рулон и уходит. ОН выскакивает, мечется, запирает шкаф на торчащий ключ, ключ прячет в карман. Тут стук двери. ОН прячется опять за занавеску. ОНА пробует открыть шкаф, не выходит. Она идет на кухню, возвращается с ножом, вскрывает шкаф, вываливает оттуда все вещи, все тряпки и книжки.

Занавеска шевелится от полноты чувств. Над одной книгой она задержалась. Звонит по телефону.

ОНА. Але, это Верочка? Это я, слушай, нам нужна книга, автор Пруст, называется «В сторону Германтов»? Германтов. Германтов, ты такое не знаешь, спроси у Михаила. (Пауза.) Германтов. Да, я думаю, брать или не брать. И еще учебник итальянского языка. А, ну хорошо, ладно, пока.

Откладывает книги в сторону, просматривает тряпье, находит костюм, примеривает на себя. Осматривает, звонит.

ОНА. Але, Михаил, это я опять, тебе нужен черный костюм, твой размер, шерстяной. Да? Ой, ну ты прям как этот. А что ты думаешь? Всегда надо предусмотреть даже и это. Моя мать все себе приготовила, плат на голову, костюм, белые тапочки. Как невеста лежала. А у отца три костюма на выбор были.

Прилично его обрядили. А ты в джинсах так и окочуришься! Ты подумай, черный шерстяной костюм! Ну хорошо, я возьму, у меня будет, на всякий случай. Верочке отдам потом. Але, але! Прервали.

Шевелится занавеска. Она разбирает вещи, находит скатерть, звонит. Никто не подходит. Еще раз набирает номер, вздыхает. Завязывает узел, уходит. ОН выскакивает, бегаёт по комнате, выбегает, возвращается с кастрюлей в руке, прячется за занавеской. ОНА входит.

ОНА. Звать любовь не надо, явится незваной, счастье расплеснет вокруг (*поет*). Он придет однажды... (*Пыхтит, толкает шкаф плечами, звонит.*) Але, Верочка, а что никто не подходил? А я три раза набирала. Вера, пусть Михаил подскочит, я тут возьму гардероб себе. А то вещь уйдет, вещь уйдет! Нет, не дрова (*смотрит*). Хороший деревянный шкаф. Я же не могу одна! Все одна и одна! Ну не бросать же! Дай мне его. Але, але, але! (*Ждет. Кладет трубку.*) Ну и идите все. (*Толкает шкаф плечом.*) Все равно все вам останется! Вспомните еще меня. (*Толкает шкаф.*) Холодильник я возьму себе, мой — буквально над ним трясусь, если сломается. Всё. (*Толкает шкаф.*) Господи, вот так вот всю жизнь! Господи! И когда мама была жива, на Краснобогатырской... Все разошлись, одна я с ней (*толкает шкаф*), всю жизнь! Много песен поет... наш несчастный народ... та-та-та-та-та могучую спину... Ля-ля-ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля-пар-ля, трам-пам-пам, и затянет родную (*толкает шкаф*). Эх, тяжелая

сама пойдет. (*Звонит.*) Верочка, это я опять, мне в спину вступило, прямо невозможно. Шкаф уже в дверях. Ну как вы спите, так быстро легли? О, ну не буду, не буду. (*Кладет трубку. Смотрит на кровать.*) Постель была расстелена, а я была растеряна (*идет к кровати*). О, Боже, смилуйся надо мной, Господи, помилуй меня грешную. (*Ходит между шкафом и кроватью.*) Нет, шкаф надо сначала разобрать. И кровать разбирается. Но это же что, я же не потяну все это, такая махина. Матрас один сколько весит! Хороший, пружинистый. Еще клопов нанесешь. (*Уходит.*)

ОН выскакивает из-за занавески, ставит шкаф на место. На шкаф ставит кастрюлю, на самый край, из-под матраса достает пакет, прячет за пазуху. Стук двери. Скрывается. ОНА пшикает из баллона на матрас и вокруг себя, на занавеску. Уходит. Он выскакивает из-за занавески, машет вокруг себя рукой, открывает форточку, вентилирует занавеской воздух, роняет пакет, скрывается за занавеской, потому что
ОНА входит.

ОНА (*входя*). Жди меня, и я вернусь, только очень жди. (*Подбирает пакет с пола.*) О? Тут что? Счета, письма, с праздником, с праздником, кому это нужно, дорогая любимая мама, всем дурным ты поступкам яма, все на выкидание. (*Бросает.*) Так. (*Пыхтя, тащит матрас с кровати.*) Эх, дубинушка, ухнем! Господи, вот так всю жизнь, господи, все для других. Все спасаю, все берегу, а они пришли, ой, у вас тут не пройдешь, ой, сколько дров... Дров! Это же мебель

из чистого дерева. Все для других, все спасаю, все берегу. Они еще меня вспомнят, еще заплачут! Костюмы еще папины, мамины платья, посуда вся целая, в газеты завернутая, сверху старые полотенчики, простыни, пододеяльники, одеяла, все целое, пальто с воротниками, все укутано, посыпано, пластинки, два проигрывателя, три приемника. *(Говоря этот текст, она перебирает письма.)* Что такое? Светит в окошко луна, вечер, пустое пространство, на полу лежит орех. Хм, на полу лежит орех, не в склад и не в лад, поцелуй кошку в зад. *(Бросает на пол.)* Как жили — как не жили, что оставили? Мусор после себя. *(Читает.)* Дорогая мамочка, как ты поживаешь, я живу хорошо. И всё. А сам не живет, приехал, когда мать умерла. А то, что я оставлю, они не выкинут: шифоньер, гардероб, сервант. Да, у них теперь другая мода. *(Поворачивает ключ в двери шкафа, открывает его, смотрит, что там, выкидывает на пол пальто, кофты, одежду. Звонит.)* Верочка, ты еще не спишь, ну ничего, проснись. Верочка, я что нашла: три зимних пальто на ватине, воротник чернобурка, каракуль седой, цигейка почти новая! Берем? А куда? На помойку? Тут сервант, шифоньер, гардероб, все в хорошем состоянии, блестит прямо. Ну не ой, а думай. Да нет времени давать объявление. Вы берете? Ну хорошо, нет так нет. Посуда, написано на ящике сервиз двенадцать, значит, на двенадцать персон, чайный. Я смотрю... Да, у чайника нет ручки. Что значит, хочешь спать? Решается вопрос о жизни и смерти. И здесь еще четыре ковра! Продать кому, кому мы продадим? Новые дорожки генеральские, по четыре метра рулон. Поняла. Я все поняла. А аба-

жур? Оранжевый, шелковый, старинный. А костюм черный, шерстяной? Да... ну спи, ладно.

Берет рулон ковра, утаскивает на себе. ОН выскакивает из-за занавески и смотрит на вещи, разбросанные по полу. Что-то поднимает, прячет за пазуху. В этот момент слышно, что ОНА уже вошла в квартиру, и ОН прячется в шкаф. ОНА входит, поворачивает ключ в замке шкафа и тащит шкаф по направлению к входной двери.

ИНТЕНСИВНАЯ ТЕРАПИЯ

Разговоры

— Это что, я уплываю? Я у вас сейчас уплыву.

— Больной, вы меня слышите?

— Видишь ли, раньше это было довольно целенаправленное движение, только я не знал об этом, ну, участвовал как-то сам по себе. Короче, я не знал, чем это пахнет. Я не знал, что каждый момент ведет меня именно в данном направлении, что Мара поставлена на моем пути специально, что до нее не так все было устремлено сюда, в мое теперешнее положение... Или состояние.

— Больной, как чувствуете? Лучше?

— Я не хочу умирать.

— Как чувствуете? Слышите меня?

— Так хочется жить, просто жить. Я не могу передать. Страх. Я никогда не боялся смерти, понимаете?

— Как чувствуете, больной? Молчит.

— Мара была маленькая, толстая, стриженная почти под ноль, носила короткие юбки и короткие чулки специально, и при каждом шаге были видны ее голые ляжки, она специально так ходила... Шары, понятно? Шары, она вся состояла из шаров сала.

Маленькие шарики сала, большие шары, небольшой шарик головы, шары глаз... Красный шар во рту.

— Вы слышите нас? Алё! Минутку, сейчас...

— Шар в промежности, пятки, желтые шарики, два огромных шара ягодиц. Она валялась на нашей кровати. Она однажды приготовила почки, купила и припасла килограмм почек, взяла у кого-то из соседок поваренную книгу, приготовила. Потом это уместилось в маленькую кастрюлю, и она ходила с этой кастрюлей, пробовала и стонала от удовольствия. Тогда пришел этот Гена, он давал мне работу, один раз я ставил массовое действо в парке. Приехала какая-то моя знакомая Ольга, Гена играл на гитаре, Ольга начала петь. Я вообще эту Ольгу не знал, она приехала, потому что надеялась через меня, услышала, что я работаю в клубе, получить работу, она хотела работать в клубе методистом... Потом ее задача уже была очаровать Гену. Она поняла, что он значительное лицо. Она пела, Гена играл на гитаре, а наша Мара как в насмешку лежала на кровати, и видны были ляжки, то, что все женщины скрывают. У нее юбка задралась сзади. Я смотрел на Ольгу, Ольга была красивая, прекрасно пела, такие медного цвета волосы, Гена тоже любовался Ольгой, на ней было что-то темно-зеленое... А наша Мара валялась на боку, поджав колени, и все было у нее видно сзади, голые ляжки, самое некрасивое место у женщины. У Мары тогда у единственной имелось чувство юмора, она противопоставляла себя миру, этой красивой рыжей Ольге с ее голосом, мне... Мара думала, что я западаю на каждую женщину. Мы пили и пере-

давали Маре на кровать рюмки водки, она страшно пила, и я пил жутко... Ольга, по-моему, берегла себя и не пила ничего, ей предстояла долгая борьба за существование, она хотела себя сохранить, а мы с Марой не хотели. Вот оно что у меня было — мужество, плевать на смерть... Я ее как бы вызывал на бой, и Мара тоже. Гена был министерский работник, он мне покровительствовал, мог заключать договора. Но я вызывал смерть на схватку, так называется, я ее звал на бой.

— Как ты себя чувствуешь? А, герой? Так. Зовите Алиночку вашу, Таня.

— Здесь не включается, мы уже вчера возили его в шестую. Там есть подходящая розетка.

— Значит, зовите Алиночку и повезли.

— То есть что это значит, это значит, что Мара стремилась подохнуть, она одна выпила бутылку водки, нам досталась с Геней тоже бутылка, но на двоих. Потом Мара решила и поставила на стол свою кастрюлечку, отдала нам свои почки, она их готовила битых два часа, потом позвала свою смерть и отдала нам эти почки. Ничего решила не оставлять на земле, вынула из шкафа и поставила кастрюльку на стол. Ела, кстати, одна Ольга, очень хвалила. Мара ее презирала, Мара сказала, что берегла почки для дочери, дочь должна была прийти из детского сада в эту пятницу. Она была на пятнадцатке. Я должен был за ней ехать. Но я не поехал. Девочка сидела до двенадцати часов ночи у сторожихи. Но мы съели почки сразу, хотя я не хотел есть... не хотел закусывать, чтобы водка не пропала даром. Кстати, Мара ничего не ела. Она все время говорила, что девочка осталась

в детском саду одна, ездай, скотина, а я не мог сдвинуться с места. Обычно Гена играл, а она пела, у нее такой хриплый голос, прокуренный, очень сексуальный, замечательно красивый. Если она еще жива, то она сейчас должна играть в театре старух. Редчайший талант, кстати. Она муза моего поколения, она спала со всеми более или менее известными людьми, с Женькой, с Андреем, Володей, Эриком, Васей, Аркашей, с кем еще, Гришей, она спала даже с таксистами, вызовет таксиста наверх и платит. С водопроводчиком по вызову, это уже когда я ушел от нее. Мара не могла решиться на самоубийство и призналась мне, что ходит ночами по парку, надеется... Один раз ее подобрали на чердаке с проломленным черепом, видели, как по лестнице спускаются солдаты, человек шесть, заправляя майки в брюки, и тогда забеспокоились и поднялись на чердак, она лежала в жутком виде, синяки на ребрах, они били ее, видимо, сапогами. Но осталась жива. Я тоже живучий. Я всеми силами старался.

— Алиночка, Таня, давайте.

— Он тяжелый, он тяжелый... Перекачивайте осторожнее.

— Я всеми силами... Не надо, не надо... Не надо только бить по лицу! Прошу вас, не надо ногами... Лицо, лицо... Гена мог организовать все, даже фестиваль. Важно было сохранить лицо. Мы с Марой играли спектакль на двоих, играли монтаж по какому-то тексту, дай бог памяти... Было много идей... Я писал тексты по книгам, Мара играла все, с ее данными она могла играть даже Джульетту и миссис как ее... из «Виндзорских проказниц». И даже Маленького

Принца... с ее прокуренным голосом. Но она, практически ничего не делая, превращалась в кого угодно, важно было заключить договор на эту инсценировку, и здесь Гена мог помочь. Поэтому я перед ним пресмыкался. Дружил с этим уродом. А Мара нас презирала. Мара, я повторяю, превращалась в кого угодно, мгновенно. Но вы слышали, какая райская мелодия? И этого было достаточно, чтобы она стала Маленьким Принцем. То есть она великая актриса. Вы что же делаете? Не трогайте только голову, голову...

— Включите, как, подходит?

— Здесь, да. Больная, извините, мы на пять минут вас потревожили. Спите. Спите. Там розетка не работает.

— Мара, береги голову. Мара никогда ничего не берегла. У нее потом было высокое давление, как у всех толстух. Она пила и брезговала смертью, хотя не хотела оставлять дочь на меня, но я-то спохватился и вставил себе стимулятор! Когда она приходит, вы понимаете о ком речь. Когда она приходит, никому не хочется идти с ней. То есть идти — это громко сказано, она накидывается сверху и не дает дышать, давит, давит.

— Что? Что тут?

— Таня, везем в интенсивную терапию. Потерпите, потерпите... Как его?

— Да там посмотрим.

— Она наваливается, и тогда хочется освободиться.

— Стоп, я укол сделаю. А то мы его потеряем тут по дороге. Так. Сейчас, сейчас, сейчас. Так. Так.

— Больно, мне больно! Объясняю, почему я ушел от Мары. Она уже стала невыносимой. Она спала чуть ли не на глазах у дочери с разными людьми... Я же руководил студией, меня часто не бывало дома, а ее уже почти не занимали в спектаклях... Так, два-три старых. Она намеренно уничтожала себя, я приходил домой поздно, все позже и позже, я надеялся, что все уже легли, я не хотел ее видеть. Она валялась при полном свете голая, дочка уже спала, если речь шла о субботе-воскресенье, девочка спала одетая за столом, тут же альбомчик, карандаши рассыпаны, бедная девочка, тут же бутылки, стаканы, черный хлеб... Есть было нечего ей совершенно... Я раздевал ребенка и клал ее спать за ширму на ее кровать, а сам брал старое одеяло и ложился на пол под стол, больше места не было, стол, кровать и кровать ребенка, шкаф. Этот быт актерских общежитий. Душно, душно!

— Везите! Везите скорей!

— Этот запах блевотины, дыма, грязь во всех смыслах, вечный балаган, крики, толпы посторонних, свет до утра... Консервные банки, огарки, бутылки, носки, мутные стаканы, старые вещи на гвоздях, исписанные стены...

— Так. Лифт-то ходит?

— Круглосуточно должен.

— Татьяна, сбегай вниз. Лифтер оставил открытым лифт. Ох, скорее.

— Душно, душно. Я жалел Мару, жалел, утром на нее страшно было смотреть. Я давным-давно уже брезговал ею, она мылась редко... Как специально. Кто спал с Марой, с этой ходячей помойкой! Как я

брал дочь из садика, это большой вопрос. Я ее отвозил в понедельник и привозил в пятницу, должен был отвозить и привозить. Мои обязанности отца. У меня были малые заработки, и я не знаю, на что Мара жила. Я спал под столом, всё. Этот стол нависал надо мной как спасительная крыша, он и сейчас мне снится...

— Так, лифт! Таня где? О, Татьяна наша приехала. Всё, загружаем быстро!

— Она мне снится. Иногда утром я просыпался, а моя Мара лежала рядом со мной, прижавшись к спине. Она пользовалась тем моментом, что я был в отключке, и ложилась рядом со мной, обнимала меня, как в старые времена. Я сбрасывал ее с себя, мылся, одевался, уходил, а она так и валялась на полу, живое отребье, в халате, распухшая, с этой своей тюремной короткой стрижкой. Я жалел ее, во сне она молчала... Ночью я приходил, она ругалась матом и хотела меня выгнать... мои вещи — свитер, носки, старые брюки и еще по мелочам — она сожгла, устроила в комнате пожар. Жгла в тазу, а опалила стену. Сначала она их порезала на куски, ножом, не очень умело... Как она объяснила, чтобы легче горело. После этого я совсем ушел. Я не проявлялся больше там, а через год нам неожиданно дали квартиру от ее театра, Мара прославилась, ее сняли в кино из сельской жизни. Да господи, можно было поставить камеру и снимать ее год! И все было бы интересно. Дали бы «Оскар» за этот фильм, за лучшую женскую роль. Меня вызвали, чтобы я там прописался, какие-то ее поклонницы, сырихи, вечно около нее толклись, она опять уехала сниматься в кино. За ребенком присматрива-

ли эти ее подруги, ее преданные подруги, которые не оставляли ее ни в какой ситуации. У меня таких друзей нет. Как только я ушел, она стала работать, как будто с нее сняли тяжесть... Дочку я с собой взять не мог, я сам жил в общежитии у клоунов... Чуть ли не под кроватью. Надо мной трахались, храпели, играли в карты... Слава богу, кровати были высокие, старые койки... Я помещался там легко, но, когда сверху ложились, на меня нависала сверху железная сетка с комьями матраса, и иногда мне снилось, что я не могу оттуда вылезти. Что я ползу по какому-то узкому тоннелю, нет, я лечу в тоннеле. Свет меня сечет!

— Алексей Николаевич, у него стимулятор... В истории тут написано...

— Алё, алё, Сергей Иванович! Сергей, ты меня слышишь?

— Ползу по туннелю... Но Мара выползла, выбралась... Единственная женщина, которая так меня любила, что хотела себя уничтожить... считала себя недостойной... марала себя, пачкала... смеялась над собой... Поразительная актриса, у меня никогда такой не было... она презирала мою работу, ревновала к ученицам. Уничтожала себя и меня.

— Это какой инфаркт? Третий? О-по-по.

— Каждый день водка, гости, песни, разговоры, драки, потом разговоры с белым другом, с унитазом. Я во всем этом принимал участие как восторженный дурак, любил безмерно, Мара поселила меня у себя в общежитии, была громкая свадьба. Я тогда работал в ДК, гений. У меня был ансамбль пантомимы, мы были знаменитыми, потом нас разогнали, и уже не было денег.

— Ну что, Таня-Алина, идите, мы с Александром Николаевичем тут. Идите... Все будет хоккеем. О!

— Так тяжело под кроватью, духота, нависает, надо выползти, надо выползти, душно, душно, нависает, а, ты тут, дорогая, ты тут, ты со мной. Мара, ты ведь умерла, ты что здесь? Ты ведь умерла год назад, я же тебя похоронил! Как мы тут уместимся вдвоем? Не дави, не дави!

— Давление упало совсем.

— Мара, не души меня! А, ты опять меня обнимаешь... Моя родная. Я знал, что ты в конце концов придешь ко мне. Я знал. Только не души меня, хватит, свободы! Свободы!

ГОЛОВА ОТЦА, ИЛИ ЩАЩА

Монолог

ЩАЩА на сцене производит некоторые непонятные действия — мнет пластилин, носит воду туда-сюда, рвет газетную бумагу. И между делом беседует с кем-то.

Они многого не говорят, потом сами поймете. Нужна, сказали, для работ доска толстая, как-то в нее вбивается длинный гвоздь со стороны дна. Причем гвоздь какой-то тоже толстый, штырь, может быть, шуруп? Я пошла вот сама, слышишь, нашла внизу в контейнере доску. Ты мне не помогаешь совсем. Но она большая, надо маленькую вот такого размера, тридцать на тридцать. А у меня полтора метра вообще в длину и грязная как не знаю что. Я знаю, что дед тебя очень любил, запомни. Тебе было-то всего пять месяцев, когда он ушел. Ты его не помнишь. Но он брал тебя на руки и разговаривал так, Адастик! Меня он не слушал, бросал трубку, потому что я сразу начинала кричать, что мама мрёт, мальчик болеет, я одна, есть нечего, срочно возвращайся.

Прилаживает гвоздь.

Ну вот. В следующий раз на занятиях у меня вопрос: как из доски длиной в полтора метра и шириной двадцать сделать доску длиной тридцать и шириной тридцать сантиметров? Но они очень серьезные люди. Лариса Петровна говорит, всё узнаете со временем. Вадик, теперь ты, как сделать доску тридцать на тридцать, если я померила именно полтора метра на двадцать, представляешь? На следующий раз я должна предъявить тридцать на тридцать. Слушай, ты знаешь, Рахиль исчезла, ее нет на кухне уже давно, и кастрюля замоченная вся зацвела. Вообще, вот увидишь, я предчувствую, что эта Хава, которая ходит ночами по кухне, эта женщина, она за мной следит. Я в ванну, она тайно заглядывает, я в уборной только пока еще пришла, стою, кладу свое седло гигиеническое — она, чувствую, пробует открывать дверь. А? Вадик, ты деду должен позвонить, узнать, как он там. Может быть, ему что-то нужно. Он теперь совершенно один, без этой. Ну как это можно? Взяли человека из дома и увезли и буквально просто погребли в неизвестности. В тьмутаракань перетащили. Мачеха ни слова, только молчала, все как будто сговорились. Ведь ему там одному трудно! Так. Ну ведь все упирается в то, что из двадцати сантиметров не сделать тридцать сантиметров! Как? Доска тридцать на тридцать, а у меня двадцать на полтора? Я даю вам двадцать и прошу тридцать! Ну это еще ничего. Лариса Петровна требовала неукоснительно доску с длинным шурупом, ввернутым со дна наверх. Но ведь как этот шуруп в толстую доску вбить? И потом еще ладно, вобью, но надо из полутора метров сделать тридцать. Что касается двадцати, то Лариса

Петровна ведь должна будет померить. У меня-то не хватает, я знаю. Но я изготовлю линейку с делением меньше сантиметра и дам ей. Из чего сделать линейку? Из старой линейки, закрасить предыдущие деления тушью, туши нет, есть зеленка. А на другую сторону нанесем деления, хотя бы ручкой, вместо десяти миллиметров ставим по семь миллиметров сантиметр...

Как ты думаешь, что дед сейчас думает? Лежит и думает совершенно один. Думает — где моя любимая дочь. Где мой любимый внук Адик, это он назвал тебя этим дурацким именем Адам, так что ты всю жизнь стеснялся и говорил всем, что ты Вадик. И почему, он спросит, исчезла нормальная жизнь, и кому понадобилось выкидывать меня из моей кровати и везти на край света вообще? Бросать одного черт-те где, на выселках в чистом поле? Мало того. Под дождем! Это все сделала его новая жена! Вадик, давай возьмем деда к нам, поставим ему раскладушку там, загородим ширмочкой.

Ставит раскладушку, накрывает простыней, кладет подушку.

Вадик, ну я одна не смогу его привезти. Мне понадобится твоя помощь. А? Это не так трудно, можем воспользоваться моей доской. А?

Возвращается к доске.

Что необходимо, так это чтобы мачеха не узнала. Она узнает, она его опять увезет, я же понимаю.

Маниакально будет стремиться вернуть его на новое место жительства, на выселки. А там ему холодно, Вадик! Она одела его в легкий костюм и с собой дала одну подушку! Простыней загородила ноги, и всё! Ну как это?

Тем временем лепит из пластина что-то на доске.

Как можно выселять человека с таким багажом? Хотя бы шапку на него надела. Мою шапку они не стали терпеть. Быстро с него сняли. Им стало неловко. Даже на меня не смотрели. Я потом свою шапку нашла в песке.

Вадик, ты не должен был начинать с этой Хавой. Мне непонятно, куда делась Рахиль. Хава молчит и ничего не отвечает. Кастрюля поросла мхом. Рахиль всегда замачивала кастрюлю и отскребала на второй день. Прошло уже много дней, Рахиль не вернулась из магазина и не отскребла кастрюлю. Вадик! Зачем ты ходишь к Хаве? Ты не должен. Хава для тебя стара. Ей, если я не ошибаюсь, больше тридцати на вид, она говорит 20, ну это ерунда... где-то 35. Это опасно для такого мальчика, как ты, увидишь! Сегодня ты вернулся не с улицы. Ты пришел в дедушкином пальто и его же сапогах, зачем, кстати, ты их носишь, они же большие для тебя! Да, но пальто и сапоги были сухие и теплые, а на улице мокро и холодно. Ночью ты был у Хавы, я ведь не сумасшедшая, я все понимаю.

Лепит.

Лариса Петровна говорит, что некоторые из нас смогут заработать, однако же не все. Тут, она говорит, в этом деле большая конкуренция. Магазины торгуют куклами дешево, а у нас много будет стоить отливка головы и рук из фарфора. Массовое производство, однако, делает все одинаковое, а наша задача — это делать все оригинальное и неповторимое. Хорошо бы найти другой материал. Я хожу по галереям и вижу эти изобретения. Но они не признаются, что это!

Вадик! Мне необходимо знать, где ты пропадешь. Я не сплю, когда тебя нет. Жду. К утру я обзваниваю морги. Там уже матерятся, знают мой голос. Ты что, будешь тут нам каждую ночь? Сука, говорят, ты опять здесь беспокоишь. А я, настойчиво, выслушайте меня спокойно, молодой человек в коричневом пальто, оно ему велико, черные тоже очень большие сапоги, это примета, темно-синие брюки нормальные, черный свитер. Волосы темно-русые, рост приблизительно сто семьдесят девять, вес сто, под свитером рубашка клетчатая, синяя с серым, черная майка, черные трусы. В милицию! Я в милицию звоню, а они говорят: «Утром придет, мамаша». И действительно, утром ты приходишь в теплом пальто сухом, в сухих теплых сапогах. Ты возвращаешься от Хавы! Знаешь, чем это кончится? Она тебе скажет: «Вадик, у нас будет ребенок. Вадик, мы должны пожениться. Вадик, ты меня должен поселить у себя, и тогда комната Рахили будет моя». Так она будет говорить, и действительно, Рахиль ушла в те миры, откуда человека не станут возвращать, это ясно.

Активно лепит.

Но я возьму, скорее всего, деда к нам. Мы с тобой поедem ближе к вечеру... но хотя бы захватишь эту доску ты. Деда надо вернуть. Мы заберем его к себе. Тогда нас будет уже трое, полная семья, и комнату Рахили отдадут нам. Трое! Я, ты и твой дедушка, не будем говорить о более близком родстве. И Хава уйдет, хотя у них там уже всё разрушили... всё взорвали. Да, Хаве возвращаться некуда, дома нет, она еле проникла в Москву, и даже не выходит никуда, боится проверки паспортов. У нее денег нет платить каждый раз этим в форме. Рахиль добрая душа, если пустила к себе Хаву. Да что там, это я ее неожиданно пустила... Она стояла на лестнице рядом с Рахилью, я услышала голос Рахили и открыла ей дверь... пока старушка возится со своей палкой, сумкой и пакетами, чтобы достать коробку из-под чая, да? Там у нее в платочке лежат ключи от дверей... Я это сразу слышу, когда она кашляет и шуршит и палку роняет обязательно, и иду открывать... у меня хороший слух. Я слышала этой ночью, как Хава пискнула. Я давно хотела, чтобы ты стал мужчиной, потому что беспокоилась о тебе... но Хава! Как она сказала: «Зовите меня Ева, по-нашему это Хава». Я их двоих пустила, я думала, что Хава идет с Рахилью, а Рахиль подумала, как видно, что Хава идет ко мне, эта Хава со мной поздоровалась таким голосом... таким голосом, как будто сочувствовала мне в том горе, о котором она пришла мне сообщить. Тонem близкого человека. Великая артистка Хава! Я их пустила и ушла, а Хава сразу, я представляю, пошла по коридо-

ру и вот, обнаружила плохо закрытую дверь, тут же инстинктивно нашла где никто не живет, потянула на себя, а там одни дощечки, гнутые чемоданы и мешки, все стало понятно, и она там долго все разгребала и шуршала. Легла на мешках, уж как она там лежала, в мешках ботинки и валенки заколянелые! Я думала, что Рахиль ее привела наконец навести порядок в чулане, сколько раз я пыталась с ней говорить, что я там все вычищу, выскребу. Это пять метров с окном, комната для Адасика! Для Вадика то есть, для тебя! Тахта поместится два метра на метр, стол для компьютера, еще стул и сколько-нибудь полок по стенам, высота ведь четыре метра! Но она уводила разговор в сторону, она деликатный человек, Рахиль... то есть не знаю, может быть, уже была. Она не спорила, а просто начинала рассказывать о своей молодости и как эта квартира принадлежала ее родителям, а в чулане жила прислуга. Весь дом был ихний, все семь этажей! Она сказала, при новом прижиге нас уплотнили, дали комнатку и чулан за кухней.

Пытается забить гвоздь.

Вадик! Ты понимаешь, что делаешь, когда ты кормишь Хаву? Так бы она с голодухи ушла. Но ты ее кормишь! Ты ничего не ешь сам. Правда, она уносит к себе туда, в чулан, мусорное ведро, я пришла выбросить бумажки, а ведра нет поздно ночью, и шебуршание в чулане. Ночная жительница! Я знаю, что ты ей оставил хлеб и сигареты. Как солдату паёк. Но теперь она тайно поселилась в комнате Рахи-

ли! Кто ей открыл? Вадик! Ты добрый человек. Я уходила. Ты брал наш топор! На полу там обломки дерева в коридоре. Я воспитала тебя, потому что твой дед и отец воспитал нас такими. Ты всегда всё всем раздавал, выносил из дома, ты делился мороженым. Но люди не ценят таких, как ты, не принимают их всерьез. Им гораздо легче понять подлеца и убийцу. От них самое пустяковое, доброе слово услышать приятно. Но от такого, как ты, они не примут похвалы и будут считать именно тебя подлецом, который скрывает свою подлинную сущность под льстивыми словами. Им все то, что ты делаешь, будет казаться ложью. Они не понимают, что ты святой.

Лепит.

Когда говорят, что нет пророков в своем Отечестве, то это означает, что люди думают, что пророк врёт и притворяется добрым для своей выгоды, чтобы попользоваться. И только после смерти видят, что никакой выгоды не было, стало быть, и правда святой был. А убийца и подлец, они понимают, если он матерится и угрожает, то не соврет, убьет. А если хвалит и угождает, то его вранье им понятно и приятно, такой поворот беседы. Извини, Вадик, но Хава тебя ненавидит, потому что, когда ты ее искренне жалеешь, она этому не верит. В Москве пожалеть беженку, да еще и которая вылитая цыганка, как Хава... она нам еще отомстит. Вот что произошло: еще два месяца назад она приехала и жила на улице в мороз без еды и воды, я представляю, что

дома у них то же самое, но еще и взрывы. Признайся мне, Хава беременна уже? Я тебе предсказываю следующий ход: приезжают мужчины ее рода и говорят, что приговорили тебя, так как ты обесчестил их сестру. Единственный выход — жениться. Они остаются на свадьбу, приезжает ее старая мать и три сестры с детьми... может быть, и с детьми Хавы, со всеми, кто остался там жив. Вот почему, слушай, Вадик! Вот почему нам необходимо достать хоть из-под земли твоего деда! Если мы его сюда перевезем, ни одна собака не сунется. Они, родня Хавы, такого не поймут и не примут. Будут нос воротить. Это единственная надежда. Еще бы!

Пытается забить гвоздь.

Что, во-первых, с Рахилью? Во-вторых, есть реальная возможность заработать. Если бы ты еще как-нибудь обрезал эту доску. Я не знаю вообще, как подступиться. Пила наша в чулане, а он теперь почему-то закрыт непонятно как. Я решила все тебе рассказать. Я молчала, а ты молчишь всегда. Я даже не знаю, почему ты не ходишь никуда, на свою работу, например. А? Что-то произошло? Ну хорошо, молчишь, я понимаю, тебе тяжело со мной. Я продала следующую отцову работу буквально вчера. И у меня появилась надежда сделать отливку из очень хорошего синтетического с органикой материала. Вылитая человеческая кожа! И холодная. Как живая как у мертвого.

Стучит по гвоздю.

Это ты скажи Хаве, чтобы она помыла Рахилину кастрюльку, я не съем же эту Хаву, пусть выйдет и моет. Надо позвонить в те же морги и милицию, где Рахиль. Мы вполне, если вернем себе деда, вполне можем претендовать на комнату Рахили, в случае чего. Но ей уже 90 лет было! Не в том смысле, что ее уже нет, но ей уже должно было исполниться девяносто, то есть по факту будет девяносто один. План такой: мы возвращаем твоего деда, кладем его на раскладушку и широко объявляем — гений возвратился! Дочь и внук великого художника переселили его к себе, он вернулся наконец в свой дом. Не в тот, откуда его выселили, вынесли буквально, как отбросы, и сунули в какую-то яму гнить в неизвестности. Нет! Он вернулся к себе, где жил со своей настоящей женой, которая умерла уже... Анна Григорьевна. И пусть та, вторая женщина, к которой он ушел, пусть она даже порог этого дома не переступает! Как великий художник, и мы как семья великого художника, имеем право на еще площадь, на еще одну комнату. В связи с пропажей без вести Рахили, понятно? Такое заявление.

Лепит, обкладывает бумажками голову из пластилина.

Ну что. Они нам дают какие-то ориентиры, строение лица, гипертрофированные черты... но, говорит Лариса Петровна, это уже дело каждого, какое лицо получится. Первое время большие траты, к примеру, отливка в фарфоре, но вершина всего этого, если родные заказывают куколку ребенка. То

есть ребенок вырастает, а его изображение, понимаете, в виде фарфоровой куклы остается, причем в его собственных одеждах, и весь гардероб сохраняется, и можно переодевать. Такова идея! Это могут покупать: вы должны доказать, что можете делать копии лиц. С преувеличениями в сторону прекрасного. Ресницы и глаза тоже вам надо будет купить за свои деньги. И туловище сшить. Это целая большая проблема. Может быть, пока не надо заявлять о пропаже Рахили, а то ее племянница будет претендовать на ее комнату... но эта племянница, настоящая гадюка, когда Рахиль сломала руку, это я носила ей из магазина и готовила, а та даже нос не показала... Правда, ей семьдесят восемь лет, она мне тихо так сказала по телефону. Но увидишь, если она узнает, что Рахили нет, живо прискачет и начнет тут продажу комнаты.

Орудует молотком.

Нет. Я понимаю. Все ваши проблемы мне близки, но чужой человек дальше, чем свой, нас надо понять. Вадик, ты будешь вынужден жениться. Рождается ребенок... кстати, беременные должны гулять. Вадик! Внуши это ей. Она там без воздуха, без окна... писает в баночку, ест из помойки... если это не она еще убила эту несчастную Рахиль, чтобы переселиться в ее комнату... и теперь боится открыть дверь... выползает только, когда я ухожу. Вы с ней заодно? Да? Я вам мешаю? Вот погоди, она родит, и всё, я буду в ее власти, а кстати, может быть, она уже преждебеременная сюда приползла, и после родов все абсолют-

но из их рода переселятся сюда, у них теперь редко рождаются дети, все приедут. Ты готов, чтобы целое племя поселилось тут? Пойми, они уже одичали... варят на кострах... их мужчины убиты... их дети полны мести... их девушки мажут лица пеплом, чтобы их опять не изнасиловали... они ходят только всей семьей, чтобы такие же, как они, не захватили кого-нибудь из племени и не продали в рабство... но если это она убила Рахиль, то куда она ее девала? Недаром, ох недаром так воняет на кухне... я думаю, не напрасно она не моет ее кастрюлю, чтобы этот запах был оправдан... Вот я! Вот я, возьму и вымою! И тогда чем вы будете объяснять эти запахи? Вадик! Ты целиком и полностью под влиянием ее? Мы мягкотелые интеллигенты, мы с Рахилью не могли выгнать эту обугленную девушку, эту головню, эту актрису, которая со мной так виновато, так сокрушенно поздоровалась там на лестнице, что у меня сердце упало: не принесла ли она мне весть еще более жуткую, чем про отца... Тебя не было же дома... Я все могла предположить, как бедный дурачок скитается, забывши дом, имя и адрес, как его ловят, чтобы сдать на человеческие органы... Мало ли? Но все это были только мои обычные материнские мысли, которые сразу приходят мне в голову! Так: не пришел — значит, убили. Не дозвонилась — уже нет в живых.

Ожесточенно вбивает гвоздь.

Единственно: Вадик, где ты ночуешь последние три ночи! Лучше бы ничего не знать. О, прекрасные

покойные незнания. В этом смысле рай, откуда умершие могут за нами наблюдать,— это совсем не рай. Представить себе, как за меня там переживает мама! А как, интересно, она встретила там папу? Она ведь всё узнала на том свете, все наши с ним тайны. И что у мачехи моей две девочки-близнецы, их папа купал в ванне, все время хвастал друзьям, купаю своих натурщиц, а маме звонили другие жены, что девочкам по тринадцать-то лет! Вот мама хохотала перед уходом, утешилась-то! На этом фоне он создал свои лучшие ню, самые продажные, но все досталось мачехе. А кстати, умрет мачеха, с кем отец будет проводить вечность? В конце концов, все родственники и знакомые там окажутся и устроят себе неплохое повторение пройденного, причем без конца! Все друг другу припомнят всё. Но часть ведь окажется в аду! То есть, несомненно, большая часть. И там тоже, сидя в котлах с кипящей смолой, начнут друг друга обвинять с нездешней силой, преследовать стонами, криками и визгом, изводить, упрекать, ты виновата, что я здесь страдаю не хуже чем при жизни! Но из ада, судя по всему, они не смогут наблюдать за потомками на земле. И это в чем-то преимущество ада. Забвение! О, забвение! О, где взять забвение?

Лепит.

Самое главное, что ты не можешь знать, какое лицо выйдет у твоей куклы. Однако именно такую куклу и могут купить, неожиданную, Лариса Петровна засмеялась. Хотя закон рынка, говорит Лариса Пет-

ровна, гласит, что покупают то, что понравилось у соседа, то есть уже знакомое. Где хоть посмотреть этих соседей, что им понравилось? Где они, эти производители, смотрят? Не по домам же ходят? У прилавков караулят что берут? А я думаю, просто их вкусы совпадают со вкусами покупателей, причем надо, чтобы большинства. И это самая жуткая загадка для гениев, почему их не покупают при жизни. Твой дед очень злился.

Вадик, ты же понимаешь, что это нехорошо жить с пленницей за ту еду, которую ты ей даешь? У нее же безвыходное положение, она в твоей власти. И ты не заметишь, что сам окажешься в ее власти. Будешь ее караулить, чтобы она не ушла, будешь бояться ее потерять. Ты же один! Если говорить правду, ни одна девушка на тебя не взглянет. Бедный, плохо одетый, толстый, в очках... тихий, трусливый... неразвитый... И ум не показывает. Молчит. Ты все время молчишь! Не молчи! А? Нечего жаловаться. Член у тебя всегда был нормальный, с детства. Ты можешь быть отец, как твой отец, в любом состоянии и везде, где есть углубление. Как говорила моя мама.

Продолжает работать.

Никто не скажет столько гадостей, сколько говорит мать, потому что это продиктовано заботой, чтобы человек не верил другим, когда они будут льстить. Знай правду! Ты ни на что не годишься! Кто ты? Сидишь на шее у матери, она тебя кормит, поит, одевает, экономит. Занялась кукольным ремеслом,

оплатила курсы преподавателя, эту Ларису Петровну. Надо покупать теперь глаза, причем где взять старческие тусклые? Парик лысый опять же, ресницы светлые редкие короткие, швейную машинку, вату, ткани, кожу! Надо оплачивать отливку в фарфоре! Ты понимаешь? Но за одну куклу вдруг могут заплатить большие деньги! Я вот намастырюсь, сделаю уже настоящую куклу, продам, может быть, ее... выдам за работу своего отца... да. Картину-то его последнюю жалко продавать. Ты! Ты, не знаешь никаких забот! Всё на мне. Вот!

Торжественно показывает голову старика на доске. Кладет голову с доской на раскладушку, накладывает подушек, одеял, накрывает простынкой.

Осторожно! Это должно высохнуть. Родился новый человек! Я привезла отца с кладбища! Теперь комната Рахили переходит к нам. Мы никому не скажем. Папа! Как ты там замерз!

Укрывает его.

Как я тебя люблю и жду! Ты теперь мой. Когда ты от нас ушел, мама от горя плакала и умерла, и никто на свете не знал, что ты от меня ушел! Потому что я сразу же забеременела, как только он лег ко мне пьяный, возился, меня уговаривал, что мечтал об этом всю жизнь, что я не его дочь, а моя мать ему изменяла с натурщиками. А сам тащит с меня одеяло. А я только: папа-папа, что ты, папа, ты пьяный. Так было больно, пытки всю ночь. Не мог остановиться,

короткими очередями. А мама в это время лежала в больнице. А потом, когда через полгода стало видно, что я уже беременная, он запил, почти переселился в мастерскую. Я его понимаю, две смежные комнаты и жена орет матом и бьется головой о стенку! Что дочь изнасиловали и надо обращаться в милицию. Она же не знала, что я сама этого хотела! С самого детства любила его как своего мужа, а он все время ночевал в мастерской, люди звонят, а мама — звоните в мастерскую... Но все-таки из роддома меня встретил. Нес тебя на руках с такой любовью, он тебя назвал Адам, как первого на земле человека от себя рожденного, но не вынес. Мама заподозрила. Увидела, как я с тебя снимаю мокрые ботинки и целую грязные ноги. О, какой крик начался! Плач, бессонные ночи, то одна ревновала, то две смотрят, как он уходит. И ты родился не слишком здоровым. Врачиха даже говорила о недоразвитом мозге... Но все оказалось в норме. Даже слишком. Гениальные математические способности.

Посылает воздушный поцелуй своей работе.

Ну и ушел отец, весь мир кончился. Милый, дорогой папа! Теперь мне можно спокойно пойти в магазин, ты останешься и присмотришь за Вадиком... За Адиком твоим, ты его назвал, Адам. Он хороший мальчик, но совсем не хочет разговаривать с матерью... я тоже не хотела разговаривать с мамой, когда ты ушел к той женщине... я считала, что мама виновата в том, что ты ушел. Она сэкономила каждую копейку, и даже масло со сковородки, уже черное,

Голова отца, или Щаща

сливала в банку и жарила потом на нем... Она стеснялась своего туловища, своей толстой хоны, и потому всю жизнь ходила в рваном халате... Отец называл это «эка ее хона». Так его бабушка-большевичка говорила, это назывался «язык придворных». Отец говорил, шутливо так: «шле щащы цумы», то есть «все бабы дуры». Я его баба, его щаща, я его одна понимала! Папа! Никто не мог выжить с мамой, с ней, с твоей женой. Она восстанавливала против меня маленького Вадика! Я уходила на работу... она требовала, чтобы я сидела дома. Когда я спала, она посылала его, стукни маму по голове, чтобы она не спала, хватит ей. Папа! Как тяжело было без тебя! Но теперь ты с нами. Все муки кончились. Ты больше не засыпан землей. Ты под одеяльцем... Вадик! Погляди! Это твой любимый дедушка, твой праотец! Которого ты забыл, но теперь вспомнишь! Он будет с нами теперь. Поставим ему на ночь у кровати все, что ему надо: радио, стакан с водой, столик с газетой и лампой и ночной горшок. Зажем ему лампу. Папа! Наш Вадик женится, потому что приехала целая деревня, потому что он нарушил честь женщины или его обманули. Они поселятся тут. Они поставят стальную дверь на ту половину квартиры. Родится сын. Вадик уйдет за стальную дверь. А мы останемся с тобой. Не забудь: у тебя радио, лампа настольная, стакан с водой и газета, да, и ночной горшок, как полагалось всегда. Я позаботилась. Я одного тебя всю жизнь любила. Щаща больше всего не мужей любит, а отца, запомни. И своих детей, как сука, прислонить к животу. Щаща.

ОН В АРГЕНТИНЕ

Пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

НИНА, немолодая женщина.

ДИАНА, очень старая женщина.

ДИАНА сидит перед домиком у стола. На дереве прибит умывальник, под ним ведро. На столе чайник. Под стулом пустая литровая банка.

Появляется НИНА.

НИНА. Ну как? Как вы тут? Я приплыла. Что ели? Еда есть? Я вот принесла.

ДИАНА. Ах! А! Здравствуйте. Неожиданно как. Вы теперь сюда приплыли? Не скучно там было?

НИНА. Как вы, ладно, спрашиваю? Не скучно — это не то! У меня нет слов, одни буквы. Там — вообще.

ДИАНА. Вы приплыли, и уже хорошо. Тут все другое. Иной мир! Воздух! Поздравляю вас!

НИНА. Я спрашиваю, как вы! Еда есть?

ДИАНА. О, спасибо, есть. Вы просто мать Тереза. Обо всех заботитесь.

НИНА. И чего?

ДИАНА. Это была такая святая.

НИНА. Нет, чего вы тут?

ДИАНА. Вот сажу.

НИНА. Вижу, не стоите.

ДИАНА (*переспрашивает*). Что вы, простите?

НИНА. Глухня. Говорю, вижу, что сидите. Сама вижу.

ДИАНА. Сажу, как вы уже видите.

НИНА. Почему не варили? Вы не варили? Я принесла.

ДИАНА. Почему я не варила?

НИНА (*с ударением*). Я — спрашиваю — почему не варили. Вы не варили.

ДИАНА. Кое-что осталось ведь уже.

НИНА. От чего осталось?

ДИАНА. От вчера.

НИНА. Сегодня вечер!

ДИАНА. Ах вот как!

НИНА. А вчера было вчера.

ДИАНА. Вот как? В каком смысле, простите?

НИНА. Вот в каком. Вчера это было вчера, а сегодня вон уже вечер, я приплыла.

ДИАНА. Не расслышала, в каком в каком? То есть смысле в каком.

НИНА. В таком, тетеря! Что не ели вы.

ДИАНА. Ах, вот вы о чем. Не заботьтесь! Было-было, вы не беспокойтесь. Вы не всё знаете.

НИНА. И вчера у вас ни хера уже не было. Вот осталось от обеда (*кладет полиэтиленовый пакетик на стол*). Винегреда привезла. Наделаешь, наделаешь, настрогаешь целый тазик — не жрут ни хера.

Морды воротят, что эта, что те... А того нету третьи сутки вообще. Он у тех. Он им повезет весь мой тазик винограда, те слопают. А эти: «Ма, мы не будем это и это».

ДИАНА. Да? Мм. Эти и те. А того нету. Непонятно, но здорово.

НИНА. Вот и да! Вам привезла, вы у меня съедите. Я делала сама. Не собакам же выкидать.

ДИАНА. О, спасибо, я уже.

НИНА. Нет, вы еще не уже. Еще со вчера не емши. Я вижу.

ДИАНА. Успокойте себя. Вы не обо всем в курсе.

НИНА. Я? Че тут, в курсе, не в курсе, все видно. Вода в чайнике и то (*трогает*) холодная (*заглядывает в чайник*). И почти полный чайник. И не пила?

ДИАНА. Я?

НИНА. А кто, я, что ли.

ДИАНА. И пила, и все такое (*делает жест у ножек стула*). Не волнуйтесь.

НИНА. Че не волнуйтесь, мне потом расхлебывать ваше поведение.

ДИАНА. Не надо ничего расхлебывать!

НИНА. Надо! Пейте! (*Ищет чашку, находит под столом литровую банку, выплескивает из нее содержимое, наливает туда воду из чайника, сует Диане под нос.*)

ДИАНА (*отворачивается как может*). Нет, это не для этого банка! Нет! Что вы! Пре...прекра...прекратите! Ммм... Оо!

НИНА. Ну вот, попила. Рот-то был как пещера! Сухая пустыня!

Диана вытирает лицо платком, почти плачет.

И нечего было морду воротить! Как те! Сейчас еще попьешь у меня! И съешь винегред! Полная банка винегреда у меня, некуда девать! Специально везла, у меня еще есть.

ДИАНА. Боже мой, за что? Что я вам сделала? Зачем вы издеваетесь над старым, больным, беспомощным человеком! Я же брат твой! Вы постареете, захотите, чтобы вас так унижали? (*Тихо, опустив голову, объясняет.*) Это грязная специальная баночка!

НИНА (*смеется*). А! Ну понятно. А ничего. Это же твое было! А люди вон специально, просто нарочно, мочу тоже пьют, я по телику смотрела. Поссут утром и пьют утреннюю дойку! И ничего, потом идут и выступают по тэ вэ! А я козу дою, и мы пьем что у нее между ног течет! Здесь же природа, сельское хозяйство! Говно собираем тут по кустам и в бочку! По технологии! Ночное золото! Что же, оно сопреет — и через срок в картошку, в моркошку, в лук, и всё едим потом! И руки не моем! И всё!

ДИАНА. Боже мой, уйдите.

НИНА. Я?

ДИАНА. Да.

НИНА. Это мое тут, что ты здесь указываешь. Раскомандовалась с лишним! Все тут мое! Половина почти что острова моя.

ДИАНА. Вы сестра-хозяйка, вы тут главная, но вы не имеете надо мной власти. Этого вам не дано.

НИНА. Я тут директор. И все могу сделать!

ДИАНА. Что вы со мной можете сделать?

НИНА. Я? Да всё. Отвезти на берег и там высадить. На пристани. Всё! Наша база отдыха закрыта, понятно? Вам тут нечего сидеть голодать!

ИАНА. Я голодаю? Кто вам сказал?

НИНА. Я все знаю и все поняла. Как только приехала и увидела вас.

ИАНА. Не обо всем вы знаете, нет, о нет! Вы многого не знаете. Вы многого такого не знаете... Лучше вам не знать.

НИНА. Че?

ИАНА. Не надо вопросов.

НИНА. Загадки какие-то. Чего это я, интересно, не знаю?

ИАНА. Насчет моей еды.

НИНА (как бы обалдев). О! (Презрительно.) А! (Стонет.) О-о. (Кряхтит.) Оий. Да знаю я.

ИАНА. И о будущем вы не можете знать.

НИНА. И вы меня не пугайте! Будущим этим! Меня-то!

ИАНА. Помилуйте! Как можно! Каждый сам за себя, особенно тут. Да. Каждый сам себя пугает больше.

НИНА. Вот-вот! Вы это бросьте! Да я такие... Такие думы думаю... Мама мамы в сто лет... Одна подыхала, прости господи, в деревне. Всем же некогда! Тут внучка очнулась, сорок пять лет ей, надо совесть иметь, ее ведь к бабке увозили с пеленок, она там жила каждое лето, ну, был семейный совет, совет в Филях (ударение на «и»), такая картинка была в календаре, ну вот. Она, эта внучка, так головой махнула, ладно, я беру на себя, все согласны. Ну что, поехала, думала выгода будет, избушку ее продала, все

пропила, а пришлось брать бабушку к себе, взяла ее эта внучка типа вот как эта ваша мать Тереза, считала, что ненадолго, сунула за шкаф. Все уехали, лето было, думали друг на друга, думали внучка с ней, у которой она жила, а внучка эта... моего старшего брата дочь шалавая... алкоголичка вообще. Ей надоело за бабкой смотреть. Запила, пропала где-то, приехала через две недели... Рука на перевязи. Типа сломатая. В больнице лежала. Да дуру лепила, что рука. Это как оправдание. А бабка высохла вся, сидела как фараон египетский... На полу у кровати... Муми-ци...муми...фикци...

ДИАНА. Мумифицировалась?

НИНА. Ну. Пить-то не было что.

ДИАНА. Это фантастика. Да... Ве-ли-ко-лепно. Такой дар небес.

НИНА. Дар, блин! В гроб-то как сидячую ложить? Как?

ДИАНА. Я об этом даже и думать не желаю. Всему свой найдется выход. Да!

НИНА. За деньги и враскоряку положат. Только плати. Я заплатила, видали что! Я! А на хера мне это было нужно?

ДИАНА. А это уже, так сказать, мировой вопрос.

НИНА. Какой?

ДИАНА. Выходит, что действительно мать Тереза — это вы! Благослови вас Господь!

НИНА. Ну! (*Пауза.*) Я еду сюда, думаю, что увижу? Тоже сидеть будет скорюченная? Но! Слава тебе, Господи. Душенька моя, живая. Да я тебя сейчас живо в город перенесу на закорках до катера!

ДИАНА. Мама ваша переживала, что ее мама так закончила свои дни? Без воды?

НИНА. А что моя мама? Она все о себе горькие думы думает. Сама сейчас еле живая у брата плачет, а ко мне не хочет сюда ехать. Говорит, ты меня на воздух возьмешь, а на зиму они меня обратно с воздуха в квартиру не примут. На выход всегда пожалуйста, а вот на вход обратно в свою конуру — извините. Валька, ее невестка, не возьмет ее обратно, обрадуется. И ты меня, мама моя говорит, не поселишь у себя в квартире, к тебе нельзя будет. Да! Права моя мама! А куда ко мне, это не ко мне! Там я не решаю. Там дочь с внучками и этот наш знаменитый зять. У меня есть только диван в проходной комнате, где все толкуются. А у брата, где моя мама живет на кухне, вон невестка поперек себя шире сидит жрет. Я вожу сумками, сумками им! Едят, едят. Я маме вожу поесть, а наша невестка все стрескат.

ДИАНА. Еда — это очень опасная вещь. Вот ваша мама мамы... Это благодаря этому. Только этому. Не есть! Вы в меня вдохнули надежду!

НИНА. Че это? На что?

ДИАНА. На фантастический результат.

НИНА. На какой?

ДИАНА. Не скажу.

НИНА. Не скажет она. Нет, уже хватит с меня мумифи... Это, мумификации! А ну, ешь! Ешьте!

ДИАНА. Я же уже сказала, еда, как я опять убедилась из вашего рассказа, опасна и не нужна для результата.

НИНА (*та же игра, что и прежде*). О! А! О-о. Оий. Опасная еда ей. (*Пауза.*) Из какого моего рассказа?

ИАНА. О вашей маме мамы. О ее результате.

НИНА. Кого?

ИАНА. Мамы мамы вашей результат.

НИНА. А. А что я сказала такого? Мамы мамы какой результат, что?

ИАНА. Да! Не будем уточнять! Но вы вдохнули в меня надежду!

НИНА. Ничего я не вдохивала! О господи. Вы, скажите, ели, я уплывала?

ИАНА. О, разумеется!

НИНА. Что?

ИАНА. Ну кому это может быть интересно, еда.

НИНА. Вчера вы не варили.

ИАНА. Вчера? А что это было, вчера?

НИНА. Вчера я, сказано, уплывала.

ИАНА. Вот как! Вас не было! Я и не подозревала! Как странно!

НИНА. Вы не могли варить.

ИАНА. Я?

НИНА. Я газ отключила, кухню закрыла на замок, уплыла.

ИАНА. Ну разумеется! О чем вы говорите! Я же забыла, я варила перед тем! На три дня!

НИНА. Че ты варила, че ты варила!

ИАНА. Простите? Не расслышала.

НИНА. Я была тут, на усадьбе. Подкапывала себе картошек. И я следила за кухней. Тот день вы не варили. Голову так подниму — нет, не пришла.

ДИАНА. Вы ведь отходили? Отходили. Я быстро успела. Туда и сразу сюда.

НИНА. Куда, куда я отходила! Я сказала, картошек себе подкопала и всё, куда отходила. Пошла варить.

ДИАНА. В туалет вы что, не отходили?

НИНА. Я? Да я под яблони хожу, там прикапываю, ты что! Удобрение. Под сливы. И смотрю в сторону дома и кухни. Привычка.

ДИАНА. Вы руки мыть отходили.

НИНА. Руки? Руки мыть? О! *(Показывает руки.)* Я всю жизнь в воде болтаюсь! Руки мочу. Еще мыть их буду. Они мытые!

ДИАНА. Ну вы в дом заходили, обедали.

НИНА. Я на кухне из кастрюли стоя хлебаю. Время нет, время у меня нет! Так что скажите честно: нет, не варила.

ДИАНА. Наоборот, да!

НИНА. Что это еще «да»!

ДИАНА. Да! Да, я не варила. Вы поели и пошли из кухни в дом, не знаю зачем, я забежала в кухню тоже похлебала. Ваше.

НИНА. Да тьфу! Я как сварю, все выедаю доскребаю. Там нечего за мной хлебать. Сварю и сожру.

ДИАНА. Нет, я помню... Картошку съела. Вы отлучались, отлучались. Я быстро раз! И выловила картошку. Обжигаясь съела.

НИНА. А с чем были щи?

ДИАНА. Я видела только картошку. И выловила! Щей не ела.

НИНА. А не щи были! Не щи!

ДИАНА. Я и говорю, щей я не ела.

НИНА. А что было?

ДИАНА. Не упомню. Это же было когда... Позавчера. Память у меня, сами знаете.

НИНА. Память у ней! Такк. Сегодня вы ели?

ДИАНА. Варила, да. И съела, кастрюлю помыла.

НИНА. Я же газ отключала! Только сегодня включила!

ДИАНА. Вы приплыли когда?

НИНА. В три. Да, в три.

ДИАНА. И газ включили, кухню открыли?

НИНА. Ну да. Поросятам поставила картошек.

ДИАНА. Ну, вот я и вклинилась.

НИНА. Что вклинилась, когда это?

ДИАНА. Вы отперли кухню, так? И отошли. Ушли в дом.

НИНА. Ну.

ДИАНА. За это время я помчалась, успела подогреть.

НИНА. Да вы помчались... что вы помчались! Ползаете тут как черепашка какая-то.

ДИАНА. Я боялась, что вы опять все запретете, и вклинилась. О как я ела! Как мясорубка. Все вылизала. Так-то.

НИНА. Что это вы вылизали?

ДИАНА. Что у меня скипело.

НИНА. А что это у вас скипело?

ДИАНА. Суп. Супчик.

НИНА. Суп из чего?

ДИАНА. Ну, как вам сказать.

НИНА. Че было?

ДИАНА. Не хочу даже говорить. Совру.

НИНА. Та-ак. Своровала.

ДИАНА. В каком смысле?

НИНА. Ну, взяла у меня?

ДИАНА. Где?

НИНА. Отсыпала у меня? Картошку взяла?

ДИАНА. Да бог с вами, Ниночка. Бог с вами. Вот это нет.

НИНА. А тогда что вы варили? Я часто отхожу, я отойду, я же не запираю каждый раз. Не записываю веса. Я честная и все честные. А вот крупа манка! Манка в банке моя уменьшается.

ДИАНА. Нет, нет. Манка? Я такие вещи не употребляю. Манка. Куда там. Ненужная, вредная вещь! Все витамины, всё там разрушено!

НИНА. А докажите тогда, что вы варили?

ДИАНА. Ну ладно, так и быть. Та-ак... Что я варила. (Пауза.) Крапиву. Щи из крапивы.

НИНА. И манки туда. Манки сыпануть. Крапиву она ест! Крапиву с кашей манкой. И с картошкой.

ДИАНА. Нет, боже упаси. Мне хватает. Манну я не ем. У меня под кроватью осталось от Даши, от Кати, они уезжали, мне нанесли всего. Ну что вы, говорят мне, Диана Евгеньевна, мы это потащим поволокем с собой обратно? Эти крупы замшелые с весны? Оставили мне. Вон войдите, под кроватью пакеты. Греча, геркулес. Соль. Но соль я не употребляю.

НИНА. Почему это? Соль она не употребляет, ну надо же. Вредная она вам?

ДИАНА. Уже тридцать лет ни соли ни сахара.

НИНА. А вам сколько?

ДИАНА. Вы знаете, сто пятьдесят.

НИНА. По-нят-но. Паспорт покажите.

ДИАНА. Он у моих. У моих в городе.

НИНА. Так не годится.

ДИАНА. Оставила на всякий случай там.

НИНА. Это нельзя, вы понимаете? Паспорт. А что случится?

ДИАНА. А что может случиться?

НИНА. А мало ли... Что со всеми, то и с вами.

ДИАНА. Со всеми, знаете, разное случается. Вот вы, вы росли. Разве вы знали, что будете всесильным директором? Сестрой тут и хозяйкой всего?

НИНА. Ну и что? Че плохого?

ДИАНА. Наоборот! Вы что! А другие возьмем случаи? Кто окажется в Аргентине, кто вообще неожиданно в Кремле. По-разному происходит судьба.

НИНА. Расвакалась. В Кремле! В Аргентине! Я тоже не хуже всех. Хоть и живу на острове тут здесь.

ДИАНА. Вы лучше, лучше! Другие вообще в земле, но как мумии! А вы директор на свежем воздухе. Река. Чистый песок. Такой был прекрасный японский фильм, «Женщина в песках».

НИНА. Про мою жизнь можно снимать сериал, а не то что! Я еще вообще молчу! Что со мной было!

ДИАНА. Уважаю, уважаю.

НИНА. А мне оно по семечку, ваше уважение. Мне надо, чтобы вашего духу тут не было.

ДИАНА. Это случится, случится.

НИНА. Паспорт ваш в таком случае нужен. Только паспорт. Больше ничего от вас.

ДИАНА. Ну я вам верю, верю. Успокойтесь.

НИНА. Верит она! Вообще безобразие. Как я с трупом тут буду? Паспорт предъявите. Документик попрошу.

ДИАНА. Вы знаете, у меня заболевание нервной системы.

НИНА. Оно и видать.

ДИАНА. Я, знаете ли, с детства скрываю свой возраст. С восьми лет никому не говорю. Стыжусь. Всегда считала себя старухой. В восемь лет, представляете? Потому что у меня была двоюродная сестра младше. И я по сравнению с ней считала себя старой. Завидовала ей. Вот в чем дело! Почему-то никто своего возраста не скрывает, а я да. Я — да! Поэтому и паспорт свой я никому не показываю. Только отдел кадров театра знал, только она. Но она уже умерла, рано, кстати, в восемьдесят пять лет.

НИНА. А если что случится?

ДИАНА. С кем?

НИНА. С вами.

ДИАНА. Я вас поняла. Я вас поняла. Ну, если вы меня переживете, если! То пороетесь в моих вещах и обнаружите все что необходимо.

НИНА. Че? Да оно мне надо. Если переживете, надо же... Скажешь тоже. Думаешь, нет? Будешь жить вечно? У меня мама мамы, я говорила, на свежем воздухе тоже жила чуть не сто лет. В деревне. Одна с овцой и котом в избе. Потом мы обдумали, чего нам наследства ждать и чужой смерти желать, все равно ведь все будет наше. И дом продали, половину внучке этой шалавой, потом брату на ремонт машины, и мы холодильник еще один купили. А внучка

вообще все пропила. А ведь на воздухе бабке можно было и сто петьдесят лет прожить и всех пережить. В городе у меня суматоха: свет ночью, ванная, туалет, горячая вода, кино, гости, туда, сюда! Дети плачут, зять выступает. Дочь орет. А здесь у нас, как один тут пел на гитаре, ваше величество, в нашем лесничестве, кроме электричества, всё в большом количестве. Вода в цистерне, свет провели, спасибо... Да! Вот руки у меня как у лаптюшницы деревенской, черные... типа лопаты! Копаю, блин! Я специалист по образованию, техник-технолог пищевик! И вот с вами тут... Солю, мариную, запасую... От голода спасти всех. Как дура. Таскаю им банки полные, обратно пустые.

ДИАНА. Как пищевичке очень рекомендую вам крапивный супчик. Он содержит кремний. Кремний — элемент жизни. Знайте. Причем варить надо очень мало, чтобы витамины не разрушались. А вот крупами я почти не балуюсь. Там все разрушено крупорушкой. Нет оболочки! Берите мои крупы, отсыпайте. Все равно варить негде.

Нина застывает на месте.

НИНА (как бы обалдев). О! (Презрительно.) А! (Стонет.) О-о. (Кряхтит.) Оий. Ну это надо же! Ее крупы! Дина Евгеньевна! (Громко.) Всю крупу всегда мне, мне оставляют. Всегда и все. Так завелось. Уезжают и мне несут. Моя крупа тут вся! Знают, что у нас поросенок, я ращу. Так что это мое, мое, ваше все под кроватью. Ваше наше и наше наше, твое мое и мое мое.

ДИАНА. И масло подсолнечное мне оставили.

НИНА. Оставлять надо все мне! Сказано?

ДИАНА. Берите. Я его не употребляю. Никаких жиров. Дарю!

НИНА. Она мне дарит. Раскомандовалася с лишним. Порядок здесь есть, что все уезжают и под ключ оставляют в домиках мне. Это и так мое. Уехали, белье сдали с ключом. Я все проверяю, изымаю, убираюсь в домиках, все должна вынести, масло, крупу, банки. Один раз кофе оставили...

ДИАНА. Кофе я не пью.

НИНА. Кофе желудевое. Из желудей.

ДИАНА. А! Черт знает что туда суют под видом желудей. Желуди, их же надо еще найти, поехать в дубраву, собрать урожай там... Кто этим будет заниматься! Крестьяне все теперь пьют, им нагнуться лень. Так что на фабрике они под видом желудей суют химию, целлюлозу, поролон, полиэтилен. С запахом, с отдушкой, близкой к натуральной. Вы как пищевичка должны понимать.

НИНА. Это было когда... Позапрошлым летом. Еще Горюновы оставили мне целую трехлитровую банку маринованных опят. Не могли утащить, в лодку не влезло. А то ли сомневались... Ложные ли опята. Я невестке отвезла. Она сама всё сожрала, маме не дала, на что и был мой расчет. Все живы по сию пору. Мама мне по-тихому говорит, она даже, невестка, ночью вставала на кухню пришла, где мама якобы спит на раскладушке, и дососала из-под стола доставши всю банку со свистом. Ночью! Уксус весь выдула.

ДИАНА. Я уксуса не употребляю.

НИНА. А это почему еще? Я люблю маринованное, грибки, помидоры, огурчики. Сахар сыплю, уксус закладываю. Укроп, чеснок. Ммм!

ДИАНА. Не ем жирного, жареного, соленого, острого, уксуса, мяса и рыбы.

НИНА. Зачем?

ДИАНА. Что значит зачем?

НИНА. Ну зачем вам это?

ДИАНА. Что — это?

НИНА. Ну все это. Не есть.

ДИАНА. Чтобы сохранить сосуды.

НИНА. А зачем, к чему это ведет, сосуды? Никому ваши сосуды не интересны. Я понимаю я, я для дочери живу, для внучек. Они без меня не смогут. Живу для мамы, чтобы ее невестку кормить, чтобы она лопнула. А вам зачем сосуды? У вас ведь никого! Насколько я все знаю. Никакой там дочери!

ДИАНА. Ну, как сказать, это необходимо, чтобы память иметь.

НИНА. А зачем это вам? Память?

ДИАНА. Ну... как шутит моя подруга... Как шутила моя подруга Ксения Романова по кличке Потомок. Она внебрачная была прапраправнучка великого князя от горничной. Поймал он эту новую горничную... По легенде, ей было четырнадцать лет. Потомок шутила: наш лозунг — до победы на своих ногах и в своем разуме.

НИНА. До какой победы?

ДИАНА. Это просто так она выразилась. Пошутила.

НИНА. Ну что такое победа на своих ногах, что такое в разуме? Что?

ДИАНА. Ну... победа человека. На своих ногах и в своем разуме. Это тогда человек.

НИНА. Одна тут здесь жила у меня... Алла, оперная. Безрукая.

ДИАНА. Я ее помню. Она горела в кухне, упавши руками на горящие конфорки на газовую плиту. Трагедия. Потеря сознания. И сгорели руки...

НИНА. Да че там, она алкоголик. Ее любовник пристроил так на газовую плиту. Взволков, газ поджег и убежал. Отомстил. Она ему денег не давала. Он всем жаловался: типа на вот тебе рубль и ни в чем себе не отказывай. Так с ним обращалась, солистка хора была.

ДИАНА. Да что вы говорите?

НИНА. А то говорю! Руки ее положил в огонь и ушел. Она не очнулась. Дверь взломали, когда дым и чад от жареного пошел. Догадались, кто это сделал, но не доказали. И что? Жила тут у меня здесь, как инвалиду ей всегда путевку давали на наше усмотрение, понятно? Вот она ничего не готовила. Была на своих ногах и в своем разуме. Но без рук. Рот подставляла, налей (*показывает*). А-а-а-а-а. Ее кормили все. А она одно: налей. Аааа!

ДИАНА. Да, как птенец, открывала клюв, вы правы. Всюду где пили. Но она, вы должны быть в курсе, продолжала петь в хоре, ее в опере жалели, у нее опыт громадный, репертуар знает, а на пенсию было не прожить, тем более у нее дома всегда кабак, все собирались, весь хор и мой бывший муж Сусанин-бас при них, так ведь никаких денег не хватит на водку. Приходили все под предлогом Аллочке помочь. Ее на спектаклях в хоре ставили в задний

ряд, костюмеры набивали ей пустые рукава и перчатки поролоном. Я помню. Солистка хора. Это было горе.

НИНА. Умерла на своих ногах. На сцене. Рухнула прямо, говорили.

ДИАНА. Вы не всё знаете. Когда она упала, хор ее заслонил, кто-то сзади ей присел пульс щупал в процессе пения, а это была «Травиата», сцена на балу. Бал-маскарад. Широкие юбки так расправили и скопом стояли не шевелясь. Пока занавес не пошел, так и не двигались с места, одна с ней там сидела сзади хора, она тут тоже потом отдыхала и рассказывала, что голову ей держала, шею щупала, рук-то на ней, на Алле, не было, пульс проверять, и так находчиво она пела на мотив «Травиаты»: «Пульса нету, пульса нету, умерла, не уходите». Они и стояли стеной, уже их сцена кончилась, они молчат как идиоты, но стоят, их там уже не должно было быть, помреж орала из-за кулис, они нет, так молча и выстояли. Еще было бы хуже, они уходят, тут сцена Виолетты, дуэт, а на полу труп лежит не дышит, и руки как веревочки тонкие скручены. Искусственные руки-то! Зрители бы вообще с мест повскакали, чтоб рассмотреть. Ох, что пережил хор!

НИНА. Да, вот это судьба, не болела не болела — и раз! Окочурилася.

ДИАНА. Уйти на сцене, мм! Да! Это счастье актера, доработать до победы. Умереть на малой сцене — позор. А на большой — это победа!

НИНА. Какая это победа?

ДИАНА. Но к этому счастью, к нему надо многое присовокупить. Чтобы до победы со своими руками,

разумеется. На своих ногах, в своем разуме. И память! Да, еще возможность себя обслуживать, ни на ком не висеть обузой.

НИНА. Вот я и сомневаюсь. Себя вы обслуживаете?

ДИАНА. О да, прекрасное дитя, о да. Но главное — я на своих ногах и в своем разуме.

НИНА. Зачем, зачем все это?

ДИАНА. Как зачем?

НИНА. Вот вы. Вы в своем разуме?

ДИАНА. Надеюсь. Да, надеюсь что да.

НИНА. Вы! В своем разуме?

ДИАНА. Надеюсь.

НИНА. Так считаешь?

ДИАНА. Господи, да что с вами?

НИНА. Дура, что ли? Дура совсем, да? В разуме она.

ДИАНА. Простите, но я вас не понимаю.

НИНА. Прекрасно понимаешь!

ДИАНА. Я не отрицаю. Я все прекрасно понимаю.

НИНА. Но меня вы не обдурите! Нет!

ДИАНА. Зачем мне это, вас обдуривать, бог с вами.

НИНА. Ела она. Ела она крапиву. Не ели вы ниче!

ДИАНА. Моя дорогая Ниночка. Что вы шумите? Человек имеет право на все то, что не мешает остальным и их никак не касается.

НИНА. Касается, меня касается и мешает. Очень даже касается! Я вот как сейчас возьму и запихаю вам в рот винограда!

ДИАНА. Бог с вами, у меня зубов нет на винегрет. И потом, там же огурцы маринованные! Таких ужасов я не ем. Я сыта, благодарю вас.

НИНА. Вот у меня мать мужа дочери. Моя дочь, ее мать мужа моей дочери, так? Понимаете?

ДИАНА. Повторите. Я поняла, но не полностью. Что-то выпало из смысла.

НИНА. Моя дочь вышла за этого доходягу, а это доходягина мать! Ясно?

ДИАНА. Доходягина мать?

НИНА (*как бы обалдев*). О! (*Презрительно.*) А! (*Стонет.*) О-о. (*Кряхтит.*) Оий. Ну эта, мать мужа моей дочери! Она этого мужа родила непонятно вообще как. В сорок пять лет. Я в сорок пять уже мыться перестала. А она родила этого мужа!

ДИАНА. Родила мужа?

НИНА. Да! Родила мужа моей дочери! Поняли?

ДИАНА. Родила мужа. Помнится, вы в общих чертах уже мне это обрисовывали. Дня три тому назад. Я еще тогда тоже не совсем вас поняла.

НИНА. Да? Ну так слушайте. Родила его в старости. После чего мать этого мужа живет, хворает, така больна, така больна, но и не помирает десять, двадцать, тридцать лет. Две дочери уже были у нее еще до и окромя сына.

ДИАНА. Что значит еще до и окромя?

НИНА (*орет*). То! Она их родила до! Помимо него!

ДИАНА. Родила помимо него, понятно. До и помимо. Окромя. Это мы запоминаем. Один в уме.

НИНА. Два! Две вообще! Дочери помимо его. Ну так вот. Теперь! Старшая дочь за матерью больной

ходила, выросла старая, померла, теперь вторая дочь подключается ухаживать... И сын этой матери, муж моей дочери, туда же идет.

ДИАНА. Погодите. Сын этой матери... Какой сын?

НИНА (*орет*). Зять! Зять мой! Ну?

ДИАНА. Ах вот оно что. Ваш зять.

НИНА. Звонят, что ты обязан к нам идти, они ему дозваниваются, на него орут в два горла. Его мать и сестра, ей вообще за пятьдесят... Поняла что?

ДИАНА. Я вас понимаю теперь очень хорошо. За пятьдесят ей. Кому?

НИНА. Кому-кому, сестры! Ей пятьдесят. Зовут его туда переселяться к матери и к сестры. У матери и сестре жить. А я же его же кормлю! А он мне тоже должен же помочь, бочки там с соляжкой в лодку и из лодки! Я одна валяю эти бочки по сорок литров, у мене уже внутренние там органы опустились, не могу к врачу сходить проверить, что там, так? А сменить прокладку у крана, а то, а се?.. Орудую гаечными ключами! Вся в масле и пеньке! Соляжкой этой буквально ссу!

ДИАНА. Боже, боже! Что вы! Соляжкой ссыте, пардон? Какой, понимаете ли, кошмар!

НИНА. Ну, это поют: полюбила комбайнера, комбайнеру я дала. Две недели сиськи мыла и соляжкой ссала.

ДИАНА. Жизненная песня. У нас в театре служил водитель, тоже был интересный мужчина. Рук не мыл, потому что чего мыть, вымоет и опять пачкать. А уж про ноги я не говорю...

НИНА (*с интересом*). Да-а?

ДИАНА. Костюмерши девушки мне рассказывали, смеялись до упаду, знали предмет.

НИНА. Вот такие дела на театре.

ДИАНА (*переключаясь на другую тему*). Но вы, вы же преступница!

НИНА. Че?

ДИАНА. Вы себя не жалеете!

НИНА. Да? А вот картошка, кому рассказать, ее надоть всю выкопать и чтобы высохла, потом в подвал сложить песком укрыть, а то без меня всё сделают и увезут, арапы тут вокруг на моторках орудуют плавают... Я же дочке всё! А он, муж ее, ребенок поздний, сбоку присосался и тоже мое жрет. Его же они ведь, жена и дочки. Хорошо, ешьте и живите. Нет! Его дергают к этой матери. Он и ей, сестры своей, возит мою картошку, моркошку. А с какого перепою? Самому уже за тридцать. Так. Слушайте дальше. Та дочь скончалась, эта заболела. Опять идет время.

ДИАНА. Какая, чья дочь скончалась? Ужас какой.

НИНА. Ну, матери мужа дочь!

ДИАНА. Матери мужа чья дочь?

НИНА. То есть сестра мужа дочки моей. Дочь этой свашни.

ДИАНА. Свашни?

НИНА (*теряя терпение*). Свашни моей!

ДИАНА. А что с ними со всеми было?

НИНА (*орет*). С кем?

ДИАНА. Вы сказали, дочь скончалась. Это трагедия, я понимаю. Что-то произошло? От чего?

НИНА. Та, первая дочь этой моей свашни, я не знаю, хер знает, от чего она умерла! От старости!

Вторая дочь кричит, я одна мать не потяну, ты обязан. Мать у них больше центнера весит. У меня поросенка я выкармливаю, и то столько не тянет. А то, эта сестра кричит, я тоже умру таская мамашу, она останется на тебе.

ДИАНА. Сестра чья, я потеряла нить?

НИНА (*машет рукой*). Эта. Живая.

ДИАНА. Живая, прекрасно. Но кто?

НИНА. Сейчас поймешь. И все норовит эта, которая еще живая, сестра его, устроиться лечь в больницу, заболеть, чтобы он у матери поселился как следует. Она одна, сама незамужняя, и она не выдерживает и злится, что у ее брата семья. Легла в больницу, опять моего зятя ташут к этой матери.

ДИАНА. Да, я вас понимаю. Как тяжело с больным человеком! Вот у меня муж был, бас, Сусанина пел. Помните? Ты взойди, моя заря.

НИНА. Не, не помню.

ДИАНА. Ну Петров, он тоже тут у вас отдыхал.

НИНА. Из каких это Петров?

ДИАНА. Из оперных.

НИНА. Был из оперных Петров Николай Гербертович, был Иван Иванович.

ДИАНА. Вот-вот. Он. Потомственный алкоголик. Иван по кличке Сусанин. Солист хора. Мечтал о роли.

НИНА. Ну, басы, они все такие. А Петров был вам не муж. Я же помню. Да они все тут... Мужья-друзья.

ДИАНА. Да. Выбирать не приходилось. Он был да, мне гражданский муж.

НИНА. Ну и вот. Она, эта зятя мать...

ДИАНА. Какая зятя мать?

НИНА. Мать зятя, короче.

ДИАНА. Мать зятя? А, понятно. Но какого зятя? Я сбилась слегка.

НИНА. Моего! Моего зятя!

ДИАНА. Так бы и сказали.

НИНА. Ну. Моего зятя. И она тоже, это, переборчивая: то я не ем, вроде вас, воду в бутылках пьет только свежую, откупорит, глоток выплюнет, всё. Горькое для нее. А деньги-то! Все денег стоит.

ДИАНА. Не правда ли? Все, все денег стоит. А у меня пенсия копится там на сберкнижке.

НИНА (*смотрит на Диану как бы новым взглядом*). Да? И ну?

ДИАНА. Продолжайте, вот мать этого мужа, и что?

НИНА. Что! Ей надо каждый день варить новое, вчерашнего не выносит! Зять чуть что туда переселится. Вот зачем это мне такой муж моей дочери? Сестра эта его оставшаяся пока что в живых, сидит в больнице злая как черт... Думаю, хоть бы ты пожила подольше... Врачу послала банку смородины трехлитровую.

ДИАНА. Сколько жить — это уже как судьба. Это рок.

НИНА. Ну да, это рок судьбы. Всех эта мать переживет, что толку-то? Кто за ней будет ходить, вот как вы всех пережили. Что толку-то? В своем уме, не в своем, чего хорошего?

ДИАНА. А вот вам тоже пример. У моей знакомой зять разошедшийся. Разошлись давно. Они выгнали этого зятя, он такое устроил: у них маленький ребе-

нок, а пеленка грязная высохла, то есть жена молодая вовремя не постирала. Он взял ножницы и с таким холодным бешенством выстриг, понимаете, это пятно на пеленке. Испугались этих ножниц родители жены. Стрижет, стрижет так ножницами, а сам смотрит бешено. Мало ли что, подумали, он потом еще что пострижет! А это была их квартира, родителей. Его и попросили вон. Проходит время. Много лет. У дочери уже давно другая семья. А он, бывший зять, через кого-то дальнего передает весточку, что умирает от рака, выписали домой умирать. Ну и что? Никто из них к нему не пошел. И его родной сын в том числе. И этот бывший муж, он больше никого, видно, не звал. Открыли квартиру, он иссох весь. Воды не мог встать налить себе. Сам умер. Мумифицировался. Никого не затруднил.

НИНА. Ну и что это за пример?

ДИАНА. Мужественно мумифицировался. Есть над чем поразмыслить.

НИНА. Вот у вас дети есть?

ДИАНА. Да какая теперь разница, кому это интересно.

НИНА. Нет, вы скажите.

ДИАНА. У вас ведь дочь?

НИНА. Я вас! Вас спрашиваю.

ДИАНА. У вас дочь? Я ее видела, красивая. Рыженькая, кудрявая красавица.

НИНА. Толку-то! Рыжая, а вся семья на ней. Ее этот муж то и дело покидает, при своей мамаше чуть что ошивается. Та старая его сестра, она то-другое лечит, то она в больнице, то в санатории. Больная — притворная с лишним.

ДИАНА. А сколько лет вашей дочери?

НИНА. Да двадцать девять уже.

ДИАНА. По виду совсем юная.

НИНА. Нет, старая. Уже двадцать девять. Две дочки у ней. Вот у вас внуки есть?

ДИАНА. Да! Я же видела маленьких девочек рыженьких, они летом жили у вас в гостях. Такие славные! Как их зовут?

НИНА. Нет, вот вы скажите мне, у вас внуки есть?

ДИАНА. Это счастье, внуки. На вас смотрю и радуюсь.

НИНА. Счастье. Счастье! А толку-то. Зять при своей той семье. Ничем мне не помогает, как разведенный. Там сестра его скандалит. Смотрит на его детей и в уме они подсчитывают с той бабкой, что первая девочка не его! Почему типа обе рыжие?

ДИАНА. Да... Такие очаровательные мордочки, большие глазищи.

НИНА. Вот эта сестра нашего мужа смотрит, зырит настырно так, усмешки строит и говорит: все правильно, все верно, ребеночек рыжий, не наш. Подначивают этого мужа уйти.

ДИАНА. О! За мужчин думает их мать.

НИНА. Вот именно что, и сестра! Свой разум пропил. И кто он после того? На лодочной станции лодки выдает. Но это же только до сейчас, до осени! А зимой тоже детям жрать хочется! Вот я его и кормлю, зачем сама не знаю. На зиму хоть бы, как раньше, пожарником устроился на автобазу сутки через трое. Двое суток дома сериалы смотрит, одни сутки там пожарником спит. Но на автобазе к осени уже

занято было все. Он лодки любит, ради того ушел на лето. Лодки полюбил я, водную гладь, там, где лодки плавают, там благодать, поэт сраный. Сам сочинил. Дочь мне показывала листок. Что он не такой как все.

ДИАНА. Вы добрячка, вы хотите всех накормить, благое дело. Вас вспомнят.

НИНА. А! Зачем мне это будет! Я тут вообще, все время сейчас к ним плавала с ведрами помоев, пока последние артисты жили тут. Дочь на участке моего поросенка держит, я ей отдала. И кур. А то не уследишь, приплывут архаровцы и увезут всё. Опасно с лишним. А дома свинью держать не будешь даже в ванной, дети ее не дадут забить. Привыкнут. Поросянок — он же как человек. Придешь к нему, он на ножки так встанет, об загородку обопрется, смотрит, выражение прям человеческое... От зятя моего такого не дождешься (*показывает*).

ДИАНА. У них, у кошек, у собак, мордочки гораздо симпатичнее! И слушают внимательно всегда, что ты им говоришь!

НИНА. Вот да. Все ему расскажешь, поплачешь... А потом и мясо в рот не лезет...

ДИАНА. Я мяса не ем принципиально. Братьев наших меньших!

НИНА. А что делать. Сейчас мои помои кончились, всё. От вас отходов нету. Да...

ДИАНА. Да...

НИНА. Как я его смерть перенесу, не знаю.

ДИАНА. Все мы под Богом ходим... Молитесь. (*Всполошившись.*) Чью смерть?

НИНА. Борова кладеного этого.

ДИАНА. Вы меня испугали.

НИНА. Зять не хочет поросенка резать, говорит, чего мараться. Это он завсегда ломается. Но придется его прирезать, а то похудеет с лишним.

ДИАНА (*осторожно*). Кто, пардон? Зять опять? Похудеет?

НИНА (*орет*). Поросенок! Сентябрь! От вас отходов нету!

ДИАНА (*быстро*). Сентябрь уж наступил, уж роща отряхает... Последние листы с нагих своих ветвей...

Пауза.

НИНА. Вот как я люблю, когда вы стихи читаете!

ДИАНА. У меня тоже два петуха жили дома. Дочке маленькой та бабка в деревне подарила цыплят. Дочка их кормила, тряслась над ними, кормила и выкормила на природе, два петуха здоровенных. Жалела. Петя и почему-то Игорек. Приехали с дачи с ними в город после лета. Ночь на дворе, а эти у нас на балконе глаза продрали и орут! Зарю встречают. Мы прямо на весь микрорайон сразу прославились. Делегации приходили, кулаками махали. Муж их в деревню отправил, к той обратно бабушке. Думал, мать хоть куриного супу поест от души, нет, она трехлитровую банку курятины закатала и обратно привезла. И жила у нас под это дело всю зиму... Да.

НИНА. А что в деревне, скучно!

ДИАНА. Я рада была, она с дочкой, и покормит, и уложит. Мы с мужем в театре. Играли много. Мы были дружная пара. Он Отелло, я Эмилия...

НИНА. Дездемону-то играть была ты старая с лишним... Ты старше была, чем Отелло.

ДИАНА. О! Откуда такие новости? Кто сказал?

НИНА. Да... Это ваши тут баяли. Я слушаю, а че.

ДИАНА. Театр, серпентарий. Клубок змей то есть.

НИНА. А тут, на острове и вокруг, не клубок? Что ни двор, то Гомор, что ни дом, то Содом.

ДИАНА. Люди! Человеческое, слишком человеческое.

НИНА. Тут вообще вокруг на моторках ездют, смотрят, где что взять. Уеду на полдня, всё увезут. Стекла, рамы, умывальники. Трубы сдадут в металллом, алкаши. Провода срежут. Картошки выкопают.

ДИАНА. Я послежу.

НИНА. Последит она! Вы же не догоните. Вы же не ходите вообще!

ДИАНА. Сентябрь уж наступил...

НИНА. Ну.

ДИАНА. Распалась связь времен...

НИНА. Когда ваш концерт тут устраивали, потом на кухне мне сказали, что жаль, Нина Ивановна, вас не было. Я с помоями уплыла, потому что знала, что потом будет банкет и людям некуда будет выкидать отходы.

ДИАНА. Да, так трогательно, все собрались. Юбилей, так сказать.

НИНА. И сколько вам, сколько исполнялось, вот скажите?

ДИАНА. Да я уже сказала, сто пятьдесят. Даже Григорий Петрович с супругой приплыл.

НИНА. Он это ко внучке. Вот его внучка — это... (Хекает.) Не могу даже сказать при женщине.

ДИАНА. Вы можете быть со мной совершенно откровенной, Ниночка. Я никогда никому не скажу. Все говорят мне, а я молчу. О нашем председателе, Григории Петровиче, ни слова, ни звука! А рассказывали многое.

НИНА. Григорий Петрович святой мужчина, так ему и передайте, если когда-нибудь его увидите. Как он об вас хлопотал!

ДИАНА. Вы считаете?

НИНА. А вы что, не знали?

ДИАНА. Ну никаких совершенно сведений.

НИНА. Перед своим последним уходом.

ДИАНА. Он что... тоже? (Крестится.)

НИНА. Он уехал в отпуск, потом он ляжет в больницу, потом в санаторий на два срока... Как всегда в сентябре. Как он председатель наш.

ДИАНА. Ах вот оно что... Вон как... Слава богу.

НИНА. Богу слава, а мне-то что? Теперь вот я одна с вами тут возжаюсь. На мне всё, даже с лишним. Зачем? Почему? Воду включаю, свет расходую, на лодке туда-сюда мотаюсь. Зачем? Картошку выкопаю, всё ведь! Уехала! А тут вы сидите как пень. Вы куда потом?

ДИАНА. Но я же не знала, что Григорий Петрович до весны ушел!

НИНА. Теперь знайте. Он вообще собрался на пенсию. С декабря приходит новое руководство.

ДИАНА. Кто?

НИНА. Кого-то присылают с Удмурдии.

ДИАНА. Я спокойна, я совершенно спокойна.

НИНА. Надо мне всё, отключать воду и электричество. Придется уж.

ИАНА. Воду я могу брать из реки... ведро есть.

НИНА. Ведра нет, ваше это — мое.

ИАНА. Но у меня есть пятилитровая канистра пластмассовая. А?

НИНА. В ней не вскипятишь воду-то.

ИАНА. О. Ничего! Принести воду — это главное. У меня есть консервы, банка фасоли. Полкило. Это то, что я сама сюда привезла.

НИНА. Не докажете.

ИАНА. И не надо, тут не суд и не следствие. Я фасоль употреблю в дело. А в этой баночке из-под нее буду кипятить чай! Спички есть. Три коробка мне оставили.

НИНА. Мне оставили!

ИАНА. Я вам отсыплю. Свечки даже есть. С именинного моего торта.

НИНА. Это зачем?

ИАНА. Ночью-то... Свечку зажжешь... Сухого хвороста собрать... Костер развести... Греться...

НИНА. Зачем. Дожди пойдут. Обещались. Никакого костра вы мне тут не разводите. Да я ваш домик заколочу. Не беспокойтесь.

ИАНА. Да! Отговорила роща золотая... Березовым веселым языком. И журавли, уныло пролетая... Так сказать...

НИНА. Ну я прям не знаю, что бы для вас сделала. Вы так стихи читаете!

ИАНА. Я народная артистка.

НИНА. А Глебову вы знали?

ИАНА. Она у меня училась.

НИНА. А Ермолову?

ДИАНА. Смотря какую. Машу знала.

НИНА. Она еще в сериале снималась... До вас тут жила со своим бойфрендом, у них гражданский брак. А у бойфренда этого оказалась тоже жена с сыном, приезжала, устроила мордобой. Я подошла на грохот, она стучит к ним в дверь, в руке ножик такой столовый, тупой. Берет камень, хочет разбить мне окно ихнее.

ДИАНА. Мне рассказывали.

НИНА. Я ей говорю, что хотите, но портить имущество не дам. Громко говорю так, звоните кто-нибудь в милицию. Пусть плывут сюда, на хулиганство. Я не дам вам стекла бить и дверь выламывать. Это пустой домик. Отсюда вчера выехали. Она кричит, да откройте же. Они там, она кричит, я слышу, затаились. Она слышит, как они затаились, видали? А я ей: ты тут никто распоряжаться! Я ей тихо так говорю, а она меня ударила ногой, почти что, так замахнулась. Я: я директор, все свидетели, она мне ногой угрожала. Она: ёханный ты директор. Говорю: все, кто слышал, будете свидетелями. Мордобой и оскорбления. Все по домикам попрятались. Заперлись.

ДИАНА. В тяжелые моменты никого не дозовешься, вы правы.

НИНА. Стекла бить вам не дам, говорю ей тихо, мне потом как вставлять, с имуществом возиться. Мальчика своего постыдились бы. Ребенка зачем вы привезли позорить? Он вам не простит. Она ему кричит — кричи: «Папа, открой немедленно, маму бьют». Кто тебя ударил-то, зараза! Руки марать. Она

опять — кричи: «Папа, открой, у мамы плохо с сердцем!» Артистка. Покричала, ей валидола принесли, воды, они сели на лавочку, вечером уплыли. А эти насиделись вдвоем в домике, пять часов ни в туалет, никуда. После этого они друг дружке опротивели, разошлись совсем. Но и домой он к той жене не вернулся, нашел третью бабу.

ДИАНА. Как это жизненно.

НИНА. Жизненно не то слово! Скотство одно. Тут, господи помилуй, живешь, всего нагладишься. Внучка самого Григория Петровича. Я ему так и не сказала. Бандитов каких-то привезла, два домика заняла. А люди за путевками давятся, с января подают заявления.

ДИАНА. Да, тут чудесно! Такой дивный остров... Белый песочек, чисто... Река... Закаты...

НИНА. Вы вот заметили, какая чистота. Я весь мусор сжигаю, все по кустам собираю ихнее. И по новейшей технологии, в железную бочку и оставляю на две недели. И прикапываю! Ночное золото называется. И с огорода мы всю зиму живем! Я триста шестьдесят восемь банок закатываю! Имея в виду и сноху и этого зятиса с его сестрой и матерью. Но где это хранить! Сегодня весной десять последних банок того года украли из погреба.

ДИАНА. Пока что я присмотрю, пока я тут. Не волнуйтесь.

НИНА. Да я скоро все перетаскаю к себе. Горе в чем: мои банки зять любит взять. Они там гостей зовут и всё буквально сметают! И банки выкидает в мусорку! Мои банки!

ДИАНА. Как говорил мой теперь уже давно покойный первый свекор, у меня он мудрейший был мужчина. Хотя потомственный алкоголик. Дети, он сказал, заглядывают к родителям как в холодильник, только когда нужно что-нибудь взять. С выражением говорил. Когда мы с мужем к ним приходили поесть. Студенты были.

НИНА. Да! А зачем я живу? Я холодильник! Всё только для них, всё только ради них! Я тут и директор, и уборщица, и дворник, и сторож! И сестра-хозяйка! Хотя платят мне только как сестре-хозяйке, что я ответственная за имущество. Смена за сменой, домики трещат, артисты пьют, по кустам гадят, в уборную им тащиться далеко, а я знай убирай... Ментов вызывай...

ДИАНА. Я давно хотела вам что-то сказать. Не обидитесь — вот так, прямо в глаза. Нет?

НИНА. Я? Да говорите. Меня не испугаешь. Я такое (*хекает*) выслушиваю...

ДИАНА. Вы редкий, редчайший человек, Нина Ивановна. Когда я смотрю на вас, я думаю: вот готовый директор театра!

НИНА. Ни за что! (*Хекает.*)

ДИАНА. У нас в драме был директор. Редкостный человек, удивительная личность, невероятная по силе скотина, вор и доносчик. Всё знал обо всех. Бегал стучал в контору, не буду вам говорить, что скрывается под этим термином.

НИНА. А то я не театральный человек!

ДИАНА. Поэтому он ничего не боялся. Провокатор был. В самые лихие времена политические анекдоты рассказывал всем и смотрел: как реагируют?

И кто стукнет? Тогда за недоносительство тоже сажали. Каждый год у него ремонт театра, каждый год новая машина. При нем резко выросла посещаемость театра. Как-то он умел с военными частями договариваться. Наш главный, Антон Зиновьевич, наш гений режиссер, упросил в управлении его заменить. И ему предложили этого Швандю.

НИНА. У меня отдыхали Шванди. Три человека.

ДИАНА. Псевдоним это, я думаю. Из известной пьесы. Не его фамилия. Я этого человека знала. Он другой.

НИНА. Нет, это были Шванди по паспортам. Два Шванди и она Гуревич. Из оперетты он администратор, жена его Гуревич из филармонии... И их сын.

ДИАНА. Да, да, я помню.

НИНА. Нет, вас не было. Приехали. Откуда вы можете помнить?

ДИАНА. Я все помню, давно живу.

НИНА. А сын у них вило... это, виолончелист, привез свою бандуру, репетировать ему надо. А у нас ничего не приспособлено для этого, люди отдыхают же, даже певицы молчат! Такое правило. Иногда случайно за картами заведет кто-нибудь «Благословляю вас, леса». Но сразу замолкает. Ну вот, этот сын Швандя вило... Ну это.

ДИАНА. Да, да. Я поняла. Виолончелист.

НИНА. Он обещал, ничего не будет вам слышно, все его окружили сразу же, как он сошел с катера, с гулянки, со своей бандурой. Такие правила, извините... Играть вы тут не будете. Тут и скрипачи отдыхают молчат. Ну и вот, он стал уходить репетировать в кусты на тот конец острова, а там тоже

люди сидят отдыхают, звук попадал к газовикам в пансионат, они на него с лопатой пошли, да и нам на территории все равно все слышно было. Это как поросенок визжит! Как ножом по стеклу. Новая, кричал, музыка. Стал брать лодку, уплывал. Рыба вообще вся ушла. Наши рыбаки вернулись пустые, пошли к нему в пять утра, но Шванди им домик не открыли.

ДИАНА. Ну вот, слушайте, откуда я этого Швандю знаю! Это же нашего театра директор бывший. Взял наш гений режиссуры Антон Зиновьевич этого нового, этого Швандю, присланного директора, и поехали они на гастроли. Там что оказалось? Посещаемость театра была семь человек за вечер! Ну ничего человек не мог этот Швандя. Не умел с военными частями найти контакт. Ну, его и попросили вон! Потом все ушли в отпуск. Возвращаются — опять наш старый директор на месте, тот, вор. Пришел на сбор труппы в иудин день, хлопочет чего-то, шныряет всюду. Оказалось, что покойный Антон Зиновьевич побегал в управление и упросил вернуть ему его вора и доносчика. Это же театр. Зал надо каждый день заполнять! Любыми способами!

НИНА. Мне рассказали про этого Швандю. Он-то по паспорту был Гуревич, но сменил фамилию на Швандю, а жена его, русская женщина, не захотела быть Швандей.

ДИАНА. Я ее понимаю. Эльвира Швандя, это что?

НИНА. Ну! И осталась Гуревич по мужу. Сыну было все равно, отец его перекантовал на Швандю.

А потом, мне сказали, они обратно поменялись на Гуревичей и уехали в Канаду.

ДИАНА. Ах вот оно как!

НИНА. Так что я сейчас вам дам винегреда.

ДИАНА. Я сыта, помилуйте.

НИНА. И втолкну в глотку, если жрать не будешь.

ДИАНА. А вот тогда я действительно и вне всяких сомнений у вас тут окочурюсь. От удушья. Прекрасный конец! Ни больниц, ни консилиумов. Сразу как Дездемона. И вас обвинят как Отелло.

НИНА. О. А я тебя в лодочку да и в реку.

ДИАНА. Вас снимут с работы.

НИНА. Да никто не хватится!

ДИАНА. Все прекрасно хватятся. Они в театре знают всё. Когда меня поймают, то есть выловят ниже по течению, то выяснится, что я оказалась в реке уже мертвая. Следователи разрежут и поймут. А как мертвая может утонуть?

НИНА. Легко!

ДИАНА. Как мертвая в реку кинется? Нет. Только если этот труп бросят в воду. Тогда встанет вопрос, кто это сделал. Все знают, что на острове были только вы и я. И подозрение падет на вас. А в театральном союзе есть уже кандидатура сюда.

НИНА. Кто?

ДИАНА. Я сказать вам этого не смогу, я вас обману. Боюсь обмануть. Но молодая.

НИНА. Да кто сюда пойдет!

ДИАНА. Есть план построить тут большое здание. Нужны будут другие люди другого плана. С образованием вроде бы.

НИНА. Да за меня будет Никодимова! Я ей гуся отвезла! Пять банок маринованных огурчиков!

ДИАНА. Никодимова? Это кто?

НИНА. Тебе не надо знать.

ДИАНА. В союзе театральном таких нет уже.

НИНА. А! С тобой говорить. Я тебе к ногам привяжу камень. Никто не найдет.

ДИАНА. А куда я делась отсюда?

НИНА. А я откуда знаю? Я тебя довезла до берега. Ты ушла, мне что.

ДИАНА. Все же знают, что мне идти некуда.

НИНА. К семье.

ДИАНА. Нет никакой семьи.

НИНА. Дочь.

ДИАНА. Уехали они. Квартиру продали.

НИНА. Зачем это?

ДИАНА. Все знают зачем.

НИНА. Стойте. Я же знаю, дочь у вас с ее сыном, он внук, они вас еще тогда... в прошлом году забирали. Внук такой представительный, рыжий. Я вашу семью-то прекрасно знаю, уж не первый год вы тут у меня обретаетесь.

ДИАНА. Мужа моего тоже помните?

НИНА. Какого мужа еще? При чем это вы приплели? Какого мужа?

ДИАНА. Такого. У меня муж-то был, я с ним ездила сюда.

ДИАНА. Вот не помню, извините.

НИНА. Красивый такой мужчина. В него все влюблялись. Георгий Иванович у меня был.

НИНА. Я не влюблялась. Вы что! С ума совсем сошла бабка. Кому он нужен, старый хрен!

ДИАНА. Влюблялись все. Он знал подход. Как я в него влюбилась. Причем уже в немолодом возрасте. В сорок лет!

НИНА. У вас же был муж небось.

ДИАНА. Муж не муж, но был. У актрисы всегда должен быть кто-то. Перед ним был из оперы, я говорила... Иван по кличке Сусанин.

НИНА. О... Уж я насмотрелась. Каждый год у каждой кто-то новый. В основном актрисы привозили. Приезжают вдвоем в один домик, а путевка на одну ее, а я сразу: ваши паспорта, штамп о браке? И приходилось им уезжать. Ему или ей. Они надеялись, подмажем, то-се... Нет, не выйдет, я говорю. До слез доходило.

ДИАНА. Нет, вы добрая. Мы знаем. В первый год, когда мы с Георгием приехали неженатые, вы его у себя прописали. И Сусанина моего раньше тоже помещали, я помню, на терраске.

НИНА. Ну, я что, я же человек. У меня ведь есть лишняя комната, три койки, и терраска еще, пятеро могут остановиться. А где они ночуют, это мое разве дело? Но ваш Сусанин выступал всегда с лишним.

ДИАНА. С этим Иваном Сусаниным я недолго маялась. Он, когда у меня в квартире поселился, имел обыкновение ночами выходить на балкон и петь там «Ты взойди, моя заря» полностью. Соседи были в экстазе. Вызывали что ни ночь наряд милиции.

НИНА. Помню, здесь он за вами с вилами гнался, у меня их у сарая подобрал. Он за вами, я за ним, положь вилы где брал! Вы же в Волгу побежали, он бы

тоже, но я вилы отняла. Ну, как с моими вилами потонет! Ох, такой народ эти театральные.

ДИАНА. А тут этот... В иудин день приходит на сбор труппы новый актер. Георгий Иванович. Не красавец показался поначалу, но такой талантливый, из Саратова к нам перешел. Жить негде, он там оставил семью, развелся, уже когда у нас дочь родилась. Одни драмы. У той его жены не было детей... Она его бешено ревновала. Ребенок первый у него родился от их тамошней костюмерши, еще мальчишки-близнецы от студентки одной... Она на практике у них была в театре. Причем очень смешно: все рыжие. Он сам был, вы помните, рыжий.

НИНА. Откуда это я помню. Всех, что ли, помнить... Никакой памяти не хватит.

ДИАНА. Помните, прекрасно вы его помните. Сам он был такой темно-рыжий, кудри, ресницы длинные, загнутые как у девушки. Глаза синие. От одной улыбки сойти с ума. Ямочка на правой щеке. Играл у нас Ромео, Тригорина, Гамлета, по утрам Бабу-ягу, Чебурашку, Карлсона... Посещаемость выросла... У всех его детей эта примета, ямочка на правой щеке и рыжие кудряшки. У моей дочери... У внука. Помните?

ДИАНА. Не помню. Я говорю, что, обязана всех помнить? Каждое лето тут отдыхающих полно. Я тут уже тридцать лет пашу.

ДИАНА. Дочери вашей сколько лет?

НИНА. Моей дочери? А что?

ДИАНА. Ну так, для сравнения. Двадцать девять, я помню.

Моей дочери Тане сорок пять. Когда ей было пятнадцать лет, они с отцом здесь жили без меня. Я лежала в больнице в Москве. Я упросила Георгия не ехать со мной туда, где я лежала, якобы за мной ухаживать, там же Москва, там полно у него друзей, все алкоголики по театрам были бы его, я послала его пожить с Таней здесь у вас, на острове, тут, где вы. Ну, вы помните это.

НИНА. Откуда, говорю, я помню, вы че тут.

ИАНА. Это да, было тридцать лет назад. Вы уже работали здесь. Вы были замужем?

НИНА. У меня был мужчина, но мы не успели зарегистрировать брак, он утонул по пьянке. Поплыл и не вернулся. Он приехал ко мне на чужой моторке, уже выпивши. Его друзья высадили, отчалили, он ко мне пришел, а я рыбу чистила на берегу, не тут, я ухожу чистить рыбу подальше в ивняк, чтоб не мусорить. Купила у рыбаков лещей. Я же их копчу. Не как другие, я их потрошу сначала. Только потом копчу. Зять помирает по моим лещам. Ну и вот. Я вам рассказываю чего никому не говорила. Я нагнулась на берегу, была в купальнике, он накинулся со спины, повалил прямо в воду лицом, добился своего, чуть я не утонула, а потом он, наверно, испугался, что я захлебнулась, сразу бросил меня, тут же с места поплыл и не вернулся, всё. Больше я его не видела. Пьяный был. Труп обнаружен был только через три дня, милиция всех опрашивала. Вот от него и родилась у меня дочь.

ИАНА. А как он вас нашел в ивняке? Остров-то большой.

НИНА. Я и говорю, как ты меня нашел, сволочь.

ДИАНА. Когда вы ему это говорили?

НИНА. А что вам интересно?

ДИАНА. И как вы узнали, что это он именно? Он же напал со спины. Опрокинул вас в воду.

НИНА. Да, лицом на бревно, там топляк был. Лежал в песке. Но я вывернула голову и могла дышать. Все лицо было искорябано.

ДИАНА. То есть вы его и не видели.

НИНА. Когда он поплыл, то тогда и увидела. Обернулся. И тогда я ему и крикнула: как ты меня нашел, сволочь.

ДИАНА. Это было в августе. Какого числа?

НИНА. Точно не помню уже.

ДИАНА. Мне же сразу актрисы рассказали. Это было двадцать седьмого. Они уезжали двадцать девятого. Вы были растерзаны, вы плакали, и ноги у вас были в синяках.

НИНА. Ну и память у вас. Да, меня встретили в кустах...

ДИАНА. Моя дочка хорошо помнила это лето. Как прекрасно было! Приехала домой, плакала. Я вернулась из больницы, она ткнулась мне в руку, реснички мокрые.

НИНА. Скучала она за нашим островом?

ДИАНА. Я не вдавалась в подробности. Я вернулась еле живая из Москвы после операции. Дочка моя приплакивает. Я ей говорю, всё в прошлом, всё хорошо. Не переживай за меня. Мы все вместе, все живы. Но она с отцом не разговаривает. Он пожимает плечами, вожжа ей под хвост попала. Вернулись с острова, где отдыхали, чудесное лето, и такой результат. Дочка наша его очень любила, своего сына

не стала записывать на фамилию мужа, записала на свою, отцовскую, моего-то внука! Когда мужа не стало, я нашла в его чемодане письмо.

НИНА. Он умер давно уже, да?

ДИАНА. Не умер. Такие не умирают.

НИНА. Жив? Жив?

ДИАНА. Не умер. Его зарезали на гастролях в Архангельске. В парке.

НИНА. Кто?

ДИАНА. Следствие закрыли. Никого не нашли.

НИНА. Мне говорили, тут отдыхающие приехали в тот год в августе, что он вроде бы, по неизвестным данным, погиб на гастролях, нашли в городском парке утром. Пошел погулять после спектакля. И на тебе. А вроде и не он это был. Я все думала об нем. Как же так, думала.

ДИАНА. У него там была девочка, как мне сказали. Местная. И это у них было свидание. Я-то не ездила на те гастроли. Уже была выведена из состава труппы. Новый главный постарался. Потом-то меня опять взяли, потому что кто старух будет играть? Все возрастные актриски прооперировались, щеки подтянули, гладкие они у них стали, вроде, прошу прощения, ягодиц, посредине нос пупочкой торчит. Ни морщинки. А кто будет играть Островского? Он всегда в репертуаре, там без старух ни шагу.

НИНА. Его там похоронили?

ДИАНА. Нет, здесь. Как же я его оставлю там. Тут он.

НИНА. А где?

ДИАНА. Что где?

НИНА. Где он лежит?

ИАНА. Да у нас, рядом с моими папой и мамой. Где и я буду.

НИНА. Будешь, как же. Кто тебя хоронить-то станет? Никого у тебя нету.

ИАНА. По счастью, нету.

НИНА. Сунут в общий ров тебя, и всё. Меня вон дочь и зять похоронят. Как это, все тебя бросили.

ИАНА. В театре постараются. У нас есть один старый артист, он всегда добивается своего. Ходит, собирает деньги. Ставит плиты. Одинокий, обо всех могилках заботится. Мне он обещал. Его фамилия Зотов. Ардальон Зотов. Запомнили?

НИНА. А мне зачем.

ИАНА. В театре знают его. Зотов.

НИНА. А мне по семечку, не запоминаю я фамилий.

ИАНА. Ну и на том спасибо.

НИНА. Я сейчас принесу суп и буду насильно вливать. Через воронку. Через которую солярку заливаю в мотор. Привяжу к стулу тебя и покормлю. Если сама не поешь. Я же знаю, к чему ты клонишь. Дешево отделаться хочешь. Семь дней не есть, и всё. Что я, не знаю?

ИАНА. Почему же вам знать, глупенькая вы женщина.

НИНА. Что я, сама не хотела покончить с собой? Когда забеременела в девятнадцать лет? Я же ничего не понимала, думала, что беременность была от того, кто на меня сзади напал... Не ела четыре дня, упала вот прямо тут, несла ведро с рыбой... В больницу увезли на гулянке. Десять дней провалялась.

ДИАНА. В больницу тебя увезли не помнишь когда?

НИНА. Помню. Десятого августа.

ДИАНА. А какой срок беременности был?

НИНА. Шесть недель. Я тогда только поняла, что это от Георгия ребенок будет. Мать моя, когда узнала, пришла в ужас и меня по щекам отлупила. Бьет и плачет. Ее еле увели. Врач объясняет, ее, говорят, изнасиловали, да еще и вы добавляете.

ДИАНА. Георгий знал? Наверно, просил об аборте.

НИНА. Да, но я не хотела. Матери я сказала, что с этим человеком, который утонул в тот день, мы собирались пожениться, а то, что я в синяках, это потому, что я отказалась. А то, что на меня напали... Да у нас часто нападают. Когда ты одна на реке, а они пьяные мимо плывут на своей гулянке... Пристанут к берегу и встретят тебя... В милицию обращаться позора наешься...

ДИАНА. А аборт мать требовала сделать?

НИНА. Еще чего, убивать! Мою доченьку-красавицу.

ДИАНА. Она какая у вас?

НИНА. Все их фотки у меня там, дома, в городе, в альбоме.

ДИАНА. Красивая?

НИНА. Да уж.

ДИАНА. Расскажите мне о ней.

НИНА. Мое золотко. Вышла за этого дурака. Маленькая была, влюбилась. Он студент, она на под-курсах училась.

ДИАНА. Волосы длинные?

НИНА. Курчавые, кольцами. Золото, а не кудри.

ДИАНА. Ресницы?

НИНА. Да на них спички можно класть. Хлопает ими. Длинные, загнутые. Когда она была маленькая, я прямо плакала от счастья над ее кроваткой. И такую красоту мама велела мне убить!

ДИАНА. Веснушки?

НИНА. Я говорю, она у меня вся золотая.

ДИАНА. А на какой щеке ямочка?

НИНА. На правой щеке ямочка. Как по заказу.

ДИАНА. Так что ты забеременела в июле, а не в августе, не тогда, когда, ты говоришь, на тебя напали.

НИНА. И че?

ДИАНА. Отец ее любил?

НИНА. Как бога.

ДИАНА. Часто приходил?

НИНА. Редко. Но всегда с игрушкой. Я их все храню. Ей не давала надолго, даже сломатые игрушки берегла.

ДИАНА. Как ее зовут?

НИНА. А зачем?

ДИАНА. Не хотите, чтобы я знала?

НИНА. А зачем это тебе, старая ты старушка.

ДИАНА. А я знаю. Звать ее Ангелина Георгиевна.

НИНА. Ну и что теперь?

ДИАНА. Я же говорила, что нашла у него в его заветной папочке письмо с подписью «Люблю, Нина». И там было написано: нашу дочь я назвала Ангелина по отчеству Георгиевна. По отчеству, так и написано было.

НИНА. Какое еще письмо?

ДИАНА. Ваше.

НИНА. А... Ты уже никому не скажешь, всё. Мертвые молчат.

ДИАНА. Как правило.

НИНА. Я на все его спектакли ходила. Летом вы приезжали, он уплывал в пять утра на лодке с удочкой, я его ждала в ивняке. За третьим островом. Там такая бухта с песком. Я всегда брала с собой презервативы.

ДИАНА. В театре у него такие, как ты, с презервативами, менялись каждый месяц. Один раз он сказал: «Не могу же я их всех». Задумчиво сказал другу на кухне. Сидели ближе к ночи пили пиво. Я стояла в ванной, собирала белье в стиралку.

НИНА. Я была одна из них, но была. Вас он не любил.

ДИАНА. Что такое семейная жизнь? Там другие чувства.

НИНА. Должна быть любовь прежде всего. Страсть друг к другу. Чтобы ее тянуло как на веревке к нему, а его к ней. Прикоснется к тебе — и дрожь по спине.

ДИАНА. Должна быть уверенность в человеке, что не предаст. Уважение. Верность ему — в каком смысле: всегда быть на его стороне. Поддержать в случае чего. Ну и дом — там же всё вместе. Общая постель, стол. Общий ребенок и старые родители, их всех надо кормить и лечить, одевать, воспитывать, утешать, веселить, заботиться о них.

НИНА. Ну а что, как он вам изменял?

ДИАНА. И я ему изменяла. Сексуальная измена не предательство. Это физическое влечение, цель которого получить оргазм, это цель минутная, а то, что

от этого получается потомство, это вечная цель природы, и всё. Сексуальная измена — это удовлетворение чисто физической потребности животного, в данном случае человека. Удержишь кота не лезть на кошку? Нет. Но кот живет в семье и любит свою человеческую семью. А ночью он должен гулять. Это его право. Главное — это достижение оргазма.

НИНА. Для меня — нет.

ДИАНА. Значит, не было оргазма. Он, видимо, спешил и опасался. Не занимался тобой сколько надо.

НИНА. Для меня главное — это любовь. Я на все была готова ради него. Быть с ним. Смотреть на него.

ДИАНА. Смотри, как ты заговорила.

НИНА. А ты считаешь, я некультурная? Что я би-бигон рабочего класса? И что мое гинекологическое древо ниже вашего? Тут поневоле наслушаешься. Я все годы работала с такими, как вы, и поневоле набралась. Алё! Создать образ на сцене — это самое пленительное изо всего, это прожить жизнь за один вечер, чужую, блин, жизнь, не быть собой. Это счастье, блин, бывает только лишь на театре.

ДИАНА. Да, и я еще хочу сказать вам о сексе на стороне. Тут просто было важно не принести в общую постель какой-нибудь случайной заразы. Он очень за этим следил. После тебя у него детей уже не зарождалось. С тобой у Георгия это изнасилование произошло в последний раз.

НИНА. Изнасилование?

ДИАНА. Ты же всегда ходишь по территории в трусах и лифчике.

НИНА. Все тут так ходят.

ДИАНА. Все — это отдыхающие. Свои бабы и девки, театральные. Их уговаривать не надо, сами лезут, лежат вон на пляже голые и враслопыр. Они неинтересны. А ты чужая, посторонняя, ты, как бы это сказать, служанка. Тебя надо именно изнасиловать второпях и в свое удовольствие. Такая мужская потребность, поймать и победить.

НИНА. Не служанка! Я кастелянша, сестра-хозяйка, ты че. Мадам, вы превышаете полномочия.

ДИАНА. Служанки всегда у бар были объектом нападения. У Льва Толстого четверть кладбища его имени Ясная Поляна была занято его детьми.

НИНА. Умирили рано?

ДИАНА. Да нет, вырастали, старели, умирали, их хоронили. Свои деревенские были в курсе, кто от него рождался и кто из новых девчонок растет и на кого он кинется в лесу. Мне рассказывала одна театроведка, она писала диссертацию о нем и жила в Ясной Поляне.

НИНА. Ну хорошо. Я просто хочу вам сказать, уважаемая мадам, заслуженная артистка без публики, что завтра я вас отвезу на городскую пристань. Там вы сядете на трамвай и поедете домой. И никаких самоубийств здесь, на фоне природы и моей базы отдыха. Я вам не прислуга, присутствовать при последнем издыхании и сопровождать умершую в город, а потом отвечать в милиции. На хрена козе баян. А вы знаете, кстати, что моя дочь носит его фамилию? Он ее удочерил.

ДИАНА. Да?

НИНА. У-до-че-рил.

ДИАНА. Ну, это тогда меняет дело. Я остаюсь на острове. И вы меня тихо похороните в случае чего.

НИНА. С какого это подпрыгу? Здравствуйте.

ДИАНА. Сядьте, а то вы упадете.

НИНА. Ну, села.

ДИАНА. Так. Вы ведь не знаете, что я подарила свою квартиру внуку, а он ее тут же продал.

НИНА. Да знаю я, знаю. Все всё знают, вашу эту дурацкую историю. И родственники все кинули вас тут. Всё на мою шею. В расчете, что вы тут благородно помрете. Зачем только вы дарили квартиру внуку, встает вопрос. Вы же знали, что квартиры у вас не будет...

ДИАНА. Да. Знала и сознательно на это пошла.

НИНА. Ну и дура старая.

ДИАНА. Вы ведь отдали свою квартиру дочери?

НИНА. Но я там живу зимой.

ДИАНА. Но вы понимаете, что вы им не нужны?

НИНА. Я не нужна? А кто детей будет водить на музыку, на фигурное катание? Этот, что ли, безработный, он все к своей сестры ездит мамашу няньчить? Кто им все готовит, кто стирает-моет? Геля ведь работает. Ангелина, моя дочка.

ДИАНА. Скажите, а вам не звонили насчет меня?

НИНА. Еще чего.

ДИАНА. Так! Значит, у них плохо поставлена разведка, если они еще тут меня не нашли.

НИНА. А зачем вас тут искать? Кому вы сдались во всем мире?

ДИАНА. Есть люди, которые считают, что мой внук должен им огромные деньги. Это его одноклассник, который теперь большой бандит. Он не

может простить моему внуку что-то там еще с восьмого класса. Буквально наехал на него и все отобрал и еще на счетчик поставил. Что ему должны миллионы долларов. Почему ни моего внука, ни его матери здесь нет. Бандиты обещали им, если меня найдут, раскаленный утюг на спину и снять с меня скальп. И пригрозили, что любой родственник из семьи подвергнется пыткам, пока не отдаст всё. Так что меня ждет та же участь. Они будут снимать мои пытки постепенно на видео и отправлять внуку по электронной почте, чтобы он сам приехал. Отрезают так одно ухо и снимают это дело на видео, посылают по электронной почте и ждут. Понимаете?

НИНА. Ну и что теперь? Я должна вас ради этого тут держать? При чем здесь я?

ДИАНА. Хороший вопрос. Действительно, вас это не должно заботить. Не должно. Как говорится, это не ваши проблемы, мадам. Но оставьте меня в покое на неделю. На одну только неделю. Ну, крайний срок на десять дней.

НИНА. Я сказала, отвезу вас завтра. И всё.

ДИАНА. Уезжайте, хорошо? Картошку выкопайте и на волю. Все закройте. Будет открыта только моя хижина. Приедете, а все уже кончено.

НИНА. Да, я приеду, а вас съели крысы.

ДИАНА. Какое это имеет значение?

НИНА. Для меня имеет большое. Ужас ведь, ужас, кошмар, спать не буду. Буду виновата.

ДИАНА. А лучше, если они меня перехватят на пристани и увезут пытать, чтобы узнать, где мой внук?

НИНА. Откуда они узнают вас?

ДИАНА. Я же заслуженная артистка, известный в городе человек.

НИНА. Но ведь в театре все равно знают, где вы?

ДИАНА. Откуда. Все уверены, что меня определили в интернат. В нашей области в доме для престарелых актеров мест нет. Я повторяла при прощании всем, кто уезжал, что завтра меня увозят с острова, а куда, я позвоню по приезду на место. Что наш Григорий Петрович уже договорился, но не хочет меня заранее тревожить. То есть пугать, грубо говоря. Потому что в нашем интернате люди уже по трое в комнатках обитают. И меня могут отвезти только куда-нибудь в тайгу.

НИНА. То есть те люди, одноклассники, ждут от актеров сообщения, где вы. Но вы-то им зачем, ведь у вас нету ничего! Гречка ваша и постное масло их не устроят.

ДИАНА. А. Они же, я вам говорила, хотят снять на видео мои пытки и послать внуку по Интернету. Они знают его почту. Уже ему написали. Что найдут меня, где бы я ни находилась. И подвергнут.

НИНА. Ниче себе! А зачем им это?

ДИАНА. Не знаю. Чтобы он вернулся? И зачем?

НИНА. Да, зачем? Денег-то у него нет, я так понимаю.

ДИАНА. Да, он пока что развозит там пиццу. Но этот одноклассник имеет какие-то изуверские планы. Убить... Не знаю, в рабство его продать? Я предполагаю. Сколько стоит человек? Раб.

НИНА. Да кому это нужно? Взять хотя бы меня.

ДИАНА. Нет, вы не раба. Вы свободный человек в жутких обстоятельствах.

НИНА. Не в том дело. Я! Стала бы я у себя раба держать, пусть и бесплатного. Да его кормить надо! Содержать там в цепях, что ли, чтобы не ушел. Где-то чтобы спал. Нет, не надо никому. К человеку быстро привыкаешь. Начинаешь как-то жалеть его...

ИАНА. Может, на органы продавать? Нет, это технически слишком сложно, нужно сначала сдавать анализы. Бандиты этим заниматься не будут. У них голова не подходит для таких дел. Наехать, убить, бабла нарубить, выпить-закусить, героинчиком вмазаться, поехать на стрелку, поглядеть порнушку, вызвать девушек. Водить машину и расстрелять они могут. А в случае с пересадкой органов там же надо знать, кому этот организм нужен, какому больному подходит, и туда везти. Нет, они это не потянут.

НИНА. На Кавказ его куда-нибудь в аул? В публичный дом? Для мужчин бывает? Не знаю.

ИАНА. Кошмар какой. Для мужчин? Боже мой. Он уже немолодой, мой внук.

НИНА. Еще их снимают во время пыток и продают эти фильмы, нет? Я слышала, тут актеры на кухне говорили, там целая индустрия. Кому-то предлагали, прислали по почте вызов, сняться в фильме пыток, изображать дикие страдания. Но платят средне. Актеры говорили, а вдруг они включают ток по-настоящему? Где гарантии? Ты же будешь весь в ремнях? Не успеешь оглянуться, а уже сыграешь такие страдания, что никакой голливудский Чак Норрис не сумеет. И выйдешь инвалидом, а страховки не будет. Если вообще живой останешься. Это же все подпольно.

ИАНА. Так вот, я не могу уехать.

НИНА. А я что, должна тут сидеть до морковкина заговенья и ждать, пока вы покончите с собой? Это за что мне такая пытка?

ДИАНА. А какой выход из положения? Я ведь никому не нужна. Никто, как вы видите, за меня не хлопочет, не устраивает меня никуда. Григорий Петрович, как вы мне тут сообщили, на три месяца ушел, потом вообще смывается на пенсию. Мне за себя хлопотать нельзя, узнают, сразу к вам сюда приедут, вообще всё сожгут тут к одной матери.

НИНА. Я в отчаянии, блин, это мне безвыходное положение, блин, поймите.

ДИАНА. Вы просто феноменально талантливы. Такую фразу так произнести — это только великая актриса сможет. И то, если ей напишут текст. Но вы же не в отчаянии. Вам все по семечку, как вы выразились тут. Вызовете милицию, «скорую», труповозку, и всё.

НИНА. Сука, блин, ты зачем на мою голову свалилась, а?

ДИАНА. И еще более феноменально! Какие интонации, какое произношение! Скажите это же по-английски.

НИНА (*говорит ей на ухо долго и, видимо, матом*). Поняла, сука, по-английски? Хау а ю, вот из ё нэйм, блин?

ДИАНА. Всё. Оставшиеся дни моей жизни я буду с вами работать, учить вас. Вы просто рождены для театра! У нас таких актрис нет.

НИНА. Она еще стебется надо мной, блин.

ДИАНА. Скажите это же поточнее. Она — еще — стебется... Ну! Надо — мною... Слово «блин» надо по-

четче. Блин — это недостаточно, его надо заменить тем словом, которое оно заменяет. Ну, бллль... Ну?

НИНА. Господи, ну че, блин, делать мне с тобой, старая ты, блин...

ДИАНА. Убейте меня, плииз. Самоубийство — это великий грех. Знаете, как меня убить? Просто уехать, закрыв дверь кухни на замок и выключивши водопровод.

НИНА. Потом меня уволят на хер. Или вообще посадят. За неоказание помощи. Вызову вот сейчас гулянку, возьмем тебя с водителем, скажу, что ты сама не ходишь и слегка сдвинулась, не хочешь уезжать, все давно уехали. Мы отнесем тебя на стуле, стул я верну в домик, посадим тебя в каюту на одеяло, заплачу за переезд, и всё. Так будет правильно. *(Вынимает мобильник, набирает номер.)*

ДИАНА. А с меня кожу снимут? Не всю, а частично? Только с головы? И я буду перед камерой плакать кровью?

НИНА. Ой-ой, напугала *(ищет номер в телефоне)*. Ща. Ща, блин, я тебя пристрою.

ДИАНА. Ну хорошо. Теперь стой и не шевелись. Оставь телефон, сволочь. Я что сказала? Смотри. Хуже будет.

НИНА. Ой, заговорила. Актриса. Новая роль.

ДИАНА. Твоя дочь — сестра моей дочери, поняла, сука? По паспорту с той же фамилией, с отчеством и как две капли воды рыжая, на него похожая. И ее дети — брат и сестра моего внука. Двоюродные.

НИНА. И че?

ДИАНА. А то, что перед пыткой я скажу, что это его сестра родная, и он ее очень любит, и у нее маши-

на, дача и квартира. И триста шестьдесят банок маринованных огурчиков и помидорчиков! И они начнут снимать кожу с нее и с ее маленьких детей и пошлют это видео моему внуку. Которому это будет тяжело, но он не пошевелится приехать.

НИНА. Так. А-а-а-а... Помидорчиков? Вы это делаете, вы, культурная женщина? Великая актриса? Ни в чем не повинных детей отдашь на пытки? Защищая себя?

ДИАНА. Сразу отдам, как только меня схватят. Я защищаю не себя, а своего любимого внука, который для меня вся жизнь! Он ведь идиот, он прилетит из своей Аргентины сразу же на мои пытки, и его убьют в мучениях! Они же изобретатели! Прилетит как дурак, которым он и является.

НИНА. Он в Аргентине?

ДИАНА. Успокойся. Они это знают. Аргентина — туда лететь двадцать часов. И она по территории как Украина. Там хрен найдешь человека, это как ночью шарить насчет макового зернышка, причем на пляже. Да и в Аргентине ли он?

НИНА. Что мне делать с тобой? Убить?

ДИАНА. Да.

НИНА. Убить, убить... (*Берет табуретку в руки, замахиивается.*) Не, не могу. На меня перекладываешь грех? Чтобы я всю жизнь убийцей себя чувствовала? Ночи бы не спала? Я же православная. Вот этого ты не дождешься. Ишь какая!

ДИАНА. Убей меня.

НИНА. Иду разогревать суп. Несу воронку от солярки и веревку связать. Не будешь есть, поняла, что тебя ожидает?

ДИАНА. И что мы будем делать? Если я буду есть?

НИНА. Ждать, блин. Пока ты не умрешь, блин. На всем моем питании. Зиму будем сидеть. Весну.

ДИАНА. То есть ты меня обрекаешь на жизнь? Вернее, на ожидание смерти. И не даешь мне права распорядиться этой своей жизнью? А ведь я живая опасна для твоей дочери с девочками!

НИНА. Но как бы я мечтала, чтобы моя дочь с детишками пожилы хоть в Аргентине...

ДИАНА. Ну, адреса ты от меня не дождешься.

НИНА. Я дам тебе телефон, позвони ему.

ДИАНА. Нет.

НИНА. А, ты боишься, что я его выдам...

ДИАНА. А ты боишься, что я тебя выдам... Но успокойся, я здесь уйду. Сама. Я сумею. Ты даже не поймешь как. Не беспокойся за меня. Он в Аргентине. Мне больше ничего не нужно. Это мое счастье, уйти.

НИНА. Нет, давай не надо. Не надо. Я не хочу. Это же мне на всю жизнь. Спать не буду. Хрен его знает, безвыходное какое-то положение. Живи, летом все приедут... Найдется куда тебя сунуть. Не оставят так просто. Все же люди. Все свои, театральные.

ДИАНА. Мне нельзя доживать до лета. Это опасно для нас с тобой. Поняла? Поняла? Деньги на погребение тебе дадут в театре. Я сегодня напишу на бумажке, где меня схоронить. Там и он лежит. Давно я у него не была. Будете нас навещать. С его внуками. Больше у нас с ним тут никого не осталось. Спасибо тебе заранее, наружи меня не оставишь (*склоняет голову*).

Нина поднимает лицо, закрывает глаза.

ГАМЛЕТ. НУЛЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ФОРТИНБРАС-НОРВЕЖЕЦ

Его приближенные, они же актеры:

ПЕЛЬШЕ, режиссер.

ЗОРГЕ, канатоходец и трагик.

КУУСИНЕН, комик.

ПОЛОНИЙ.

ОФЕЛИЯ.

Лес. Между деревьями протянут канат. По нему ходит один из актеров, ЗОРГЕ. Внизу стоят ПЕЛЬШЕ и КУУСИНЕН.

ФОРТИНБРАС въезжает на коне, который представляет собой палочку с конской головой. Ноги всадника маленькие, искусственные, болтаются по бокам седла. На собственные надеты мохнатые копыта. (*Сзади, по желанию режиссера, могут быть приделаны ножки на колесиках.*)

ФОРТИНБРАС (*поигрывая кнутом*). Привет, норвежцы бравые!

НОРВЕЖЦЫ. Здра желаем, ваше высочество!

ФОРТИНБРАС. Какие новости, Пельше?

ПЕЛЬШЕ. С приездом вас, ваше высочество, принц Фортинбрас. В Польшу идете? Как удачно, что нам удалось вас повстречать. Мы стоим здесь на дороге со вчера, ожидая вас. Мы знаем из кухонной почты, что вы должны здесь проехать мимо нас в Польшу. Гонец со вчерашнего вечера ужинает в кухне. Сначала доложил все нам с кухарками, потом королю с королевой. Ну что. По вашему приказанию мы здесь ошиваемся в виде театральной труппы уже четыре месяца. Как шпионы, Зорге, да? Вот Зорге у нас разведчик! Все ночи дежурит!

ЗОРГЕ. Четыре месяца — это два раза по два времени прошло, как они тут говорят. Так домой хочется! Жена, дети!

ПЕЛЬШЕ. Он очень об жене скучает, ночи не спит.

Куусинен ржет.

ФОРТИНБРАС. Вы уже играли спектакль здесь, в Эльсиноре?

ПЕЛЬШЕ. Да нас вообще сначала не пускали в замок, поскольку король Гамлет-старший скончался.

ФОРТИНБРАС. Чего бы ему не сдохнуть за полгода до этого, когда он оттяпал у нас половину королевства!

ПЕЛЬШЕ. Вы сорвали эти слова с моих уст.

ФОРТИНБРАС. Говорят, у старого короля было что-то с желудком?

ПЕЛЬШЕ. О да. Несварение.

ФОРТИНБРАС. Это вы позаботились?

ПЕЛЬШЕ. Что вы! Нам чужой славы не нужно. Это повар постарался, его тут же опустили в кипящий котел медленно, каждую следующую ногу отдельно.

КУУСИНЕН. Кухарки были в большом возбуждении.

ЗОРГЕ (*сверху*). Люблю кухарок. Свежая от плиты кухарочка!

ПЕЛЬШЕ. Да!

КУУСИНЕН. Это грех, Зорге!

ФОРТИНБРАС (*бьет кнутом*). Так.

ПЕЛЬШЕ. И с тех пор нас не пускали поэтому внутрь. Из-за траура. Но вчера была свадьба, старая королева Гертруда, вдова старика Гамлета...

ЗОРГЕ. ...чье имя переводится на норвежский язык как герой труда, таки вышла замуж за молодого брата короля, за Клавдия, Клавочку, как его все зовут, и решила показать всему миру, как можно перероентировать молодого человека.

ПЕЛЬШЕ. И нас пустили на кухню.

ЗОРГЕ. Тише, я скажу. Герой труда уговаривала Клавочку всю ночь, в восемь вечера им по заказу понесли свежие розги, в три и в пять утра слуги бегали на кухню за нутряным салом. Кухарок специально побудили. Даже я проснулся.

КУУСИНЕН. Будешь гореть в смоле, Зорге!

ЗОРГЕ. Тише. Утром Клавочка плакал на груди у старика Полония и клялся, что нравственно не изменил ему. Молодому Клаве, однако, по словам кухарки, Джульетты, этот Полоний, Полька, надоел, а зато ему очень уже давно нравится принц Гамлет. Он ему все время: «Мой принц» — с ударением на «мой».

КУУСИНЕН. Это грех. Они все будут наказаны, и Полоний, и Клавдий, и Гертруда.

ФОРТИНБРАС. Да уж, постарайтесь.

ЗОРГЕ. Тише! Я скажу.

ПЕЛЬШЕ. Заткнись, горе треклятое. Видите, принц, в каких условиях я работаю.

КУУСИНЕН. Конечно, это грех, что мы тут собираем сплетни.

ПЕЛЬШЕ. Это называется разведданные, дурак.

ЗОРГЕ (*сверху*). А особенно разведданные от кухарочек! Там есть одна Джульетта... И вторая Дездемона... Итальянки!

КУУСИНЕН. Черные такие, усатые! Грех один.

ЗОРГЕ. Одна тетка из Вероны, вторая еще почище, из Венеции!

КУУСИНЕН. Ноги под ними как колеса! О! Руки как лопаты! Я бы ни за какие блага мира не стал грешить с такими землечерпалками!

ФОРТИНБРАС (*щелкает кнутом*). Так. Что происходит конкретно.

ПЕЛЬШЕ. Ото всех этих событий молодой принц Гамлет Гамлетович сошел с круга и по этому поводу ищет, кого бы убить.

ЗОРГЕ. Под лозунгом «пидарасы, идите на меня все»...

ПЕЛЬШЕ. Дай сказать. Хочет он убить свою маму, своего нового папу-дядю Клавдия и премьер-министра Полония. Говорит, что, поскольку его дядя стал ему папой, то он сам себе двоюродный брат, поэтому сам с собой разговаривает, сам себя все время спрашивает, быть или не быть, вот в чем вопрос, видели? Себя кличет во множественном числе, «мы»,

типа: «когда мы сбросим этот бранный шум, вот что сбивает нас». А остальные стоят рядом как дураки и поддакивают. А мать свою стал звать тетя Гертруда или просто по имени. Никогда «мама» или «мамуля». Ему нравится девушка Офелия, дочь Полония, и он хотел бы на нее опереться во всех смыслах, в том числе и лежа. Но поскольку Офелия ему не дает, он подозревает, что она не девушка. А она действительно, как говорят на кухне, была подсунута Полонием старому королю, что вызвало законную ненависть королевы, герою труда, которая ничего поделывать была не в силах и пустила слух, что Офелия чокнутая. Чтобы ее сослали в монастырь. Теперь Гамлет все время ее туда шутя посылает.

ЗОРГЕ. Почему об этом на кухне знают — там варили компот из таких испанских мух и носили королю, когда у него в гостях была Офелия.

КУУСИНЕН. Вот это святая. Тихая, кроткая. Мечта монаха, Офа-офа. Офелия.

ФОРТИНБРАС. Я ее видел прошлый раз. Хорошая девочка.

КУУСИНЕН. Клубок змей Эльсинор.

ФОРТИНБРАС. Нормальный ход. У нас, что ли, не так?

ПЕЛЬШЕ. Наши агенты через продавцов мяса сразу пустили по Дании слух, что Клавдий и герой труда отравили общими силами старого Гамлета. Но народ в это не поверил, перед королем пищу всегда ели из его тарелки придворные — Полоний и сама королева. Старый король своей жене, герою труда, хоть и будучи отпетый дурак, справедливо не доверял.

ЗОРГЕ. А они, пожавши с его тарелки, и по сю пору здоровы как тюрьма с пристройками. Отсюда датчане, будучи по природе здоровенными бугаями без капли воображения, не поверили нашей с Пельше разработке.

ФОРТИНБРАС. Но это неплохо, что старик Гамлет, обокравший моего отца короля Норвежца, очень быстро после того пошел напрямик к своим поганым предкам жариться на сковородке в их весело потрескивающей компании.

ПЕЛЬШЕ. Но что характерно: там есть один друг Горацио, приятель Гамлета, и он про вас, принц, говорил в таком духе, что, так сказать, кипя отвагой, вы, младший Фортинбрас (*кланяется*), ваше высочество, дальше буквально цитирую, набрал себе, якобы, с норвежских побережий ватагу беззаконных удалцов, то есть нас (*артисты кланяются*), за корм и харч для некоего дела.

ЗОРГЕ. Причем смотрите, корм и харч — не одно ли это и то же?

ПЕЛЬШЕ. Это для слога. Мой принц, должен вас предупредить, они тут все в замке Эльсинор говорят как бы стихами.

КУУСИНЕН. Это называется словобесие. Грех, одним словом.

ФОРТИНБРАС. За корм и харч для некоего дела, а дальше?

ПЕЛЬШЕ. Дальше совсем чудно: где нужен зуб; и то не что иное...

ФОРТИНБРАС. Зуб? И то не что иное — это как? Как понимать?

ПЕЛЬШЕ. Это он опять не справился, этот Горацио, со стихами. Цитирую: где нужен зуб, и то не что иное, так понято и нашею державой, как отобрать с оружием в руках путем насилья сказанные земли, отцом его утраченные.

ФОРТИНБРАС. Стишата так себе. Но смысл верный, а? Отобрать какие земли я, кипя отвагой, набрал себе с норвежских побережий вас, остолопы?

Актеры кланяются.

ПЕЛЬШЕ. Сказанные. Сказанные земли.

ФОРТИНБРАС. Они не хотят говорить, что это украденные у меня земли.

ПЕЛЬШЕ. Обманом выманенные!

ЗОРГЕ. Это разве дело, когда старого короля вызывают на драку! Пусть это, его тоже король вызвал, но чтобы за одну драку половину Норвегии отдавать?

ПЕЛЬШЕ. Ты не понимаешь смысла: датчане тогда были много сильнее и уже стояли у наших побережий. Когда наш король Фортинбрас вызвал на дуэль этого урода, короля Гамлета-старшего, и предложил ему половину страны в качестве утешительного приза, этот дурак клюнул на удочку и с радостью согласился, ведь наш Фортинбрас был уже дряхлый, царство ему небесное. И Фортинбрас погиб как герой! Стоять смирно!

Все обнажают головы.

Вольно! Если бы старый Фортинбрас не вышел на поединок с королем Гамлетом, то Дания и так захва-

тила бы Норвегию, но уже всю целиком. Погибли бы многие наши! А так без крови, только ценой собственной жизни, старый Фортинбрас спас половину страны. Он герой. Смирно! Вольно.

ФОРТИНБРАС. А теперь, стало быть, старый Гамлет подавился моими землями и помер. Там его мой отец встретит как надо!

КУУСИНЕН. Вы правы, он подавился. Но он просто переел перетертых рябчиков, дубина. Увлёкся. С тех пор как он, по собственному выражению, стал «мяу-мяу», он увлекался жратвой и питьем. Перетертые рябчики опасная вещь.

ФОРТИНБРАС. Значит, молодой Гамлет будет королем? Это худо.

ПЕЛЬШЕ. Да что вы, мой принц. Да упаси бог. Да никогда. Мы же стараемся. Мы его все время пугаем. Он выходит к завтраку и плетет всем, что ночью на него опять катилась голова с волосами. Всем с жаром рассказывает.

ФОРТИНБРАС. А это что было?

ПЕЛЬШЕ. А это я был в тулупе мехом наружу. Куусинен меня толкнул, я выкатился. Зорге в полном рыцарском облачении и с привязанной бородой вылез за окном, покачиваясь на канате. Он же еще у нас в университете связался с канатными плясунами и выучился у них кое-как, шут гороховый. Кончай пинаться, ты!

ЗОРГЕ. И сегодня утром Гамлет рассказывал всем, как на него катилась гигантская голова вся в волосах, а покойный папа кивал за окном, стоя в воздухе. Всё, кстати, чистая правда.

ПЕЛЬШЕ. А доктора приняли преувеличенно добрый вид и предложили немедленно послать за монахами, чтобы изгонять беса. Гамлет возражает.

КУУСИНЕН. Он возражает, да. Проткнул самого активного врача шпагой и сказал, что ему померещилась в животе у доктора крыса. Помяните мое слово, Гамлет добром не кончит!

ПЕЛЬШЕ. А конечно. Гамлет вообще на все их слова так отвечает: и слух мой не насилуйте и вы.

ЗОРГЕ. И слух мой не насилуйте и вы. О-па!

КУУСИНЕН (*сопровождая реплику Зорге телодвижениями*). Ой, они здесь такие смешные! Такая манера, говорить стихами.

ФОРТИНБРАС. Значит, версия об отравлении через пищу не прошла. Гамлет не поверил.

ПЕЛЬШЕ. Это была моя неудачная попытка. Простите меня.

ФОРТИНБРАС. Ладно, идея-то была моя. Попробуем иначе. Скажем, протяните канат под крепостной стеной, где-нибудь между деревьями близко к стене, чтобы канат сверху не просматривался, и пусть Зорге является каждую полночь в кирасе короля Гамлета, опять-таки с бородой.

ПЕЛЬШЕ. Это интересное решение, принц Фортинбрас! Мы все время так и поступаем непосредственно под спальней Гамлета. А вот у крепостных стен, чтобы все другие видели,— до этого мы не додумались. Здорово, принц. Но Гамлет! Он ведь без просыпу пьет у себя. И как тут выманить к крепостным стенам Гамлета? Сидит у себя в башне и клюкает. А погода нынче плохая. Мороз.

КУУСИНЕН. Как они выражаются тут, «жестокий и кусающийся воздух».

ЗОРГЕ. Емко сказано, а?

КУУСИНЕН. Не ругайся, это грех.

ФОРТИНБРАС. А пусть этот призрак отца Гамлета гонит о том, что его убили Клавдий и Гертруда. Стража услышит и сообщит Гамлету. Кто там у них сторожит ночами?

ЗОРГЕ. Да два амбала ходят с образованием четвере класса на двоих. Бернардо и Марцелл. Офицеры якобы. Прапоры.

ФОРТИНБРАС. Стало быть, покойник должен быть вооружен, как папаша Гамлет, до зубов. Как он обычно ходил.

ПЕЛЬШЕ. Марцелл и Бернардо про себя говорят, что они вооружены «от пят до темя».

КУУСИНЕН. Малограмотные.

ФОРТИНБРАС. Стало быть, Зорге!

ЗОРГЕ. Да, ваше высочество!

ФОРТИНБРАС. От пят до темени вооружись. Загримируйся. Можешь?

ЗОРГЕ. От пят до темя? Обижаете. Каждую ноченьку. Сажа есть, мел, свекла, бараний жир.

ФОРТИНБРАС. Мелом бороду побели сильно. И потемней полосочки оставь. Побежалости такие. Как седина в бороду.

КУУСИНЕН. Как они выражаются, чернь с серебром.

ЗОРГЕ. Хорошо придумано, однако!

ФОРТИНБРАС. Валяй. Будь бледен. Как король Гамлет говорил? Ты помнишь особенности интонации?

КУУСИНЕН. Да он заяц был. Своим девкам после койки любил читать басню «За-за-заяц во хме-хме-лю». Джульетта наизусть даже выучила.

ФОРТИНБРАС. Прекрасно. Что мы придумаем? Как его убили? Отравили?

ПЕЛЬШЕ. Да нет, не выйдет. Они и желудок его исследовали, на предмет яда. Не нашли. Врачей Гертруда, кстати, наградила перстнями.

ФОРТИНБРАС. Стало быть, отравление исключаем.

ЗОРГЕ. А помните, в той дрянной пьеске, которую мы играли у нас в университете, называется «Мышеловка»? Там вливают яд в ухо. Помните, приезжал на гастроли театр из маленького городка, из Лондона... Это далеко где-то. Там у них актер был такой... Женщин хорошо играл... Шакеспеаре по фамилии... Он королеву и играл! Ты еще у него текст списал, Куусинен, помнишь?

КУУСИНЕН. Ну! Помню! Тлетворный сок полночных трав, трикраты пронизанный проклятием Гекаты, твоей природы страшным волшебством да истребится ныне жизнь в живом. Такие хромые стишата, я еле выучил. Но это перевод с английского через два языка на третий. Трикраты! Вы подумайте! Это чтобы он, халтурщик, смог найти рифму к слову «Гекаты». Далее ремарка: «Вливает яд в ухо спящему». И затем: убийца снискивает любовь Гонзаговой жены. Снискивает, как вам это понравится!

ФОРТИНБРАС. Зорге, ты выучи этот текст и говори в его манере.

КУУСИНЕН. Я спишу ему слова.

ЗОРГЕ (*пляшет на проволоке, заикаясь, и повторяет текст*). Убийца с-с-снискивает Го-го-гонзаго-го-ву жену.

ФОРТИНБРАС. Вот. Все услышат и Гамлету поверят, что ему действительно является папаня. И самое то будет здесь текст про это... трикраты в ухо. Не только Гамлет услышит. И вот это и будет началом всего. Уж он живого места в Дании не оставит! И, глядишь, я на обратном пути из Польши за просто возьму Данию, покрытую трупами руководства.

КУУСИНЕН. Норвегия Данией прибудет.

ФОРТИНБРАС. А уж вы толкитесь у ворот замка, как настырные актеры, проситесь выступить с пьесой «Мышеловка». Пусть передадут Гамлету. Он тоже учился в Италии. И он эту пьесу использует второй раз.

КУУСИНЕН. Двукраты!

ФОРТИНБРАС. Для того, чтобы обвинить Гертруду и Клавдия.

КУУСИНЕН. Героя труда и Клавочку.

ПЕЛЬШЕ. Ты понял? Зорге, для начала как призрак скажешь Гамлету так: «Дай кратким быть!»

ЗОРГЕ. Дай кратким быть, неплохо ляпнуто! Абсолютно в их духе!

ПЕЛЬШЕ (*скромно*). Это у них такой слог тут, что же делать. Образованность свою хотят показать. Зорге, записывай текст призрака, ммм, погоди, так: когда я спал в саду, как то обычно делал пополудни, мой мирный час твой дядя подстерег с проклятым соком белены в сосудце...

КУУСИНЕН. Дивно, дивно придумано! В сосудце!

ПЕЛЬШЕ. Убью. И тихо мне в преддверия ушей
влил прокажающий настой.

КУУСИНЕН. Куда-куда?

ЗОРГЕ. В преддверия ушей, дурак.

КУУСИНЕН. Изумительно! Прокажающий в пред-
дверия!

ПЕЛЬШЕ. Замолкни!

ЗОРГЕ (*пишет*). И тихо мне в преддверия ушей...

КУУСИНЕН. Влил прокажающий — дивно, дивно — настой.

ПЕЛЬШЕ. При этом плавно будешь покачиваться
на канате, ясно?

КУУСИНЕН. Какая точная режиссерская находка!
А я буду внизу, как всегда, на подхвате, когда он упадет во всех своих доспехах... Вчера загремел с проволоки как кипящий самовар. Пить надо меньше, если на канате работаешь! Прямо на меня рухнул, я еле еле увернулся!

ПЕЛЬШЕ (*возвышенно*). Мой принц, норвежец младший Фортинбрас! Все будет сделано в отличном виде! Спокойно тра-та-та езжайте в Польшу! И возвращайтесь, все будет в порядке. Уф. Так и не привык, простите Пельше, стихами говорить. (*Обычным голосом.*) Насколько я знаю Гамлета, гора трупов вам будет обеспечена. Вся головка Дании подчистую.

ФОРТИНБРАС. Пельше, а как мне проехать в Польшу?

КУУСИНЕН. Мой принц, езжайте прямо, потом возьмете левой и вдоль берега. И у речки резко направо. Счастливо возвращаться!

За ФОРТИНБРАСОМ, разнообразно подпрыгивая, идет его кавалерия на таких же лошадаках — все действующие лица пьесы «Гамлет».

АКТ I

Эльсинор. Площадка перед замком. Часы бьют двенадцать. Слышится ругань, кряхтенье, звяканье.

ГОЛОСА. Тише ты, Зорге! — А если я упаду всем весом на тебя? — На тебе палку, держи ее, дубина, на весу. — Что-то их нету... — Ага, идут.

ГАМЛЕТ (*кому-то за сценой*). Ну и что?

МАРЦЕЛЛ. Вы постоите там. Сейчас увидите.

ГАМЛЕТ. Вы сказали, что придет мой покойный отец?

ГОЛОС (*снизу, эхом*). Попойный отец.

МАРЦЕЛЛ. Слыхали? Вон, вон, внизу движется... По воздуху, между деревьями...

ГАМЛЕТ (*смотрит вниз*). А я вам всем что позавчера говорил? Что он летает под моим окном... А меня объявили вообще... Что у меня порча и во мне бесы сидят.

МАРЦЕЛЛ. До чего похож! Вылитый Гамлет Первый. Но помоложе вроде... И личико не такое одутловатенькое...

ГАМЛЕТ. Похудел на том свете, надо думать. Могила кого хочешь исправит. А не мой этот запой! Где это у меня запой! Я, когда запой, сам прекрасно различаю, когда он, а когда я просто выпиваю. То вы-

пиваю, а то я за-пиваю. Есть разница? То я выпивши, а то запивши...

МАРЦЕЛЛ. Ну вылитый ваш отец...

ГОЛОС. Га-га-га...

МАРЦЕЛЛ. Как ваш отец, заикается, ну один к одному!

ГАМЛЕТ. Он что сказал?

МАРЦЕЛЛ. «Га-га-га» сказал.

ГАМЛЕТ. В каком смысле «га-га-га»?

МАРЦЕЛЛ. «Га-га», и всё. Это надо растолковать.

ГАМЛЕТ. А ты как думаешь, это что?

МАРЦЕЛЛ. Гусем кричит?

ГАМЛЕТ. Пить надо меньше меня! А то все норвишь наравне. Зачем ему гусем кричать?

МАРЦЕЛЛ. Ну я знаю... Га-га-га типа. Может, гуся ему зажарить? Или они там сырых едят?

ГАМЛЕТ. Совсем ополоумел. В аду едят?

МАРЦЕЛЛ. А мало ли. Он любил гуся жареного. Это я знаю твердо. Ладно. К завтраму зажарим.

ГОЛОС. Га-га-га.

МАРЦЕЛЛ. Может, он Гертруду выкликает? Может, он ее так по-семейному звал? Ну, как между мужем и женой бывает. Пуся там. Бяка. Гага.

ГАМЛЕТ. А, мою тетю новую... Призрак, ты ее зовешь?

ГОЛОС. Га-га-га.

ГАМЛЕТ. Ты хочешь ее спросить, зачем она после тебя так скоро вышла замуж, и второе, почему за твоего брата, никого почуднее не обнаружила?

МАРЦЕЛЛ. Но тогда бы он звал ее «ге-ге-ге». Гегергертруда. А он зовет га-га-га.

ГАМЛЕТ. Чего же он хочет?

МАРЦЕЛЛ. Но он не отвечал. Хотя однажды он поднял голову, и мне казалось...

ГАМЛЕТ. Вот только не надо тут здесь мне стихами говорить, остофигело мне это, понял, ты. Пошли отсюда, будем размышлять над словами призрака.

ГОЛОС (*вопит*). Га-га-га!

Слышен как бы прыжок и страшный грохот, ругань
и сдавленный вой.

МАРЦЕЛЛ. Там что, в аду, тоже падают?

ГАМЛЕТ. О, Боже! Сжался над этой несчастной душой, он умер без покаяния, ужас! И он является из ада... И говорить не может. Только это «га-га-га».

МАРЦЕЛЛ. Может, он там говорить разучился?

ГАМЛЕТ. Возможно! Им там запрещают говорить, чтобы он не выдал нам, живущим, тайны загробных мук... Бедный!

Слышен жуткий вой.

МАРЦЕЛЛ. Как его черти мают! Несчастный! Спросите его, принц, что ему надо.

ГАМЛЕТ. Не могу.

МАРЦЕЛЛ. А спросите его: «Кто ты?» Это такая магическая формула, всегда надо спросить привидение. И даже во сне.

Вой.

ГАМЛЕТ. Слышишь? Бедный дух. О, как надо праведно жить, чтобы потом не мучиться после смерти... О Господи, спаси и помилуй!

Слышен стук, затем визг, крик «куда, куда» и продолжительный вой.

МАРЦЕЛЛ. О как его дерут черти! Раздирают буквально (*крестится, задумывается*). А я недавно двух кухарок имел... И лгал. Соврал им, что здоров... Ой что будет! Надо монахам пожертвовать на новый колокол... Давно собирался. А вы, принц, доктора убили. Жуть!

ГАМЛЕТ. Монахи отмолят.

Вой, кашель, тонкое повизгивание, харканье.

ГАМЛЕТ. Кто ты? Кто ты, бедный призрак? Кто ты?

МАРЦЕЛЛ. Трикраты, правильно.

ГАМЛЕТ. Отзовись.

Слышен грохот, крик «Опять с дуба рухнул?» — «Не тычь, не тычь» и ругань.

МАРЦЕЛЛ. Они его вилами там тыкают! Ой...

ГАМЛЕТ. Молчи.

ГОЛОС. Га-га-га.

МАРЦЕЛЛ. Он! Это он!

ГАМЛЕТ. Кто ты?

МАРЦЕЛЛ. Трикраты.

ГАМЛЕТ. Сам знаю, отвяжись. Кто ты — кто ты.

Над стеной появляется, покачиваясь, Зорге в доспехах. Лицо его в крови.

ГАМЛЕТ. Кто ты?

ПРИЗРАК. Га-га-га!

МАРЦЕЛЛ. Вам кого?

ПРИЗРАК. Га-гамлета мне.

МАРЦЕЛЛ. Это он! Это он заикался так! Не в силах произнести! Это он вас! Как мы не догадались-то? Га-га-гамлет, а не Ге-ге-гертруда!

ГАМЛЕТ. Я слушаю, алё.

ПРИЗРАК. Га-га-гамлет!

Голос снизу: «Удерживайся! Вот опять!» Призрак исчезает, слышен грохот и лязг. Затем вой и неразборчивая ругань.

ГАМЛЕТ. Папа, приходи завтра в то же время!

Голос: «Скажи „нет!“» Кашель, крик «нет!».

МАРЦЕЛЛ. Ему черти не велят. Пошли отсюда, принц, а то и нас заберут туда же.

ГАМЛЕТ. Нет! Что ты мне хотел сказать, отец? Говори, пап! Я слушаю! Ничего не слышать!

ГОЛОС (*завывая*). Ой-ой-ой!

ГАМЛЕТ. Что у тебя болит больше всего, пап?

ГОЛОС. Все бо-бо-болит! Оу-у!

ГАМЛЕТ. А больше всего что болит?

ГОЛОС. Но-но-но!

МАРЦЕЛЛ. Но-но-ноет душа у него, видимо.

ГАМЛЕТ. Душа, да, папа?

ГОЛОС. Да, ду-ду-дурак, что ли? Ко-ко-кончай драться!

МАРЦЕЛЛ. Это он бесам.

ГОЛОС. Да, ду-душа болит, оу! Но еще но-но-но-но-но...

МАРЦЕЛЛ. Ноет. Болит и ноет!

ГОЛОС. Но-нога правая! Попробуй с такой высоты!

ГАМЛЕТ. Да — с трона и бывши королем сразу в котел с кипящей смолой. Да?

ГОЛОС. В ка-ка-какой ко-ко-котел? (*Удар, писк.*) А, ну да!.. Ужас!

МАРЦЕЛЛ. Спросите его, черти какие? (*Кричит.*) Черти какие?

ГОЛОС. Скоро са-са-сам узнаешь, попопоподонок.

ГАМЛЕТ. Тебе плохо? Папа?

ГОЛОС. А то! Папапапападать двукратно! А ты не дерись! А то попополучишь у меня по уху!

МАРЦЕЛЛ. Это он бесу!

ГОЛОС. Да пошел к чертям!

МАРЦЕЛЛ. Точно! Черта посылает к другим чертям. Достали они его.

ГАМЛЕТ. Папа, я к тебе скоро приду, папа! Я постараюсь!

ГОЛОС. Оуу! Сюда, ссы... ссы... ссыынок!

ГАМЛЕТ. Папа, тебе трудно?

ГОЛОС. Иди к одной матери!

МАРЦЕЛЛ. Слыхали? Он посылает вас к Гертруде.

ГАМЛЕТ. Ты слово «мать» упомянул, оно тебя чем-то мучает?

ГОЛОС. Ну да! О, я позабыл! Да! Тебя интересует, ка-ка-как я умер?

ГАМЛЕТ. Речь шла о перетертых рябчиках?

ГОЛОС. Черта с два! Мне в ухо налили настой белены, когда я спал в са-са-саду, ссы... ссы... ссынок.

ГАМЛЕТ. Кто?

ГОЛОС. Кто-кто-кто-кто.

МАРЦЕЛЛ. Заклинаю Богом, скажи!

ГОЛОС. Кто-кто, они.

ГАМЛЕТ. Кто?

ГОЛОС. Не скажу.

МАРЦЕЛЛ. Почему?

ГОЛОС. Кинь цепку золотую вниз сюда, тогда скажу.

ГАМЛЕТ. Цепку?

МАРЦЕЛЛ. Не надо, я свою кидаю! (*Срывает с груди и кидает вниз.*)

Вопли, шум драки.

Черти за цепочку дерутся.

ГАМЛЕТ. Ну говори!

ГОЛОС. Нет. Ты кинь свою! Тут их, чертей собачьих, двое.

ГАМЛЕТ (*снимает цепь и кидает вниз*). Поймали?

Вопли, тумаки, вой.

Поймал, папа?

ГОЛОС. По-по-поймал.

МАРЦЕЛЛ. Это все же он. Я было подумал, что это с ним, то он нормально говорит, то заикается. Но

все же за гробом все попережабудешь и заикаться разучишься. Столько всего, ад, котлы, сера, пламя, муки, тоска! Надо же, какие страдания там, оказывается! Надо монахов нанять, чтобы грехи мои отмаливали день и ночь.

ГАМЛЕТ. Да! Сомнения отпали. Пап! Кто тебя убил?

ГОЛОС. Кто-кто-кто-кто.

МАРЦЕЛЛ. Точно он.

ГОЛОС (*кудахчет*). Кто-кто-кто-кто-кто.

МАРЦЕЛЛ. Видал, его сразу в курицу обратили, чтобы он не открыл тайны.

ГАМЛЕТ. Как это?

МАРЦЕЛЛ. Ну это же ад! Мало ли что там бывает! Обратят в курицу и потом заживо ошпилют и зажарят... Мало ли. Муки же.

ГОЛОС (*кудахчет*). Кто-о-кто-кто-кто...

МАРЦЕЛЛ. Или вообще червяком сделают и закинут в пруд на крючке... Представляете, принц, какие муки? Тебя насаживают на кол такой извилистый, да бросают в воду с головой... Ты захлебываешься, а сам вертишься как та ворона на колу, да там тебя рыба разрывает зубами...

ГОЛОС. Кто-о-кто-кто-кто...

ГАМЛЕТ. Папа!

ГОЛОС. Га-га-га!

ГАМЛЕТ. Кто тебя убил?

ГОЛОС. Кинь свой плащ, то-тогда ска-скажу.

ГАМЛЕТ (*кидает плащ*). Зачем тебе плащ?

ГОЛОС. Холодно же, елки!

ГАМЛЕТ. Говори! Еще один плащ сбросим!

МАРЦЕЛЛ. Ни фи́га себе ад! То в котлы кипящие
кидают, то в лед вмораживают! Эх...

ГОЛОС. Кидай!

ГАМЛЕТ. Нет, сначала говори.

ГОЛОС. Да че-че-че говорить, Гертру-тру-тру-
тру...

МАРЦЕЛЛ. Да?

ГОЛОС. Да. И Кла-кла-кла...

МАРЦЕЛЛО. Вдий?

ГОЛОС. Вдий. Давай плащ, как до-до-до-говори-
лись.

Марцелло кидает плащ.

ГОЛОС. Дя-дя-дя-дя и ма-ма-ма-ма... Оу! Это мой
плащ! Отстаньте, черти! Прощай, Га-га-га-га...

ГАМЛЕТ. Он не мог произнести мое имя, заикал-
ся, несчастный. Оу-у!

Снизу ему отвечает сатанинский хохот.

МАРЦЕЛЛ. Ужас. Пошли, мой принц.

ГАМЛЕТ. Как жить с этим? Ты знаешь теперь, что
у меня порвалась связь времен?

МАРЦЕЛЛ. Ка-ка-как это?

ГАМЛЕТ. У меня были мать и отец. Я был их сын.
Все было как полагается... Семья, детство, я с ними
ругался, восставал против них, но это были мои ро-
дители. Папа и мама. И вдруг оказалось, что это не
папа и мама, а распутница и ее жертва, убийца и уби-
тый. Как мне теперь смотреть на прошлую жизнь?
Я сын убийцы! Слеза моя, на веке удержишься... Все по-

рвалось. Распалась связь времен. Рифма, рифма к слову «времен».

МАРЦЕЛЛ. Подоён. Хотя нет, подоен. Хотя нет, кто может быть подоен? Никто. Мой принц, я устал, я вас прошу, не говорите стихами. Я вас понял. Я, простой придворный офицер, герцог по дяде, скажу вам так. Мало ли кто как рождается и мало ли какие родители друг друга ненавидят и готовы убить, а их дети терпеть не могут друг друга и родителей. И ничего из этого не следует. Жизнь идет! Мало ли! Если бы все вешались из-за семейных неприятностей, вообще бы на свете остались одни зайцы да медведи. У меня вон тоже... Я похож не на отца, а неизвестно на кого. Они все белые, датчане, а я, видите, негр. Потом они все поехали на поминки моего двоюродного дяди герцога и померли, отравившись грибами. А меня отец в тот день лично выпорол и оставил дома в наказание за то, что я порвал штаны, гуляя в лесу. И я остался жив. У него была эта манера — чуть что, молоко скисло или он в карты проигрался — меня лично пороть на конюшне. И благодаря этому я ваш покорный слуга, а не мой старший брат. И я унаследовал все, чем была богата моя родня, поскольку я единственный остался жив. Мой старший брат должен был быть офицером при дворе и владельцем замка. А меня они мечтали отправить в монастырь. И я теперь живу и не думаю, там, порвалась — не порвалась связь времен. Да пошли они все!

ГАМЛЕТ. Ты живешь и думаешь — вот мой дом... Мои предки... А оказывается, ни дома ни предков. Моя мать и дядя — убийцы. И у меня тоже задатки убийцы, видимо. Да! Я ведь врача проткнул!

МАРЦЕЛЛ. Да не берите в голову! Те грибы собирали и отправляли к дяде в замок наши слуги, а я подбавил туда в мешок с десяточек сатанинских грибов, которые не отличить от белых. Долго по болотам лазил, даже штаны подрал.

ГОЛОС. Ой! Оуу! Га-га-га про-про-прощай!

ГАМЛЕТ. Папа, я все сделаю! Спи спокойно (*плачет*).

МАРЦЕЛЛ. А еще был случай вчера ночью... Я вас сейчас повеселю. Навестил я Джульетту. Поговорили, чайку попили. Стал я прощаться... Застегнулся, сапоги натянул, пошел... Потом хоп — нет мешочка с деньгами. Оставил, уронил у нее, что ли. Вхожу, о ты господи. У нее уже Горацио под одеялом. Я говорю: «Джульетта, прости, что помешал, но только что мой доктор мне сказал, что я болен нехорошей болезнью... И я понимаю, от кого я заразился. И где в таком случае мой кошелек». А она: «Так ты шо, забыл, ты мне его подарил. Дездемона слышала, правда?» А Дездемона, оказывается, третья с ними в кровати. Говорит: «Своими ушами слышала. Ты сказал: половина мне, половина ей. На излечение». И они обе так серьезно привстали на локтях, как змеи, и глядят. А Горацио натянул на себя простынку. Я говорю: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона, мало тебя душили, чтобы так бессовестно врать». Мешок я у них отобрал, конечно. Видите? (*Показывает руку*.) Я так легонько взял ее за шею, и вот результат. Покусы. Джульетта налетела. А ведь я их искренне любил. И думал, что взаимно. Распалась связь. Ну и что? Все встретимся в аду.

ГАМЛЕТ. Как же он мучается, неотомщенный. Поидем выпьем.

Уходят.

АКТ II

Занавеска, из-под которой торчит носок сапога. Входят ПОЛОНИЙ и ОФЕЛИЯ, идут, останавливаются.

ПОЛОНИЙ. Сколько раз было говорено, слушайся отца. Раз мать от тебя отреклась, покинула своего родного мужа и детей, убралась в ад кромешный... Где все самоубийцы сидят... каковой она и является...

Офелия плачет.

То слушайся отца! Не плачь, я тебе не верю. Та тоже все плакала. Твоя мамаша психбольная. Ты вся в нее, ничего моего, я даже подозреваю, что ты не моя дочь. Слышишь? Тут все дело в том, что ты мной совершенно не дорожишь! Не ценишь своего отца. Если бы не ты, не твое упрямство, я бы уже был отцом вдовствующей королевы, а ты бы сейчас была королева-вдова, поняла? Поняла? От чего ты отказалась, дурья башка? Нет, ты не поняла, я вижу.

Офелия, плача, кивает.

Поняла? Если бы ты меня тогда поняла и легла бы в кроватку тихо дожидаться старого Гамлета, чтобы он пришел, а ты типа спишь голая... У него под одеялом... Старик бы и тронулся разумом, свою Гертруду бы погнал в три шеи (*оглядывается*) в монастырь, женился бы на тебе, и я бы уже давно был бы королевским зятем...

Офелия, плача, кивает.

И никакая бы чертова Гертруда не глядела бы на меня косо, а подметала бы двор своего монастыря! Метлой поганой! (*Оглядывается.*)

Офелия, плача, кивает.

Но уже поздно кивать, говорю тебе. Старик уже все, тю-тю. Подавился как индюк...

Офелия, плача, кивает.

Теперь молодой Гамлет! Если не сопьется через месяц окончательно, можно выйти за него замуж. Королем ему не бывать, но и быть отцом жены принца — это тоже неплохо. Гамлет, конечно, свинья поганая... Вонючий козел... Как и его папаня...

Офелия, плача, кивает.

...но выбирать не приходится. Королева Гертруда тебя, правда, терпеть не может...

Офелия, плача, кивает.

Поскольку считает, что ты все-таки была в спальне старого короля... Хотя тебя там не было, ты сбежала в самый последний момент... как дура.

Офелия, плача, кивает.

Если бы Гертруда тебя застала в постели старого короля, она расценила бы это как попытку захвата престола, за что тебе бы полагался увоз в монастырь! Если бы она, немедленно явившись, тебя бы застала.

Офелия, плача, кивает.

Но перед тем она бы тебя схватила за волосы и сволокла бы на пол. И стала бы бить сапогами.

Офелия, плача, кивает.

Но старый Гамлет, я его знал как себя, он Гертруду бы тогда тут же бы зарубил мечом. Я как раз на это и рассчитывал. Меч у него лежал под подушкой. Если бы Гертруда тебя сволокла с кровати, старый Гамлет что? Бросился бы в Гертруду подушкой, как обычно, и меч бы оказался на виду! Но ты все испортила!

Офелия, плача, кивает.

Теперь Гертруда, понимая, что королем быстренько сделают этого идиота Клавдия, королевского брата, она делает гениальный ход: залезает к нему в койку! Как раз когда он этого не ожидал и крепко спал.

Мало того, тут же входят иностранные послы с факелами. Кто их звал ночью? А я знаю кто!

Офелия, плача, кивает.

Клавдию приходится принимать их на ложе рядом с Гертрудой. Она милостиво всем улыбается, кивает и целует Клавдия взасос куда он не ожидал. В глаз. Пока он вытирает слезы, послы принесли, оказывается, свадебные подарки от своих монархов, какие-то кубки и тазы. Гертруда приглашает всех на венчание завтра утром! Так все и случилось.

Офелия кивает.

Сколько раз было говорено, слушайся отца, раз мать тебя бросила ушла. Клавдий — это тюфяк, набитый ватой. Не женился бы, уперся бы у себя в кровати, стал бы один королем. У меня для него и невеста была подыскана.

Офелия кивает.

Она-то, Гертруда, теперь понимает, что ей в спину дышит наследник! Народ заволнуется, как так. Башмаков еще не износила, а уже опять замуж! И тут кандидат на трон, опять опасность вспухла под боком, молодой Гамлет. Ежели он совсем сойдет с панталыку, к чему дело сейчас неотвратимо катится, то все равно он для народа законный претендент! Монарх, даже самый слабоумный, не может быть объявлен больным, это нигде не принято. Идиотов, психов и

маньяков на престолах нужно терпеть, и Гамлета трогать нельзя. Будет убивать, и ладно, ничего не попишешь, а безнаказанность, как уже отмечалось, рождает невроты. Офелия, хочешь быть королевой?

Офелия пожимает плечами.

Не сейчас, конечно. В будущем. Гертруде-то уже сколько? Она свой возраст скрывает. Летописи переделали. Но я был пяти лет, когда она вышла за Гамлета Первого. Согласно ее теперешнему возрасту по хроникам, ей тридцать пять лет. Но мне-то пятьдесят пять! Значит, ей сколько? Ты схватываешь?

Офелия пожимает плечами.

Ты ничего никогда не схватываешь. Ей уже семьдесят! О! Ты точно как твоя мать, глупа как пробка. Смотрю на тебя и диву даюсь, что ты еще жива. Ты хоть ее помнишь?

Офелия плачет.

Вот! Она тоже всегда слезы лила, как ты. Если ты будешь плакать, то кончишь, как она.

Офелия машет рукой и плачет.

Она оставила меня с ребенком на руках, даже с двумя, плюнула на все...

Офелия упирается лбом о стену.

Ну, ты как она! Офелия, я твой отец, и я голову положу, но сделаю, чтоб ты стала королевой, ясно? Будешь иметь всё... Пальцем покажешь, и это будет твое. Платье, туфли, камни, кареты... Самые изысканные вещи... Все начнут тебе завидовать по-черному. Офелия, все твои подружки... Хочешь?

Офелия отрицательно качает головой.

Ну, дура, ну, дура! Ну вылитая твоя мамаша! Она тоже ото всего отбрехивалась. Хорошо. Поставим вопрос так: ты хочешь, чтобы твоего отца казнили?

Офелия отрицательно качает головой.

Ты хочешь, чтобы с меня содрали кожу с живого, как с того графа?

Офелия отчаянно трясет головой.

Я завишу ото всех. Я со всеми должен соглашаться. Этот дурак Гамлет спрашивает: похоже облако на корову? Отвечаю: похоже. Он: а может, на ворону? Я так: «О, ваше высочество, вылитая ворона». Он считает меня дураком. Как я устал! Офелия, когда ты будешь королевой, ты защитишь своего отца?

Офелия кивает.

Чтобы меня не казнили, как того графа, ужас, с него живого сдирали шкуру, а он кричал... Как маленький ребенок буквально плакал кровью.

Офелия плачет.

Нет? Не позволишь меня казнить?

Офелия трясет головой.

Я же единственный у тебя на свете, ты мой поздний ребенок... Мать твоя преступница, бросила нас с тобой.

Офелия садится на пол, закрывает лицо руками.

У тебя никого нет — подруги есть? Джульетта?

Офелия трясет головой.

Милый друг есть?

Офелия трясет головой.

А Гамлет? Он тебя целовал? Только правду говори.

Офелия кивает после паузы.

Хорошо! А где? Где, куда он тебя целовал?

Офелия показывает на щеку. Потом на правую руку.

Но ты его избегай.

Офелия кивает.

Не позволяй трогать тут и тут.

Офелия не смотрит, кивает.

И тут.

Офелия не смотрит, кивает.

А особенно тут.

Офелия не смотрит, кивает.

Офелия, меня не тронут, только если ты будешь женой Гамлета, поняла?

Офелия кивает не глядя.

Что бы он тебе ни сказал, запоминай и мне все говори, я буду тебе советовать. Каждая юная девушка нуждается в советах. Но Джульетте и Дездемоне ни слова! Немедленно все будет известно всему Датскому королевству. Ясно? Только мне! Я все тебе объясню, чего хочет Гамлет, ясно? Я знаю, чего он хочет. Но ты ему это не давай. Пусть побесится.

Офелия кивает.

Ты же дура?

Офелия кивает.

Ты же не понимаешь, как вообще жить?

Офелия кивает.

Ты же не знаешь, зачем ты живешь?

Офелия кивает.

Зачем солнце восходит каждый день?

Офелия кивает.

Что такое жизнь вообще?

Офелия пожимает плечами.

Я быстро тебе отвечу на главный вопрос: человек, это тот, кто живет для других.

Офелия кивает.

Я живу только для тебя! Чтобы ты стала королевой и тебя бы никто не посмел похоронить в позорном месте вне ограды кладбища, как закопали твою мать...

Офелия плачет.

Я живу для тебя! И ты будешь человеком, если будешь жить ради других. Поняла, нет?

Офелия кивает.

Ты тогда будешь человеком, когда станешь жить ради меня, поняла, нет?

Офелия кивает.

Нет, ты словами скажи. Поняла вопрос?

ОФЕЛИЯ. Да.

ПОЛОНИЙ. Слава богу. Что ты поняла?

Офелия молчит.

Ради кого?

ОФЕЛИЯ. Что?

ПОЛОНИЙ. Ради кого ты живешь?

ОФЕЛИЯ. Ради кого?

ПОЛОНИЙ. Да.

ОФЕЛИЯ. Ради Бога.

ПОЛОНИЙ. Но это во-первых.

Офелия кивает.

А во-вторых?

Офелия кивает.

Ты ничего не ухватила. Ты почему ничего не ухватываешь? Я второе лицо в государстве и попусту разоряюсь, да?

Офелия кивает.

Смотри, ты кончишь как твоя мамаша-самоубийца.

Офелия кивает, плачет.

Нет! Нет, нет! Моя маленькая! Моя ты рыбонька, котенок! Нет! Нет! Давай договоримся, что ты уйдешь только после меня, а? Не бросишь меня, а? Моя единственная! Душенька! Солнышко мое!

Офелия с воем кидается к отцу на шею.

Ну-ну, ну-ну. Я тебя люблю (*отстраняет Офелию*). Я и маму твою любил... Если честно, то да. Поняла?

Офелия кивает.

Просто мужчинам же нужно познавать мир, понимаешь? Мужчина должен познать всё! Всё испытать на себе! И тогда он поймет, что семья это главное. Ты поняла ход моих мыслей?

Офелия качает головой.

Ты ничего не думай! У меня болит в сердце ее имя.

Офелия воеет.

Ну-ну. Мы остались с тобой вдвоем против остального мира. Твой брат меня не достаивает вни-

манием. А это ведь я его родил! Без меня его бы не было. Его мать... ладно, о ней или ничего, или хорошо. Будем ничего. Итак, вопрос относительно Гамлета. Быть или не быть, он всем задает. Вот из зэ кушчен. Поняла?

Офелия кивает.

Нет?

Офелия качает головой.

Я тоже размышляю. На такой двойной вопрос ответ может быть только один, «да». Это маленькая такая хитрость. Быть или не быть — отвечай «да»! И никто ничего не возразит. Дать или не дать — тоже «да», но с уточнением «когда поженимся, тогда».

Офелия кивает.

И они думают, что тот, кто такие вопросы ставит, он какое-то выдающееся явление. (*Передразнивает.*) «Быть или не быть».

Офелия кивает.

Молодец. О, сюда Гамлет ковыляет.

Офелия вздрагивает и кивает.

Опять пьяный вусмерть. И со шпагой. Идем, идем, дочка.

ОФЕЛИЯ и ПОЛОНИЙ уходят. Из-за портьеры вылезают КУУСИНЕН, ПЕЛЬШЕ и ЗОРГЕ.

ЗОРГЕ. Видал, как он над девчонкой изгаляется? А девочка хорошая. Только молчит и кивает. Мне это нравится.

КУУСИНЕН. Да уж. Не то что эти Джульетта и Дездемона, продажные бабы.

ЗОРГЕ. Нашему принцу Фортинбрасу вот такая бы была нужна невеста! Молчит и кивает! Он ведь просил нас найти что-то подходящее. Такую, как Золушка. Чтобы молчала. Дома ни одной не повстречалось ему. Как познакомятся с ним, так трещат беспрерывно. Бала-бала-бала! Всё они знают! Обо всем имеют мнение! Норвежки!

ПЕЛЬШЕ. Да, норвежки...

ЗОРГЕ. А все-таки ему сорок! Нервы-то не выдерживают. Давай ему Офелию украдем?

ПЕЛЬШЕ. Так догонят. Казнят.

ЗОРГЕ. А мы ее чучело сделаем и как будто она бросилась в реку — и утопим! И похороним якобы!

ПЕЛЬШЕ. Да! Это мысль! Но как же чучело дойдет до реки?

КУУСИНЕН. М-даа...

ПЕЛЬШЕ. Куусинен, ты играл у нас Снегурочку?

КУУСИНЕН. Ну.

ПЕЛЬШЕ. И Бабу-ягу?

КУУСИНЕН. Ну.

ЗОРГЕ. А девочку надо бы спрятать. А то Гамлет ее трахнет. А нам она нужна как была. Невеста Фортинбраса должна быть о-го-го какая!

КУУСИНЕН. Ну.

ПЕЛЬШЕ. Зорге, ты спрячешь Офелию там, в лесу, где мы жили перед тем. Куусинен, ты будешь у нас Офелией.

КУУСИНЕН. Чего-о?

ПЕЛЬШЕ. Тебе всегда удавались женские роли. Ты просто гений. Я тебе не говорил? А ну, покажи Офелию?

Куусинен кивает, потупившись. Потом начинает рыдать, накрыв голову подолом рубахи.

ПЕЛЬШЕ. Ну-ну. Не верю. Не переигрывай. Поработай над образом. Пройдись. О! Вот как раз.

Вынимает цветы из вазы, дает их товарищу. Срывает белую портьеру, накрывает ею Куусинена с головой.

КУУСИНЕН. Да, папа *(семенит с цветами в руке)*.

ПЕЛЬШЕ. Потанцуй, ну тот твой танец. Спой «Любила я цветочки».

Куусинен танцует и поет. Входит Гамлет.

ПЕЛЬШЕ. Офелия! Разрешите вас проводить отсюда вон!

ГАМЛЕТ. Куда, куда! Офелия, о, ниф... Это. О, нифа... Нет. О, фимпам... пам-пам...

ЗОРГЕ. Так. Ну, развлекайтесь. Пока то, пока се, я пошел похищать Офелию. А ты, Куусинен, сразу сходи с ума.

ПЕЛЬШЕ. Тише ты.

ЗОРГЕ выходит.

ГАМЛЕТ. Куда, куда! Офелия, о, ниф... Это. О, ниффа... Нет. О, фипма... (*обнимает колонну*).

ПЕЛЬШЕ. Это не Офелия, вот это она.

КУУСИНЕН. Да, мой принц. (*Поет.*) Поо-олюбила я цветочки, полюбила я горшки. Полюбила я, и точка, до кружения башки.

ПЕЛЬШЕ. О, нимфа, мой принц.

Куусинен танцует.

ГАМЛЕТ. Почему я раньше не видел, как ты танцуешь? Иди ко мне. Я люблю, когда танцуют.

КУУСИНЕН. Да, мой принц.

ПЕЛЬШЕ. Мой принц, она сумасшедшая. Стой, ненормальная! То танцует, то молится. То поет. Я ее веду к врачу.

КУУСИНЕН (*поет*). Я цветочек подарила, кто мне дорог и любим, свою дверочку открыла, я уеду вместе с ним.

ГАМЛЕТ. О! Как поет!

ПЕЛЬШЕ. А танцует как!

ГАМЛЕТ (*пытаясь схватить Куусинена*). О, пниффа, помяни меня в своих молипфах...

КУУСИНЕН (*уворачиваясь*). Помяну. Щас в храме и помяну, мой принц.

Гамлет бегаёт за Куусиненом.

ПЕЛЬШЕ (*заслоня Куусинена*). Пойдемте, крошка. Все молится она и молится, мой принц. Танцует

и танцует. Стой на месте! Ну никак не сладить с ней. Больная. Пляска святого Витта называется.

ГАМЛЕТ. Потом приведи ее ко мне. Через час... Нет (*смотрит на свой живот*), через два.

ПЕЛЬШЕ. О. Это воспрещено.

ГАМЛЕТ. Мне можно (*вынимает шпагу*).

КУУСИНЕН. Да, мой принц, я приду через два часа (*танцует*).

ПЕЛЬШЕ (*уводя Куусинена силой*). Приведу ее к вам, вот помолимся, и всё. Немножечко спустя.

Примечание автора. Далее (как у Шекспира) идет сцена сумасшествия Офелии, которую играет накрытый с головой Куусинен, и он, танцуя, достает ладонями из своего ночного горшка и съедает оттуда всё и затем обливает себя чем-то из этого горшка поверх покрывала (все режиссеры делают сцену сумасшествия Офелии очень романтично, а сумасшедшие вообще-то безобразны). Куусинен потом бросается в воду и уплывает, дыша через тростинку, а хоронят актеры куклу. И в конце пьесы, когда на сцене гора трупов и въезжает на палочке Фортинбрас с войском, Пельше предъявляет ему живую Офелию со словами «совет вам да любовь». Офелия плачет.

НЫНЕШНИЕ СКАЗКИ

ПОДАРОК БАБУШКИ

Жила-была одна принцесса. По-местному ее как-то иначе называли, но сути дела это не меняет.

Причем принцесса была очень хорошенькая, а данное качество есть большая редкость в королевских семействах, где у наследников если что и идет в рост, так это челюсти и носы, а остальное — лобик, глазенки там, бровки — остается аристократически маленького размера.

И эти параметры передаются мало того что из рода в род, но и из страны в страну, поскольку все короли так или иначе становятся родственниками, а на ком же еще им жениться? Узок круг этих аристократов, страшно далеки они от народа.

И слава богу, а то такое начнется, что мало не покажется.

Об этом в нашей сказке и пойдет речь.

Короче: жила-была принцесса, повторяем, очень хорошенькая, длинноногая как высоковольтная мачта, тихая как цветочек, скромная как белый гриб. Все понятно?

Для непосвященных объясняем, что именно такие идеальные девушки, сдержанно, но очень дорого

одетые, волосок к волоску причесанные и обутые как первоклассницы — именно они остаются в одиночестве.

Женихи их стесняются и даже опасаются. Существа мужского пола, те, обычные, то есть грубые, неотесанные и выпивающие, с животами и стрижками под ноль, которые отличаются тем, что утром не могут найти второй чистый носок, они никогда даже и не надеются заинтересовать такую идеальную девушку. И ухаживать за ней не будут они.

Эти самцы — они вроде лягушек, высовывают язык на все, что само в глаза кидается. На все так называемое «крутое», то есть яркое и блестящее.

А те существа мужского пола, которые хороши собой, правильно одеты и посещают фитнес-клубы, они ведь сами, если говорить прямо, похожи на цветы, или на голых хохлатых собачек, или на котов-экзотов (в крайнем случае на рыбок-пираний), и они сами нуждаются, чтобы за ними правильно ухаживали.

Разве что, как говорят в народе, им придет край. То есть они любят.

Стало быть, на тридцатом году жизни, закончив две аспирантуры (по классу композиции и теории музыки, это раз, и по искусствоведению, два) и поступив на факультет этнографии, наша принцесса тяжело задумалась над своей женской судьбою.

В наличии, если говорить о неженатых кандидатурах, было несколько принцев в Европе, сто пятьдесят примерно семь сыновей шейхов и три сына разных русских миллионеров со знанием английского в объеме средней школы, а также имелся ближайший со-

сед, сынок одного мусульманина, чье состояние было несметным, так как исчислялось в гривнах.

С этим парнишкой принцесса часто встречалась на скверике, закрытом для посторонних, где выгуливала своего королевского шпица, но пока что познакомились только их собаки. Что не мешало парню болтать с принцессой, хотя она ограничивалась в ответ лишь легким движением бровей. Трепался он по-русски, не обращая внимания на то, что девушка местная и языка может не знать.

Существовали также другие кандидатуры, например, несколько молодых балканских и закавказских царей, пока что не взошедших на престол.

Но: европейские принцы были неприлично избалованы еще с детства, их воспитали папарацци, поскольку каждый шаг такого принца сопровождался щелканьем камер, и это не могло не повлиять на данного среднестатистического принца, на выражение его лица, а также на его поведение. Ну и на душу тоже, что бы ни подразумевалось под этим словом.

Наследники же султанов и шейхов были женаты примерно с тринадцати лет (а что ребенку терпеть, если у него уже борода?) и в дальнейшем могли выбирать. С этой целью они повсюду шуровали как советские менты в поисках призывников, ища пополнения для своих гаремов.

Их автомобили из чистого золота, покрытые для маскировки черной эмалью, ездили в сопровождении эскорта мотоциклов и вереницы микроавтобусов с тонированными стеклами, в которых этих экипажах, по некоторым сведениям, перевозились кандидатуры в гаремы.

Русские дети миллионеров (или миллиардеров?) тоже аристократками не интересовались (потомки большевиков, младших научных сотрудников, спекулянтов и цеховиков, простонародье, короче говоря. Что с них взять?).

Их вкусы ограничивались заслуженными девушками из поп-музыки и пип-бизнеса, а также топ-моделями любого возраста.

Так что наша принцесса (дедушка, эрцгерцог Луи-Филипп, назвал ее в честь библейской царевны именем Яэль, что значит «решительная», «твердая») — наша Яэль пребывала в приблизительном одиночестве. Приблизительном потому, что у нее, как у каждой принцессы, был свой двор — визажисты, врачи, тренеры, модельеры, неизвестные кинозвезды и интернет-поэты, пара гуру, один из которых повсеместно показывал цирковые фокусы с доставанием из воздуха бижутерии — и несколько фронтменов пока еще не продвинутых групп. И, разумеется, отряд (или табун, или отара) папарацци.

Мама звала ее Ляля.

К описываемому моменту принцесса Ляля пребывала в печали. Ее отец в конце концов самоопределился со своими нетрадиционными склонностями и ушел от Лялиной мамы.

Причем (гром с ясного неба!) папа ушел к своей бывшей школьной учительнице, которую он любил, как внезапно стало ему понятно, с девятого класса. Типа ему на глаза попался школьный дневник и нахлынули воспоминания. И возник вопрос: свою ли жизнь мы проживаем?

Эта старушка, его любовь, была отъявленная хиппи, помнила времена Вудстока, отрастила в честь этого локальную бородку как у академика Курчатова, отца русской атомной бомбы, и выступала за свободу в отношениях учителей и учеников (филопедия или педогамия, даже педо-полигамия: такое ответвление геронтофилии).

Опозоренная Ляля перестала ходить на презентации и премьеры, хотя именно в этот период ее приглашали на расхват, и толпы чужих папарацци осаждали резиденцию принцессы, так что собственные папарацци, вообще не выносящие наездов, кидались защищать свою твердыню и оплот, и по утрам приходилось вызывать мусороуборочный комбайн, чтобы после сечи вывозить осколки объективов и лобовых стекол, погнутые видеоискатели, порванные шапки, одиночные перчатки, непарные кроссовки и покореженные мотоциклы.

И надо же такому случиться, что именно перед Рождеством, в это святое для всех время, девушку посетила с визитом сестра отца, которую мама Ляли всегда называла «злая золовка».

Золовка, принцесса Готская-и-Панамская, приехала в двенадцатидверном лимузине. Не то чтобы она была очень богата, просто бойфренд ее сына владел свадебным гаражом и время от времени позволял старушке пользоваться эксклюзивными экипажами. Предыдущий раз она приезжала на четверне цугом в розовой карете (для лесбийских брачующихся). Кони выступали в белых наколенниках и черных плюмажах, кучер женского пола в цилиндре, а старушка грум в зеленой ливрее!

Тетка Панамская прибыла, и безработные папарацци выскочили из машин, где грелись, и тут же воспряли духом, обрадовались, вытащили аппаратуру и буквально исцелкались, поскольку принцесса Ляля давно не выезжала наружу, заработка не было.

Оставшись с Лялей с глазу на глаз (обе свиты принцесс деликатно удалились в гостиную к бару), тетя сделала заявление.

— Яэль! — сказала она, даже без обычного в светских кругах слова «dear» и не произнеся ни одного из имен племянницы (Анна-Эрих-Мария-Аруэ).

— Да, dear тетя, — вежливо, но с прохладцей откликнулась бедная Ляля.

— Во-первых, я тебе как бы не тетя, — заявила тетя.

— Как это, dear тетя?

— Как это? Так это! Мой бедный больной брат, ментально больной, подчеркиваю, и давно уже, то есть полностью ушибленный на голову, что и подтвердилось только что, — он тебе не отец!

— Уау, — с легкой улыбкой, но довольно холодно сказала Ляля. — Это неплохо.

Ее голос, поставленный в швейцарском пансионе, не дрогнул. Девушку там натаскали говорить со всеми как со слугами: приветливо, но с оттенком долготерпения.

Бывшая тетя величаво продолжала, не обращая внимания на все эти ухищрения простонародья, пытающегося быть наравне:

— Наша бедная мама, принцесса Панамская-и-Мыса Горн, сразу, увидев тебя, сказала: «Все правильно, все верно, ребеночек не наш!» Вот из роддома

привезли тебя, вернее вас двоих, мы посмотрели — ни нашего носа, ни подбородка, ни-че-го! Мы же Габсбурги по двоюродной линии! У нас у всех глаза-то нормальные! А не то что у тебя, растарашенные.

И бывшая тетка посмотрела на Лялю своими слезящимися, как у бультерьера, глазками.

— И ты вообще,— заявила далее бывшая тетя,— не имеешь отношения к наследству дедушки Луи-Филиппа Первого! И это теперь не твоя резиденция! Уезжай отсюда, сроку тебе двадцать четыре часа! С собой брать разрешено только один чемодан, ясно? А ну лизни! Давай, давай!

И она сунула Ляле прямо в зубы кусок бумажки.

Вежливая Яэль приоткрыла свой розовый рот, просунула язык между безупречными жемчужными зубами и неуклюже лизнула противную бумажку.

— Ну хоть это,— кивнула себе бывшая тетка, сунула бумажку в пробирку, встала и пошла вон со словами:

— Генетическое тестирование!

И что же? Через три дня в желтых газетах появилось сообщение: дочь принца Луи Второго его дочерью не является. И он начинает бракоразводный процесс.

Прилагались фотографии всех членов семьи и фото принцессы, категорически не похожей ни на кого из них.

Под окнами Яэль снова произошла бойня между своими папарацци и понаехавшими посторонними фотовидеоварягами.

Ляля, которая к тому времени приготовила рюкзак (чужой чемодан она брать не хотела, а этот рюк-

зак давно еще приобрела на собственные деньги, когда удалось преодолеть сопротивление семьи и устроиться официанткой на Багамах),— итак, бедная Ляля в последний раз повела выгуливать своего королевского шпица, который тоже уже не являлся ее собственностью.

В частном сквере Лялю приветствовал сын гривенного мультимиллиардера, который сказал по-доброму:

— А хошь, принцесса, переезжай до нас, до хаты? У меня у Оксанки та Одарки кончились визы, воны уйихалы взад у Полтаву, так шо внизу е комната с душем. С дивчинами з усими моими будешь тамо. Олл инклюд, питание включено. Телевизор. Ххорилка нон стоп. Ну шо?

— Ну ты, отстой, блин,— ответила Ляля ему впервые.— Иди на хутор лесом да покосом, врубаешься? Уррод.

Ошарашенный Грицько остался стоять с открытым ртом.

И прогуливающийся неподалеку посторонний гарем, высокорослая толпа одетых в черное моделей, заржал.

Откуда-то они знали русский!

Из прорезей их паранджей (или чадр) вылезали, как иголки из упакованных елок, ядовито прищуренные накладные ресницы.

Бедная Ляля вернулась к себе и увидела, что подъезжает кабриолет мамы.

Папарацци, жуя, выскакивали из машин.

Девушка сразу вспомнила, что мама недавно предлагала ей тоже наклеить ресницы у своего виза-

жиста, который насобачивает их сразу на три месяца! И в доказательство мама похлопала своей черной бахромой.

Но Ляля тогда только вежливо улыбнулась.

Во-первых, ни одна девушка не хочет быть похожей на свою мамашу, это может привидеться ей только в страшном сне!

Во-вторых, хороша бы она была сейчас, бомж в макияже.

Мама Ляли приехала озабоченная и сразу пошла в атаку — как всегда, когда чувствовала себя виноватой:

— Ну ты че? Вообще не звонишь, блин. Я тут болела, лежала, хоть бы дочечка родная поинтересовалась, где там мама подышает. Ты прям как эта... Ну ладно, привет, чмоки-чмоки.

И они прикоснулись щеками друг к дружке.

— Кстати, мама, а кто мой отец? Ну, я имею в виду, мой настоящий отец?

— А, ты об этом,— рассеянно отвечала ей мама.— Да не бери в голову. Липа это у них, какая-то бумажка. Дали уборщице лизнуть. Ни один суд это не примет. Я приехала тебе сказать, чтобы ты не волновалась и жила бы тут спокойно. Мои адвокаты уже отправили новый твой мазок на анализ.

— Че-го? — изумилась принцесса.

— Да я взяла у Давки, когда он пьяный валялся в Сольманоре. У Давида. Удался весь в дедушку Вову-алкаша. Живи здесь. Никто тебя не гонит. Еще чего! Муж на развод подает!

Тут надо пояснить, что Давид Луи-Филипп Третий был младшим братом принцессы Ляли и обла-

дателем всего что полагается, носа, подбородка и габсбургских глаз. И наследственности со всех сторон.

— Луи мне теперь хорошенечко заплатит за этот развод,— провозгласила мама с порога.— Давид-то его сын! Только посмотреть на этого папаню! Уму непостижимо! У нас под Барнаулом на стенде «Их разыскивает милиция» и то таких нету. Лицо по седьмую пуговицу!

— А кто мой отец-то? — снова спросила бедная бывшая принцесса.

Мама ответила загадочно:

— Не одна я в поле кувыркалася, не одной мне ветер типа в спину дул... Не обращай на них.

— Но все-таки? На кого-то я похожа?

Мама горестно усмехнулась:

— Спасибо и нашим и вашим, и мордве и чувашам.

Ляля, помолчав, сменила тему:

— Тетя заявление тут сделала...

— А какой с нее спрос? Клок волос. И то неохота с ней вступать. Гребостно даже разговаривать. Перетопчешься с каким знаком пишется?

Мама на чужбине сильно тосковала по родному языку и только в беседах с дочкой отводила душу.

— И отца тебе, Лялечка, нечего теперь искать. Эта пропажа у дедушки в штанах.

— Ну, спасибо на добром слове...

— И тебе на здоровье, носи да не стаптывай. Слушай, я на Рождество уезжаю со своим новым тренером, ты его не знаешь, еду знакомиться с его мамочкой... В Рио-де-Жанейро. У Мануэля, оказывается,

брат бандит. Ты представляешь? У меня ведь тоже двоюродный братан Славка. Ну ты помнишь, мы ему посылки в зону собирали, сухую колбасу и тушенку. Ты еще конфеты свои положила, которые тебе подарили. Он опять тут сел. Его подставили, поняла?

Ляля не поняла, но из вежливости кивнула. Мать продолжала:

— А белые кожаные шорты я все же, думала-думала, купила. Потом покажу видео. На Новый год, представляешь, там в Рио все выходят на пляж, Копакабана называется, три миллиона людей, свечи жгут, пьют, обнимаются, не знаю, танцуют... (Тут у нее в голове, видимо, перещелкнуло.) И что же? Хоть Славкина жена меня не принимала, обзывалась, я ей сейчас послала денег. Пусть выпьет за мое здоровье в Новый год под этого... как его... Кто у нас там президент... (Она немного подумала, но потом махнула рукой.) На Богом обиженных, знаешь, не обижаются. Что она в своей жизни видела? Я тебе говорила, что купила белые шортики Дольче Габбаны? Знаешь, да, забыла, Славкиного отца дядю Диму недавно в дровах нашли. Замерз. А что, выпил с горя... Сына сажают, че не выпить? Я его понимаю. Мы Славке в тюрьму не написали. И так человек переживает. Но, представляешь, три миллиона на пляже? Толкотня какая. А ты куда на Рождество?

— Да зовут одни друзья в Альпы.

— Ну, тогда с наступающим!

Они приложились друг к дружке щеками, и мать поцокала к выходу позировать папарацци — длинноногая, 100—65—100, златокудрая, загорелая, под-

тянутая (в области шеи и подбородка), оформленная везде где надо. Мэрилин Монро! А не эта жилистая грузчица Мадонна.

И всего на шестнадцать лет старше своей дочери...

Принцесса проводила ее в раздумье.

Тут пришла пора набросать краткий очерк предыдущей жизни ее мамы, принцессы Татьяны Луи-Филипп.

* * *

Бедная мама Таня прожила много лет буквально в неволе. Перед тем она была объявлена королевой красоты в одном из домов культуры в городке под Барнаулом, а туда же, в эту местность, под Рождество записался с какой-то миссией мира посол ЮНЕСКО принц Луи-Филипп Второй, и всех победительниц местных конкурсов (хоть танцевальных, хоть песенных, хоть шахматных) согнали встречать его в аэропорт. Татьяну, как самую высокую, нарядили в кокошник, фату и сарафан почему-то до пупа (одежда была изъята впопыхах не у ансамбля народного танца, в котором занималась Татьяна, а из реквизита другого коллектива, находящегося на том же складе Дома культуры, то есть из ящиков ансамбля эстрадного танца «Мулен Руж»). А на длину сарафана не посмотрели. Тане пришлось мчаться домой и поддевать под это дело свои блестящие шортики. И привязную косу она добавила тоже от себя.

Пятнадцатилетняя Татьяна в этом диком наряде произвела на принца душераздирающее впечатление. Он не желал прерывать их первого рукопожа-

тия и вообще вел себя с ней как козел в капустном поле.

Он подарил Тане сотовый телефон с уже записанным для начала своим номером. Он также спьяну подарил ей шестисотый «мерседес», на котором их возило местное начальство, причем чужеземец деликатно испросил согласия властей и получил его. Правда, после отъезда принца «мерседес» из Таниного двора угнали. Отец Тани долго ругался, но в милицию не пошел, запил.

Через полтора месяца Таня послала принцу по его мобильнику sms по-английски со словами «я беременна». Она долго учила это выражение, выисканное на компьютере в Интернет-кафе. Ни дома, ни в школе ничего не должны были знать. А то одноклассники порежут на дискотеке с криком «ты больше красивая отсюда не выйдешь». Ай эм вери сорри, Луи-Филипп, ай эм и так далее.

Принц, все это время мечтавший о районном центре под Барнаулом как о потерянном рае и не находивший себе места на проклятой отчизне, вылетел как мог быстро. Свадьбу играли в том же Доме культуры. То есть во дворце с колоннами, в привычной для принца архитектурной обстановке, только мужской сортир быстро обложили кафелем и заменили порыжевшую сантехнику. «Мерседес» был предварительно возвращен в Танин двор, молодых провожали в аэропорт всем начальством. И перед отлетом у руководства города с Таней был в сторонке серьезный разговор насчет поддержки местного бизнеса. Плачущую мать вежливо оттеснили, пьяного отца вообще увезли домой от греха подальше, он все но-

ровил вывести руководство на чистую воду (за угон «мерседеса» из-под окон, за взятки и прочие хорошие дела).

А следующие десять лет Таня провела в замке Сольманор, в ста километрах от ближайшего городка, в компании садовников, горничных и шоферов. Муж приезжал на уик-энд и то не всегда. Слуги были снобами (как известно, сноб этот тот слуга, кто умеет выражать презрение в адрес хозяев, ничего не выражая).

Имелся четкий режим дня: утром холодрыга, горничная раздвигает шторы, кофе в постель, душ, прогулка верхом в любую погоду, гонг, ланч, учительница языков, три часа в спортивном зале, гонг, ужин, все свободное время с приносимым из детской ребенком. Отбой в десять.

Таня ночами трепалась с родными и друзьями по телефону и, плача, смотрела в Интернете барнаульские новости.

Через пару лет проживания в замке строгого режима Таня упросила мужа выписать ей из-под Барнаула родителей.

Отец по приезде никак не мог привыкнуть к отсутствию водки и родного портвешка, а потом случайно, бродя по замку, узнал о погребах. Через год, выйдя из очередного запоя, он потребовал обратный билет, чтобы не умереть на чужбине в одиночестве, да еще и в подвале. Он кричал: «В стране пять миллионов алкоголиков. А выпить не с кем!» Дома его с распростертыми объятиями ждали друзья и подружки — и во дворе, и в родимом НИИ, где он вкалывал старшим научным сотрудником.

Мама Нина выдержала дольше: во-первых, здесь дочка и любимая внучка, во-вторых, она учила язык хинди. Поскольку тут у нее, у сибирской красавицы, вдруг завязалась сердечная дружба с землекопом-индусом, который на поверку оказался бродячим философом, йогом и вообще гуру. Он не пил, не курил, был молчалив, ел только рис, одну горсть в день. Он был борцом за права тибетцев и иногда летал, но пока что недалеко.

Мама Нина все мрачнела и мрачнела. Земляные работы должны были вот-вот закончиться. Индус увольнялся и уезжал домой.

Наконец она сказала дочери:

— Мы с Лалом решили в Непал пока что. Денег мне не нужно, он заработал.

— А у меня и нету,— заплакав, отвечала дочь.— Луи не дает.

— Лал монах. Сказал, будем ходить по дорогам, просить.

Дочь посмотрела в Интернете насчет погоды в тамошних горах и отдала маме золотую цепочку от крестика, кольцо с бриллиантом («Луи скажу, что потеряла»). А также она купила якобы себе для занятий спортом теплый, с начесом, шерстяной спортивный костюм на четыре размера больше, а также кроссовки.

Мама уезжала, таким образом, с приданым.

Перед отъездом мама Нина подарила внучке Ляле какой-то старый, обшарпанный мобильник и сказала: «Это телефон Лала. Понадобится — звони по нему».

Внучка с вежливостью приняла этот странный сувенир.

Татьяна с дочкой старались не плакать.

Бабушка Нина уехала.

Сначала девочка звонила, бабушка отвечала каким-то чужим, гулким голосом, говорила коротко. А потом как-то стало не до того.

И телефончик переключался в кладовку, в специальный ящик для благотворительности.

Едва Яэль исполнилось десять лет, ее отправили в закрытую школу при швейцарском монастыре.

Но вот когда девушка вернулась, маму Таню было не узнать. Она перебралась в столицу, оставив малолетнего сына на няnek и горничных, и жила как в родном городке — пила, курила, ходила по ночным клубам в подозрительной компании, превратилась в гламурную персону и постоянного персонажа желтой прессы, дралась с папарацци и закончила тем, чем заканчивают все безграмотные красавицы, — стала модным дизайнером.

Местный народ почему-то полюбил Таню — может быть, за эту горестную Золушкину судьбу и за то, что она сумела обрести свободу. Во всяком случае, репортажи о ночных приключениях Татьяны Луи-Филипп обожали читать ее ровесницы, задавленные цивилизацией.

Муж терпел и не выступал, поскольку она его не трогала и денег у него не брала. Развод бы стоил ему дороже! Тем более что он втайне надеялся на трон (а вдруг все вернется?).

Что же касается его жены, то кормить, одевать и катать на самолетах и яхтах такую экзотическую красотку желал каждый нефтяной король. Она же в них как в мусоре рылась, отбирала с презрением.

Такова история вопроса и краткая генеалогия нашей принцессы.

* * *

Не то чтобы дочь Тани стояла теперь с рюкзаком в ногах и скрупулезно вспоминала предыдущую жизнь матери. Эта жизнь, прошлое нищей барнаульской девчонки, сидела в ней как заноза, постоянно.

Отсюда, позволим себе предположить, и проистекал тот холодный аристократизм, которым бедная принцесса закрывалась от светских снобов и кое-как ведущих себя носатых родственников.

И что же? Куда теперь девать этот аристократизм?

Ныне она была как нищий Иов, как подлинно библейская героиня девушка Яэль, против которой ополчился весь мир, начав генетическое расследование...

И все это прямо накануне Рождества!

Раньше она хоть могла поехать в родной замок, в свою ледяную комнату в боковой башне, спуститься к гостям, получить подарки. Вспомнить деда, бабуку... Любящих, родных людей, которые устраивали ей настоящий Новый год и нетрезвого деда наряжали Дедом Морозом, а бабушка пекла пироги с капустой.

Бабушка Ниночка!

Ляля кинулась в кладовку и, раскидав все, нашла старый ящик для благотворительности, но там ничего не оказалось.

И тут раздался громкий треск, как будто тряслась железная коробка.

Телефон лежал и трезвонил под свалкой книг. Яэль его не сразу обнаружила.

— Алло!

— Лялюша!

Бабушкин голос — далекий, гулкий, слабый.

— Баба? Ты где?..

— Я в горах,— отвечал нечеловеческий, равномерно звучащий среди какого-то эха голос.

— А где, где? Я хочу приехать! На Рождество хочу к тебе!

— А я, доча, я между Индией и Непалом, на дороге. Снег идет. Ветер. Горы внизу. Я нища теперь, нища, снег, ветер...

— Я к тебе, я с тобой, бабуля! Я тебя люблю! — заплакала Ляля.

— Ну приезжай. Оденься получше, я вот замерзла... Птицы, птицы тут.

— Я привезу тебе всё!

Тут связь прервалась.

Ляля вышла на улицу. Папарацци растворились в холодном воздухе, как призраки прошлого. Видимо, они уехали вслед за кабриолетом мамы Тани.

* * *

Через четверо суток замерзшая Яэль (напоминаем, что в переводе с библейского это имя означает «решительная») плелась вслед за проводником по ледяной горной тропинке наверх, в конец тибетской деревни. Уже стемнело. Бабушка больше не отвечала, может быть, у нее кончились деньги на телефоне.

Проводник втащил рюкзак Яэль в дверь почерневшего от старости каменного дома, втянул саму Яэль, получил от нее плату и сгинул. Оставалось подойти к хозяину, взять ключ и лечь спать. Четверо суток почти без сна. Самолет на Франкфурт, шесть часов до Дубаи, пять до Мумбаи, железная дорога, автобус, холодный джип.

Бабушку в Индии ей найти не удалось.

Теперешний отель стоял как раз на границе Индии и Непала, дальше дорога шла все выше и выше, к пятитысячникам.

Хозяин отвел бывшую принцессу на второй этаж в ее низенькую, беленную известью клетушку, показал удобства в коридоре (бетон, дыра внизу и душ над дырой), а затем исчез.

После всех вокзалов и придорожных монастырей комнатка была просто раем.

Яэль села на кушетку и заснула.

Проснулась она от жуткого грохота. За окном пустили ракету. Было очень холодно.

Рождество, стало быть! Ничего себе праздничек.

Надо было спуститься вниз, хоть выпить горячего кофе.

Яэль, тяжело топая в своих навороченных, шипованных горных ботинках, вышла в холл.

Это была довольно большая низкая комната с барной стойкой и открытым очагом. Повсюду на полу сидели люди, велись неспешные разговоры. Все были одеты, как Яэль, и, наверно, она тоже выглядела как они. Во всяком случае, ничем не выделялась — и никто не обратил на нее внимания.

Слава богу.

Мало ли, гостиница, все друг другу чужие, и она как все, а то, что сейчас праздник,— вот люди и спустились вниз. И она спустилась.

Яэль заказала кофе, хозяйка кивнула, достала жестяную мерку на длинной ручке, погрузила ее в жестяную кастрюлю с черной бурдой и налила это пойло в пластиковый стакан.

С кофе в руке Яэль стала искать себе место. У огня все было занято. Пришлось сесть под стеной, в углу, там на возвышении нашлось свободное место, небольшая приступочка. Ноги девать было некуда, они болтались. Принцесса подтянула коленки к подбородку, кое-как угнездилась. Но хорошо хоть удалось вообще где-то сесть в этом последнем месте на земле.

Яэль оказалась как бы над людьми, сидящими на полу, на пенках и подушках. Там по рукам ходили бутылки, там раздавался тихий смех, народ перешучивался.

Тихо-тихо Яэль стала пить то, что называлось кофе, опустив голову, чтобы ни на кого не смотреть. Взгляд — это тоже как просьба, в нем многое читается. Вечное одиночество в толпе, всегдашняя судьба принцессы. Нет, какой там принцессы, немолодой русской девушки на чужбине. Конец мира, конец жизни.

Как стыдно быть одной, никому не нужной в праздник, и еще позорней пытаться с кем-нибудь заговорить. Тем более что невымытые руки... И наверняка грязное лицо. Нечесанные волосы. Заспанные глаза.

Нища, нища. Бабушке-то лучше, она знает свою дорогу, за ней монастырь, люди, которые ее ждут.

Найти бы бабушку, ходить с ней, собирать милостыню. Все же не одна.

Бурда была горячая, даже сладкая, и все-таки отдавала кофе. Жар и запах горящих поленьев от очага, пламя свечей по стенам, тихие разговоры, сладковатый табачный дым, стелющийся под потолком...

«Ну вот я и пришла, хоть сюда. И хоть такое, но Рождество. И я не одна. Кругом люди»,— подумала растроганная Яэль. У нее возникло даже какое-то чувство братства, первый раз в жизни.

Неожиданно кто-то из сидящих у огня обернулся, посмотрел на нее и со смехом воскликнул: «Она одна! Сделать, что ли, ей массаж ног?»

Кто-то сказал «О!». Все захихикали и замолчали в ожидании.

Что тут за народ? Яэль на всякий случай сосредоточилась на своем кофе. Вдруг похолодело в груди, стало страшно торчать у всех на виду. Над ней что, смеются?

Но тут произошло что-то непонятное — в дверях стоял некто посторонний, кого здесь не было. Он, метнув недобрый взгляд на шутника, быстро прошел среди сидящих людей и возник перед Яэль. Замерзший, замотанный по брови мужчина. Видны были одни светлые глаза. Он поздоровался, неторопливо размотал на себе пеструю шаль, высвободил свои длинные пушистые волосы, опустил к ногам Яэль и начал расшнуровывать ее мокрые ботинки, потом снял их, дальше больше, стащил носки и стал растирать замерзшие ступни Яэль своими горячими, необыкновенно сильными руками.

Она сидела окаменев. Это и есть массаж ног?

Народ теперь жужжал, занимался своими делишками, никто не смотрел в их сторону.

Но, наверное, здесь так полагается. Такая услуга. Он буквально разбирал по косточкам ее пальцы и, согрев, собирал их обратно.

Рождество, взрывы ракет за окном, морозная ночь в горах, горячий кофе и первый в жизни человек, который так решительно коснулся ее ступней.

Она жутко стеснялась и думала, как ему заплатить, а он вдруг привстал и поцеловал ее, поздравив с наступившим Рождеством...

— Привет! — наконец сказал он. — Меня зовут Кевин.

— Меня Яэль.

Гораздо позже Яэль узнала, что массаж ступней — это как бы предложение. Признание в любви, так сказать. Не для посторонних взоров.

Ее, грязную, усталую, чужую, люди в фенечках и шаях подвергли насмешке. Какому-то своему испытанию.

Кевину ничего не оставалось, как защитить ее.

Он больше так и не отпустил Яэль. Они вместе обходили монастыри в поисках Нины, а когда принцесса сломала ногу, он пронес ее через горы на закорках, он сидел с ней в местной больнице, когда ей накладывали гипс, и сидел с ней в Дели, когда ей этот гипс снимали и ругали предыдущих врачей за неграмотность, он учил ее многим вещам, бедный йог, американец из Флориды, ее гуру, как и она, человек без пристанища, Кевин.

Что такое поиск себя? Это иногда поиск другого человека.

И это Кевин ей в конце концов сказал: есть сведения, что русская женщина Нина К. умерла в дальнем

Подарок бабушки

монастыре пять лет назад. Ее там все почитали за кротость и доброту.

А кладбищ в горах не бывает... Монахов, видимо, оставляют птицам.

Через год удалось найти этот монастырь.

Все было как говорила бабушка, снег, ветер, горы внизу, кричащие птицы. Яэль стояла замерзшая, вся в слезах, нищая. Однако ее охранял Кевин, которого ей подарила бабушка.

Затем прошло время, как оно всегда проходит.

У них теперь, у Кевина и Яэль, своя школа йоги и массажная студия, он научил принцессу всему, и в разное время в разных местах по земному шару они теперь вывешивают при дороге свой кусок красного ситца, на котором крупно написано рукой Яэль «Yoga».

Это Флорида. Это Гоа. Это Шри-Ланка.

А телефон так и остался с Яэль. Может быть, когда-нибудь бабушка опять позвонит...

ЧАРИТИ

Я залетела сюда, в странное сообщество чужеземцев, случайно, на полтора дня с двумя ночевками, потому что когда-то я проездом завтракала здесь же, в этом краю, со Стеллой и моими знаменитыми друзьями.

Стелла обитает в Чарити зимами, живет при художнике Дионисии, который тоже сюда переезжает на полгода. Стелла знает меня просто как Беттину, она не в курсе, что это мой псевдоним, что я известна в некоторых тесных кругах как трансмишер.

Трансмишер, поясняю, от слова «трансмиссия».

Я никого не могу с собой брать в свои трансы, то есть переброски и перемещения, так можно выразиться. Поэтому я всегда одна и без денег. Мой трансмишинг не приносит мне доходов. Конечно, я могла бы работать секретным курьером по маршруту Садовое кольцо — сейфы Швейцарии, а также под заказ похищать мелкие объекты с выставок и из сейфов. Но это означало бы для меня потерять свободу.

В нашем малом кружке трансмишеров двое уже посидели за решеткой, перемещаясь только в строго

заданном направлении с посылочками, поскольку у хозяев под прицелом находились также семьи несчастных.

В порядке информации: мы не можем, никто из нас не может переносить в момент транса ничего тяжелее двух килограммов. Сто каратов, например.

Данная информация важна для рассказа о том событии, которое произошло на следующий же день.

Что я для посторонних — нечто странное, всегда приветливое, легко одетое, говорящее на многих языках свободно. Боящееся полиции. Не допускающее флирта. Внешность любая по желанию. Иногда я ворую, но очень легкие вещи. Несколько граммов.

Однажды я дошла до самого дна и, сделав несколько мелких уколов в район ноздрей и бровей плюс загримировавшись под веснушчатую блондинку, померила кольцо с бриллиантом прямо под самой камерой слежения.

Кольцо я обработала уже в Амстердаме в доме графини Кристины Кенигс, художницы, бриллиант покрыла латексом, покрасила изумрудкой под поддельную бирюзу и оставила в сумочке до востребования. Латекс снимается легко. Бриллиант удалось продать при помощи Кристины ее жадной подруге по легенде «Наш Зено срочно хочет „бентли“».

Мои снимки уже лежат в Интерполе, только даты и время в них совпадают, поэтому аналитики знают разных персонажей, которые в промежутке получаса засветились в разных регионах земного шара, и потери при этом составили полмиллиона евро (деньги нужны были для пластической операции на девять персон).

Чаще всего я безвозмездно беру сумки.

Однако подруги, богатые дамы из высшего света, верят в то, что я Беттина фон Аним и что я избегаю репортеров. Тем не менее на вернисажах в фонде Пегги Гугенхайм, во всех операх мира, на кинофестивалях в Ницце и Венеции — всюду мои светские друзья со мной встречаются, в том числе даже на охраняемых яхтах среди модного сброда. Беттина фон Аним.

Но сейчас круг слегка замкнулся, создалась необходимость лечь на дно. Меня искали хозяева сбежавших трансмишеров. Те двое исчезли из-за решетки, пропали и их семьи. Наше товарищество осуществило тщательно спланированную акцию.

Вообще-то цель у нас одна — разоблачения, вброс в СМИ компры, взятой на самых высоких уровнях, тем самым попытка влиять на общественное мнение, на выборы в частности.

Но тут дело было только в том, чтобы справиться девять поддельных документов. Само похищение прошло гладко. А уж искать семьи в Бразилии, Южной Африке или в Тель-Авиве прежним хозяевам оказалось не под силу. Тем более что беглецы прошли через руки пластических хирургов, причем в разных клиниках мира. Ведь каждый такой мастерюга способен производить только клоны, отсюда отряды похожих красавиц, передающих имена и телефоны врачей из рук в руки.

Правда, у *хозяев* оказался список членов нашей группы, нечего было надеяться на молчание узников. Под пыткой можно не выдать, но когда угрожают при тебе пытать твоих детей?

Но в списке значились, как нам сказали, только клички. Имен друг друга мы не знали.

Однако после пластической операции оба спасенных «наших» лишились возможности мгновенно перемещаться в пространстве.

Поэтому для нас, остальных, отменялся такой вариант, как смена лица. То же произошло бы (нас предупредил учитель), если бы мы взяли в транс груз больше двух килограммов.

Иногда, говорил он, очень нужно. Но нельзя! Я повторяла это себе в тот момент на пляже. Нельзя. Нельзя.

Маленькое тельце в прибое. Но нельзя.

Они, наши враги, перетрясли все фотоархивы светских репортеров, попавшие в Интернет, изучили видеосъемку залов, где я не могла не появляться, отсутствовать — значит выпасть из круга избранных.

Совпадение скелетов и черепов разных лиц, вот что их занимало. Еще бы, лишиться таких доходов!

Один наш трансмишировался к ним в офис вовремя, после того как они провели сверку изображений, накладывая их друг на друга, но их срочно вызвал шеф в другое здание (он никого не вызывал, кстати). Наш человек быстро стер мои данные и ввел из Сети в их базу данных рентгеновские снимки пациентов хирургических отделений (черепа с чудовищными патологиями, кстати). Маленькая месть!

Свои меня предупредили, чтобы я не появлялась в дружественных домах. Нигде в мире.

Бывшие *хозяева* тоже пока затаились. Они оказались бессильны без наших двух трансмишеров.

Привыкли всё получать бесплатно и мгновенно. Как у них чесались руки, в которых было пусто! Их далеко идущие планы свернулись, как кислое молоко. Отсюда произошли две незапланированные разноцветные революции, замена одного президента на двойника и мировой кризис.

* * *

Так вот, Стелле мои побочные друзья сообщили по Интернету, что я приеду в Чарити и что мне нужна квартира на две ночи. Стелла дала свой адрес.

Очувившись на жаркой, пыльной улице, я купила в придорожной лавчонке чемодан, купальник, легкую юбку, шлепки и оказалась при багаже.

Я действительно прилетела из Индии, из аюрведического санатория SwaSwara, где провела три недели в массажах, йоге и чистке организма ценой в полтысячи евро за сутки (на самом деле я там находилась недолго и прибыла оттуда не в аэропорт, а высадилась на ближней улочке).

Стелла встретила меня у порога.

Со Стеллой вышел ее бойфренд, Дионисий, художник. Меня провели через закоулки старого запущенного дома на просторную веранду, которая выходила прямым ходом к пляжу и океану.

Надо всем этим висело уже покрасневшее светило.

— Ну, у вас тут рай,— похвалила я.

— Рай,— откликнулась Стелла печально.

Дионисий был польщен. Какая-никакая аура меня всегда окутывала. Моими комплиментами гордились.

Я всегда знала цену всему, инстинктивно. Но повадки эксперта, наживающегося на неофициальных сертификатах, то есть устных, без следов (тут не Кандинский, не-не) — ко мне пока еще не прилипли.

Проще говоря, иногда меня просто физически тошнило от опасности. Что в нас дополнительно вызвал погибший учитель, это было особое ощущение, резкое чувство несвободы, неудобства в случае угрозы. До рвотных позывов.

Собственно, если бы не события последних дней, я бы уже жила по крайней мере безбедно. Пришлось бы только оказаться в некотором месте в определенный момент заранее. Покупатель уже приготовился ехать со мной смотреть искомую вещь днем позже.

Цена вопроса составляла четверть миллиона, моя доля.

Но меня затошнило.

То есть не было ли тут подставы, вот в чем вопрос.

Они уже, возможно, просекли некоторую закономерность, предпродажа фальшака сопровождалась каким-то мгновенным видением. Чья-то фигура возникала в момент передачи покупателю сфабрикованного объекта, и ее в виде тени фиксировали камеры слежения. После чего начинался громкий, безобразный скандал.

Галерейщики наняли людей.

Теперь я находилась далеко ото всех, сидела в кресле, пила чай.

Внимание! Послышались голоса.

На входе в рекламных позах стояли три блондинки.

Возраст их прочитывался тут же, род занятий тоже. Все у них уже было.

Разговор велся о том, что они в шоке. Произошло просто адское шоу. Они поехали на пати, и не к четырем, а специально к пяти, попозже. И все равно никого там еще не оказалось, а к ним сразу подошли двое и так сказали: девочки, что, приехали работать, будете нам отстегивать половину.

И всё с матом.

Девочки им ответили «а ну, без рук» и резко так ушли.

Они, рассказывая это, явно были взбудоражены и польщены: их, сорокалетних, приняли за молодых проституток!

Они прилегли на тахту. Вторая тема оказалась пожестче: власти далекого Гоа приняли негласный законопроект о том, чтобы не давать разрешения на въезд незамужним женщинам моложе сорока пяти.

Вот что теперь в Чарити местным делать? Многие люди шлялись и туда и сюда, страны-то в двух часах воздушного пути. Тут Чарити, тут же Гоа. Бороться? Дискриминация по гендерной принадлежности? Га-агский суд? Но здесь вам не Европа, в варварской стране свои жесткие правила, за незаконное проникновение через соседнюю нищую державу уже дали беспечной и богатой туристке год местной каторги. Она там, по слухам, занималась с проститутками йогой.

Далее, власти Гоа собирались требовать въезда мужа вместе с женой. То есть тратиться еще и фиктивному мужу на билет туда-обратно?

Да, от судеб защиты нет.

Потом, спустя полчаса, три стройные сорокалетки отчалили. Вот уж действительно они были грации, хариты, музы, что Чарити делает со своими обитательницами, что! Океан, морской воздух и плавание, загар, фрукты, массажные салоны. И одеты (раздеты) грации были у желтых модельеров (которые купленное в Париже и Лондоне передирают стежок в стежок).

И шла жизнь, особенно после заката, рестораны, звонки, возгласы, встречи, объятия, может, перепадет что-то вроде мимолетной любви, тут с такими вещами несложно. Любовь, искомый конечный продукт, производное всей этой жизни, цель: найти.

Вот Дионисий совершенно случайно нашел свою любовь (я побывала тут на разведке, вчера, послушала). Он нашел любовь в Интернете и сиял как младенец, теперь дайте ему насосаться, приникнуть к груди, а то, что его Али оказалась замужем, Дионисия не волнует: он нашел. Дионисий, причем, нашел не женщину по переписке, что важно, он нашел певицу своей жизни, нашел ее песни, ее музыку и ее поэзию, и это для никому не известной Али важнее важного: вот он, ценитель. Дионисий написал ей емелю, получил ответ (а клип Али, снятый ее мужем-продюсером, разместил там же).

Дионисия сразу пригласили в гости. Оказалось, они обитают рядом, в получасе езды на скутере. Посетил дом Али. Пребывал в умилении. Увидел их постель, бросился на нее, чуть ли не рыдая, и о том вечерком рассказал Стелле. А как же, Стелла была его единственной родной душой на всем побережье.

Муж-то Али, я знаю, не продюсер. Мне не удалось понять, кто он, а такая защита о многом говорит. То, что он за мной не охотится, еще ничего не значит. Он, видимо, просто чем-то торгует тут, без рекламы.

Али тоже не певица. Это крыша. У нее ни концертов, ни продаж.

Теперь Стелла пока на перепутье, ей надо снова искать свое, она потратила на Дионисия три года. Ни семьи, ни детей, ни любви. Три года назад она нашла Чарити как спасительную обитель, бросила все, работу, подруг и свою неудачную любовь, служебный роман, сдала квартиру, покинула и заботливую маму, которая теперь все время шлет отчаянные эсэм-эски, что съемщики съехали и новых не найти (Стелла такая не одна, на это почти все тут живут).

А у Дионисия был прекрасный дом с видом на океан и заходящее солнце. И все складывалось так хорошо!

Подруги на родине легко ее забыли и принципиально почти не узнавали, когда она возвращалась по весне. Спрашивать ее им не хотелось, а все ихнее она знала из почты и Инета. Стеллу даже не стремились звать, как раньше, в гости. Семейные, заросшие бытом, занятые детьми и мужьями, в тесных квартирах, заваленных книгами и хламом, который нет сил отсортировать и выкинуть, они, прежние подруги, давно вычеркнули прекрасную Стеллу из списка живущих.

Бывшая любовь, мужчина во цвете лет, когда она зашла на прежнюю работу, стал хорохориться, потягиваться и таращить свой пивной живот, многозна-

чительно поглядывая на остальных. Господи, и это был он?

Стелла стала столь совершенной, что просто не могла найти себе места на родине.

Народ там, дома, вообще считает, что в Чарити одни мертвые. Ведь что есть жизнь? Иметь цель (что самое важное) и ее достигнуть.

Вопрос из Чарити: чего достигать-то?

Туманный ответ: исполнения желаний.

Вопрос из Чарити: а у нас что? У нас ведь полное исполнение желаний! Погода, природа, свобода, дешевка. Деньги есть.

Ответ: знаете, погодные условия не есть главное в развитии человечества. Вот местные ваши при таком раскладе, что и океан, и солнце, и дешевка, кокосы-ананасы, чего они достигли, аборигены? Всё ведь в прошлом! Что тут, выросли собственные выдающиеся мастера? Интеллектуалы? Художники, что бы ни иметь в виду под этим словом? Ни архитектуры, ни производств, ни университетов, ни наук. Мелкая торговля. Два этажа как предел. Грязь, салоны тату, подозрительные массажи и педофилия. Телевизоры с сериалами. Да и вас что ни полгода, то высылают на родину. И зацепиться в Чарити не за что, продажа домов иностранцам запрещена.

Вопрос из Чарити: что, так и жить в нищете, тесноте, мокропогодице, снегах и гриппе? Толочься в толпе, в метро, общаться на работе с кем попало? Попадать в отечественные жуткие больнички? Не знать, с кем потрахаться? Не видеть солнышка, не дышать воздухом?

Ответ: наркоманы вы там.

Вопрос из Чарити: вы же курите сигарету за сигаретой? Пьете водку до блёва? Обжираетесь в гостях, три кило прибавки за вечер? Это же тоже наркота, привыкание. Чем вы лучше?

Ответ: вы для жизни мертвы.

Вопрос из Чарити: вы-то не мертвы?

То есть я, как обычно, создаю для себя портрет местности и список проблем ее аборигенов.

Мы поклевали у Дионисия орешков кешью, выпили чаю.

Затем началось вечернее мероприятие, традиционный закат солнца. Дионисий усадил меня в первый ряд партера. Солнце, красное, улыбающееся, аккуратно, как барышня, опускалось седалищем в море.

Главное тут было — осуществится ли точное попадание в горизонт, то есть ясно ли будет видно, как нижний край светила коснется предела? Тогда свершится тач-даун.

Однако не срослось, горизонт поднял некоторую водную пыль.

Потом мы поехали ужинать в лучший ресторан. Меня принимали по высшему разряду. За все платила Стелла.

Я тоже расплатилась с принимающей стороной своим щебетанием о том, как я жила в знаменитой клинике SwaSwara, в цековском санатории (его так окрестил Ал-др Г., с которым мы до того ужинали в далеком Гоа). Там, в этом аюрведическом прибежище, жила также и Марина Абрамович, ударение на

второе «а», знаменитость, которая устраивает перформансы по всему миру, позирует голой для видеоарта, а начала она с того, что бритвой вырезала у себя на животе красную (в полном смысле слова) звезду, из которой полила струйками кровища. Марина иногда месяцами живет за стеклом в каком-нибудь музее, даже сидит на унитазе и моется на глазах у публики. Люди валом валят на нее посмотреть. И к ней туда стала каждый день приходиться какая-то женщина. Потом она начала ей писать записки. Это была знаменитая лесби Сьюзен Зонтаг, мать всей американской культуры, которая вскоре умерла от третьего рака. Маринин следующий проект — в МОМе она будет стоять со змеями в руках на высоте пяти метров по восемь часов в день, а в конце бросит их. Тут я выразила моим новым друзьям сомнение, что общество защиты животных позволит мучить змей.

И у Марины ужинают друзья, Бьорк, Мэттью Барни, Лу Рид и та из «Секса в большом городе», которая не лесбиянка и не кривоногая, Ким Кэтролл.

Затем я показала Стелле и Дионисию свое видео, я его сняла на телефон, как мы со всем этим сбродом ужинаем в ресторанчике шиваистского городка поздней ночью, после того как нам явилась местная достопримечательность в известном месте паломничества, в пруду, обрамленном набережной с двумя грязными белыми колоннами и с выбитой навечно надписью на английском: «В прошлом году тут утонуло 56 человек».

Там к нам выплыла из черной зеркальной глубины белая женщина с обширным животом, но без

шей, с головой в виде огромного рта, подождала чего-то и скрылась. Оказывается, мы видели легенду местных ночей, об этой полурыбе говорят, что она питается трупами (рассказывала я).

Так прошел наш ужин с Дионисием и Стеллой.

Утром они за мной заехали на такси, и мы отправились в ресторан завтракать. Светская жизнь!

То была чудесная поездка, в открытые окна дул душистый ветер с соломенных полей, виднелись далекие горы. Стелла подбородком показала туда: недавно они ездили на двое суток в заброшенный монастырь, в святые места, добираться туда восемнадцать часов в одну сторону, из них шесть часов пешком по горной тропе вверх и потом восемь часов вниз. Обратное труднее!

Но невероятно интересно, что, когда полезли в последнюю отвесную гору, пошел снег! И стемнело быстро! На вершине в разрушенном монастыре, как оказалось, живут только девушка и мальчик двенадцати лет. Они не видятся друг с другом. Едят что люди им оставят. Воду носят из ручья, он ниже на двести метров. Девушке двадцать семь лет. Оба не говорят на английском. Постоянный холод. Оба монаха, и мальчик и девушка, обитают в подземельях в разных концах горной вершины и жгут каждый свой костер. У мальчика была вода в консервной банке, он усадил тех, кто дошел, согрел банку на костре и дал им попить горячей воды.

Стелла побрела в другой конец монастыря, заметила в щели огонь. Девушка сидела у костра без воды, явно больная. Ведрышко рядом с огнем валялось пустое.

Стелла мне радостно рассказала, что сходила вниз за водой к источнику, чуть не упала с тропинки, поскользнулась в темноте на обратном пути, потом пришла, согрела воду, покормила хозяйку горы тем, что принесла наверх в рюкзаке, галетами и колбасой.

Девушка поела, закрыла глаза, взяла левую руку Стеллы и что-то стала бормотать. Лапки у нее были холодные, мягкие и черные, как у обезьянки. Она держала их на пульсе. Неожиданно Стелле стало очень жарко, как от теплового удара. И вроде бы монахиня ей как-то сообщила (чуть ли не во сне), что это тепло дает большую силу и ее можно передать кому нужно, надо только взять теперь Стеллу за левую руку в районе пульса. Я не шелохнулась в тот момент.

Она сказала, что возвращалась из монастыря чуть ли не на крыльях.

Тут и пришло известие обо мне, которое она восприняла как начало другого будущего. Почему-то она на меня надеялась.

Мы уселись в пляжном ресторане, и к нам подгребли еще двое. Собственно, создавалась обычная для Чарити ситуация, компания разнородных пар, сцепленная как пазл, разнородными боками — один знает этих, другой тех, и первые двое всех остальных соединяют, и спасибо. Светская жизнь, то есть.

Дионисий познакомил меня с пришедшими, с рок-музыкантом и его женой. Я так подробно рассказываю о них, потому что они все стали позже свидетелями одного довольно страшного для меня события.

Женой представленного мне и известного (не мне) музыканта оказалась очень спокойная оторва, мощная как кариатида буддистка Тами, которая прошла огни и воды, ничего не боялась и ничему не удивлялась. Ее сила была не творческая, не созидаящая, не нервная и пульсирующая по непонятной причине, то есть неприятная для окружающих, эгоцентрическая, занятая только собой. Ее сила была буддистской, позитивной, доброжелательной и равнодушной. Она себя никому не навязывала и мало о себе говорила. Около этой могучей женщины хотелось пригреться, встать под ее защиту. Видимо, такая сила в ней существовала на генетическом уровне, изначально. Но довольно глубоко, не проявляясь ничем, даже в дальнейшем, при развитии той тяжелой истории. То есть на помощь Тами бы не пришла ни к кому. Таковы их принципы, таких существ. Пусть они живут.

Потом мы стронулись и пошли куда-то за пять километров в другое кафе. К нам присоединилась еще одна пара, та самая Али, новая любовь Дионисия, и ее безымянный муж, загорелый до сиреневого цвета, с блестящей головой и выпуклыми лиловыми глазами, которые он безуспешно прикрывал веками. Дионисий не отходил от Али, они следовали впереди, муж Али отстал, вел переговоры по телефону, мы кучковались втроем посередке, Тами, Стелла и я. Музыкант вообще куда-то делся.

Солнце висело еще высоко, океан накатывал мощные волны, в воде виднелись точки, головы пловцов. Было не слишком жарко. Над нами пролетел вертолет. Не за мной ли. Я могла ожидать чего угодно.

К примеру, звонка по мобильнику и пули в голову через три секунды после ответного нажатия кнопки. Нет, я им нужна живая.

Дионисий впереди так и приплясывал рядом с Али. Как-то странно он подпрыгивал, сгибался, размахивал руками: убалтывал.

Стелла, как бы по-матерински извиняясь, заметила: — Он ведь больной, у него проблемы с позвоночником.

Я видела только, что он то припадает к Али, то клонится в сторону.

Мы шли к месту моей предполагаемой гражданской казни, неумолимо приближалась судьба. Вертолет вернулся, пролетел низко над головами.

С него, видимо, велась аэросъемка. Там, вдали, может быть, сверяли видео с полученными изображениями. Иоганнесбург? Москва? Интерпол?

Как это бывает, вертолет садится, из него выпрыгивают люди в мундирах, подхватывают человека под руки, всё.

Но уже впереди было кафе, Али и Дионисий поднимались по лестнице к навесу.

Там, под сенью пальм и крыш, я буду частично в безопасности. Оттуда можно незаметно исчезнуть, якобы получив по телефону известие и извинившись. Только ведь вопрос куда. Где найти то неизвестное им место, в котором я никогда не отмечалась и где можно спрятаться?

Вертолет улетел. Мало ли какие дела у местных пограничников. Тут вон торговцы белой смертью работают почти открыто.

Я спросила:

— Пограничники?

Стелла в ответ почему-то стала рассказывать, что произошел случай недавно: сюда, в Чарити, завялась мамаша с семью детьми, молодая такая мать-путешественница, принципиальная странница. Старшей ее дочери насчитывалось всего пятнадцать лет, и ей так понравилось в Чарити, что она решила тут остаться с новыми местными друзьями. Вся пошла в мать, у той к тридцати двум вон сколько детей. Ну что, мамаша уехала с шестью младшими, девочка осталась. Ее нашли утром на пляже мертвую и изнасилованную. Медики сказали, передоз. Диагноз и вердикт. Никто не сел. Но все тут знали, в каком кафе она сидела в ту ночь, и кто ее угощал кокаином, и откуда были те, кто ее, уже умершую, волок на пляж.

Мамаша с шестью детьми прибыла на опознание и опять уехала, снова на сносях.

Это Чарити. Это свобода. Это тач-даун для всех.

Мы забрались по ступенькам в ресторан, чтобы как раз наблюдать сверху знаменитый тач-даун.

Оказалось, что данное заведение, в котором мы осели, оно для родителей с детьми. Тут имелись низенькие качели, в спутанной соломе, которая здесь изображала траву, валялись кубики.

Родители пребывали в большой беседке за огромным низким столом, в подушках. Дети паслись поодаль. Их было четверо. Одна девочка, совсем маленькая, одетая только в памперсы и платочек, орала, стоя перед павильоном. Просто стояла и рыдала. Родители вели себя достойно, сидели не шелхнувшись, ни намеком не позволяя понять, кому из этих людей за столом девочка плачет. Видимо, здесь

существовало правило воспитывать детей ровно, без паники, не вмешиваясь.

В стороне, за столиком, немолодая пара, наоборот, то и дело вскакивала. Им работы хватало. Их дети, трехлетние по виду близнецы, проводили время у качелей, где находилась еще одна девочка, совсем голая, в панамке, лет двух. Она не издавала ни звука. Видимо, пока что не говорила. Старший близнец, рыжий и кудрявый, занят был тем, что не допускал голую к качелям. Младший, беленький, рылся в песке, что-то строил из кубиков. Родители рыжего срывались с лавки каждый раз, когда он отталкивал девочку, и уводили его. Тогда девочка с трудом карабкалась на качели. Рыжий как можно скорее вырывался от папы с мамой, кидался к качелям и сбрасывал врага в песок. Девочка, упорный ребенок, не плакала, поднималась и выжидала. Она паслась тут как изгой, ничья дочка.

Мы со Стеллой потягивали сок. Дионисий и Тами в креслах пили спиртное. Али сидела рядом с ними в гамаке лицом к солнцу. Спокойствие, безразличие, нирвана.

Так. А где же родители голой девочки, которую все время бьют? Ни она ни к кому не подбегала, ни на нее никто не смотрел.

Спиной к качелям сидела за столиком плотная молодуха, смуглая, чернявая, в коротком платье и босоножках на высоком каблуке. Она пила и ела, ни на что не глядя. Демонстративно так, и слегка с претензией.

Один только раз голенькая подошла и прислонилась к ней, но мамаша, вот она, не шевельнулась.

Видимо, она тоже придерживалась той точки зрения, что ребенок должен сам осваивать этот мир. Или ей все надоело.

Она ела и ела, перемалывая челюстями мясо, запивала его пивом и неохотно поднимала свои черные глаза на окружающий мир.

Такой принцип защиты своей территории, свободной от детей. Иначе зачем люди сюда пришли?

Но океан, вот в чем дело, океан гремел в нескольких десятках метров отсюда, лизал песок своими жадными языками, если говорить правду. Лизал пустой песок в надежде на добычу.

Девочка, опять сброшенная бешеным рыжиком с качелей, поднялась, огляделась, нагнулась и вдруг подобрала веревочку.

Потянула за нее — из соломы выехал кусок синего пластика. Игрушка!

Рыжий пока что ожесточенно болтался на качелях, закрепляя свою победу. Скоро ему надоест, тогда жди драки.

У детей так: валяется что — пусть валяется. Но стоит кому-нибудь присвоить вещь, как у остальных пробуждается инстинкт охоты.

Поэтому девочка побежала, волоча кусок пластика за собой. Она ринулась к океану.

Теперь я поняла, что это был не просто бесполезный предмет: внимание. Это был продолговатый плотик. На нем, видимо, взрослые катали детишек в океане. Потому там и имелась веревочка.

Девочка, может быть, вспомнила предназначение данного предмета. Скорее всего, кто-то ее водил с собой поплавать. И, пока близнецы не отобрали,

она поволокла плотик к воде, защищая свою добычу.

Ее мать сидела рядом с нами наверху, профилем к линии прибора, и лениво работала челюстями, прихлебывая из кружки пиво.

Она явственно отдыхала тут, пришла, то есть, побыть на воле. С ребенком ты всегда, все время на привязи. Понятно же.

Здесь, на данной клочке земли, царила свобода, провозглашенная свобода родителей.

Я спрашивала себя, кто я такая, чтобы вмешиваться в чужую жизнь (или смерть). Это не принято в западном мире.

Да и не будешь стоять с палкой над такой мамашей. Рано или поздно случай произойдет, если не смотреть за ребенком. Именно «смотреть за», следить глазами.

Девочка будет от нее сбегать всегда. Есть такие дети, группа риска. Немножко подрастет, уйдет окончательно, как та несчастная, которую нашли на пляже.

Наша компания сидела лицом к океану, но вряд ли они станут вмешиваться. Ни огромная спокойная кариатида Тами, которая уже выпила свою порцайку и ждет, когда нальют еще, ни Али, к которой поднимается муж, ни Дионисий, наблюдающий с бокалом в руке приближение тач-дауна. Только Стелла настожила. Но она робкое, совестливое существо, и она не станет нарушать границы чужой приватной жизни.

Я тоже ни на что не имею права.

Бежать по песку, хватать ребенка, который уже омочил ножки и хлопчет, подтягивая плотик к

воде? И куда потом с ним? К матери? А если настойчивая девочка опять побежит вниз, спасая свое добро от рыжика?

Молодوخа, принципиально не глядя по сторонам, мрачно сидела над десертом.

А внизу, в полосе прибоя, приплясывал лицом к океану невысокий парень в роскошных дредах. Он только что кинул партнеру, находящемуся в воде, пластиковую тарелочку и ждал.

И он стоял профилем к нам, спиной к девочке, как-то так это выглядело. То ли заходящее солнце слепило ему глаза, и он отвернулся.

Девочка уже завела в воду плотик.

Издали набегала огромная волна.

Но я не могу взять в транс больше двух килограммов! Нельзя!

Я набрала сигнал SOS по шести адресам.

Волна накрыла ребенка.

Всплеск, девочку вознесло в позе эмбриона, мелькнул притянутый к груди подбородок, поджатые ножки, скрюченная рука, в стекловидной пасти океана исчезла мокрая макушка, напоследок мотнулся кусок синего пластика. Всё. Закрутило, закачало панамку.

Колонна, Окно, Сердце, Очки, Генетик, Скорая, мои адресаты.

Перед тем как исчезнуть из кафе, я все-таки пожала левую руку Стеллы, прикоснувшись к ее пульсу.

И тут же ощутила сильнейший тепловой удар.

Девочка, как оказалось, весила шестнадцать килограммов.

Тот лишний вес я взяла на себя благодаря полученной силе. Я смогла оценить дар монахини.

Мы всемером подняли девочку с глубины на берег, Скорая применил искусственное дыхание, сделал непрямой массаж сердца, отсосал ртом воду из бронхов.

Мы перецеловались, потом они ушли в транс.

Я стояла с живым ребенком на руках.

Никто наверху ничего не видел, ни извлечения из воды, ни откачивания, всей этой долгой получасовой процедуры. Наше время отличается от времени жизни.

Но все видели, что я держу чужого ребенка.

Девочка глухо кашляла, терла глазки. Не плакала. Не приучена.

Идиотское положение.

Парень в дредах, который в очередной раз готовился кинуть тарелочку, размахнулся, развернулся и увидел меня. И тут же, не отвлекаясь, ловко бросил тарелочку партнеру.

Я стояла. Куда мне было ее девать? Нести наверх? Все оттуда небось смотрят на меня с легким неодобрением. Что я взялась плестись за чужим ребенком и караулить его, а тем более демонстративно брать на руки? Как бы осуждая.

Затем парень поймал тарелку, аккуратно положил ее на песок и со словами «Thank you» взял у меня девочку и понес наверх.

Плотик бил по его ногам: веревочка, как была зажата в детском кулаке, так там и осталась.

Я пошла следом.

Наверху, в кафе, меня с огромным приветом уже ждет чернявая мамаша.

Причину ее поведения я теперь понял: она следила за ребенком наверху, отец же (дреды) отвечал за побережье.

Именно поэтому он с таким значительным выражением на лице и полувзглядом наверх сказал свое «Thank you».

Она распределила сферы влияния. Отец обязан тоже принимать участие в воспитании ребенка!

Потому она принципиально и не полезла вниз.

Он же тоже имел свою территорию свободы и право на игру в тарелочку.

Возможно, между ними уже шла та семейная война, в которой доказательствами чужой неправоты служат чудовищные аргументы вплоть до самоубийств (иногда медеи убивают детей, а как же).

Возможно, мать девочки собиралась доказать всему свету, что он никчемный отец. И она бы это доказала на всю оставшуюся жизнь.

Я вернулась к своей честной компании. Они беседовали как всегда. Они знать ничего не хотели. Им было за меня неудобно. Одна Стелла о чем-то догадалась. Она отошла и принесла мне кофе. Я, однако, сидела сухая. Мы не оставляем никаких вещдоков и улик. Мы ныряли обнаженными.

Я страшно рисковала, и не только собой. Окажись ребенок на три кило тяжелее, мы бы все сейчас кучковались здесь, на пляже, не будучи в состоянии взлететь, без денег и документов, причем Скорая припарковался к нам в белом халате, а Сердце вообще в шубе. И все мы, возможно, остались бы без будущего. Спасибо Стелле и той монахини.

Парень в дредах, принеся девочку и матом выразив свое мнение мамаше, тут же сбежал вниз по ступенькам мимо меня и исчез отсюда от греха подальше.

А вот мамаша предстала передо мной, уперла руки в боки и начала орать. Она никому не позволит, своей матери даже, влезать в ее жизнь. Фака-маза.

Между тем девчонка ее уже, шатаясь, двигалась к океану, волоча за собой плотик, подальше от рыжего врага.

Я кивала, кивала.

Ребенок тащился, увязая в песке.

Ну что же, киты вон тоже упорно выбрасываются на берег. Лемминги вообще миллионами лезут в море.

Всё. Я больше ничем не смогу помочь бедной девочке.

Но вот что интересно — народ на веранде и у стойки, все эти обкуренные бородатые пацаны и их пьяноватые девушки, они все вдруг безмолвно начали тянуть шеи, рассматривая крохотную человеческую песчинку, которую уносило к океану, маленького, голого, беспомощного человечка, идущего на смерть.

Ни в каком Интернете такого не увидишь!

Баба все орала, принципиально не глядя в сторону берега, но она уже тоже что-то почувствовала.

Потому что наступила тишина. Хозяин отключил музыку.

А под навесом, за спиной орущей бабы, некоторые даже достали телефоны и направили их вниз, но с такого расстояния нечего было ловить. Стоп. Покой, невмешательство, нирвана.

А бедная Стелла сидела, чуть не плача, опустив глаза.

Дионисий что-то объяснял Али и ее мужу, показывая на садящееся в море светило, кариаида пила уже какую по счету порцию джина с тоником.

Я только сказала: «Твой ребенок сейчас умрет».

Это вызвало новый поток криков о том, что она не позволит никому указывать, как ей жить.

Но почему-то она все-таки двинулась вниз. Она шла, увязая нелепыми каблуками в песке, вырядилась зачем-то в будний день, и орала, теперь уже дочери.

Судя по ее спине и протянутым рукам, можно было подумать, что она рыдает.

Девочка стояла уже в воде и подтягивала к себе плотик.

Все в природе замерло. Море лежало шелковое, мелкая рябь колыхалась вокруг ребенка.

Дитя плюхнулось на плотик. Плотик сел на мель.

Веранда начала облегченно смеяться. Мы со Стеллой тоже. Кариатида хмыкнула.

Да! Все давно следили за развитием событий.

Мамаша вернулась с девочкой на руках. За ними полз, как живой, плотик. Уж что маленький человечек имел на свете, за это он и держался, за веревочку.

Грянула обычная похабная музыка, но все восприняли ее с благодарностью, зашевелились, оживились, посыпались заказы, забегал официант.

А мы сидели лицом к закату, тач-даун опять не удался, марево все скрыло.

Но не было в обозримом пространстве более заботливой матери, чем наша чернавка, она одела своего детеныша, она катала его на качелях, а рыжего,

который кинулся с кулаками защищать свою собственность, застыдившиеся родители мигом подхватили и увели и больше не отпускали.

Мамаша так и носила свою дочь до темноты, потом села за стол ее кормить.

Мы со Стеллой тайно улыбались как заговорщики.

Али и ее муж растворились еще раньше, так ничего никому и не сообщив о себе, но, видимо, сделав свое дело.

А позже все сели на большой веранде на втором этаже в квартире кариатиды Тами. Мы чувствовали себя как бы персонажами некоей местной светской хроники, хотя никакой прессы вокруг не наблюдалось.

— Закинемся? — сказала кариатида.

И вот тут наконец и Дионисий получил свою порцию счастья. Видно было, что оно ему в конце концов привалило, что ему стало хорошо, и он, не в силах сдерживаться, буквально подскочил со своего стула и начал приплясывать. Лицо его сморщилось, пошло лучами радости от глаз и носа, руки выделяли движения, как бы обхватывая шары. Потом счастье кончилось, и Дионисий, скрюченный, сел у стены на корточках. Надо бы добавить, такое выражение лица он постепенно приобрел, но ему больше не предложили.

День прошел. Назавтра мне наступало время уходить.

Что ж, я решила. Та гора и тот монастырь, где живут в развалинах мальчик и девушка. Они-то туда ушли по каким-то своим причинам?

Пора к ним.

Тепловой удар, спасибо доброй Стелле, был передан мне не даром.

ЛЬВИНАЯ МАСКА

К гуру съезжались ученики.

Гуру, вообще-то, являлся профессором в своей области, но не это волновало сердца последователей, не область его знаний, в которой он бесспорно (априорно для них) занимал лидирующее положение в мире. Сама эта область знаний зияла темным лесом, кстати. Астробионика? Фитоакустика? Трудновыговариваемо по определению.

Книги данного автора, повторим, были для учеников непостижимы с первой же строчки.

Собственно говоря, научный язык именно тем и ограждает своего подлинного пользователя, т. е. пользующегося им ученого, что никто непосвященный не может его, ученого, судить и о нем рядить. Таково же любое современное искусство, говорящее на том языке, который нововыведен каждым создателем заново и заранее отделяет его, возвышает над толпой и образует тесный круг пользователей, защищая их от суда и мнения непосвященных, т. е. ляиков. Ляик, ударение на «я», не должен иметь голоса и права на суждение, ибо у него только два аргумента, и первый «я тоже так могу, а че» (касаемо мазни

на холсте и авангардной музыки), а второй аргумент — «ниче не понятно» (видеоарт, перформанс и тому подобные фестивальные продукты). Но это не суд, не приговор, не тяжелая артиллерия в виде отрицательной рецензии в газете, не хихикающее «бездарь», нет. Это жалкий лепет ущербного, непосвященного существа, случайно столкнувшегося в своем хаотическом движении с высшим, с недостижимой духовной материей. Так.

Так вот: профессор этот, гуру Док, обитал в скромной девятиэтажке в рабочем пригороде, в квартирентке из четырех пустоватых помещений с минимальными удобствами, а в гостиной диван, стулья и круглый стол овальной формы (цитата, которую со смехом воспроизводили всякий раз ученики, рассказываясь по окружности).

Но этот Док, небогатый профессор, специалист в неведомой области знаний (неведомой для ляиков), тем не менее, собирал вокруг себя преданных новообращенных адептов, т. е. тех самых ляиков.

Есть, есть такие люди, которые всегда окружены себе подобными низшими,— бывает, что последователями, а бывает, что друзьями, собутыльниками и бабами, налетевшими на огонек именно к данному человеку, ни к какому другому, что ничем хорошим для такого притягательного человека не кончается, а кончается, увы, тем, что все покидают его,— ибо с ним уже связано то, что не интересно никому, т. е. алкоголизм.

Да, увы, орава, стягивающая свои силы вокруг души общества, со временем редеет, молодые гуляки уходят в профессию и семью, делают карьеру после

бурных лет юности, а всеобщие любимцы и центры притяжения — они, наоборот, теряют всё, ту же самую семью, работу, даже жилище, и все реже бывшие друзья и подруги принимают их в праздники, а попросту в случае самозваного появления бьют и спускают с лестницы, чтобы неповадно было напиваться и безостановочно орать, попутно приводя в негодность все вокруг, саноборудование и посуду (к примеру).

Эти несчастные изгои затем пропадаают и вымирают какими-то чудовищными способами, то их находят на железнодорожной насыпи без мозга, то зимами к утру на улице, лежащих в позе бегунов или пехотинцев, сраженных на поле боя, то возле мусорного контейнера в кипе сплюснутых картонных ящичков (открытые замороженные глаза).

Но наш профессор, душа и центр любой компании, состоял по другой части. Опьянение вокруг него наступало без вина, только от его лекций, монологов и бесед, от его застольных реплик и ответов на вопросы (а он никогда не отвечал впрямую, то есть вообще никогда не отвечал, а пользовался вопросом как зацепкой, чтобы в собственных целях снова плести свои кружева-словеса, снова дурманить головы ляиков).

Проще говоря, даже мужчины влюблялись в него (наряду с женщинами), и монопольные его речи текли рекой, а уши и глаза (и сердца) учеников были разверсты, и мозг каждого плавился в блаженстве предвкушения, как отдельное от тела голодное животное, которое обоняет небывалую пищу, эликсир, бальзам, божественную амброзию, и пытается впи-

тать в себя всё это, все быстротекущие мысли гуру, но тщетно!

Ибо его блистательные суждения, очаровывающие всех быстрые аналогии, парадоксы и сноски в смежные области истории, этнографии и философии — они оставались вещью в себе для слушателей. То есть ляйки ниче (опять-таки) не понимали.

Тем не менее! Его возили по миру. Он читал лекции, на которые сбегались тучами, причем заранее занимая места, и все это безо всякой рекламы, только по цепочке, от сердца к сердцу.

Как мессию, его сопровождали молчаливые молодые апостолы, начинающие ученые и миллионеры.

Там, где он появлялся, там поселялось неземное счастье, профессор говорил всегда точно по объявленной теме, но его экскурсии, вылазки в сторону от сюжета, молниеносные посылки шпагой — Пруст, Гроховски, обыденный ряд англоамериканцев и французов, а также Ефим Сири́н, «Поминки по Финнегану», Пятигорский, Юнг, Параджанов, Аверинцев, Мамардашвили, тут же Массне и т. п.— производили в слушателях смятение душ, ликование и что-то в роде предвкушения духовного оргазма, да, ни больше ни меньше.

Им, лаякам, льстили эти беседы о высшем, неизвестные учения древних, великие мысли, пронзающие толщу тысячелетий, разноплеменные пути к истине — все это можно было беспрепятственно и на будущее записывать за гуру, даже на самые новые носители информации, однако таковые записи не поддавались дальнейшему пониманию и усвоению. Что-то ускользало!

Ну что, путь к истине всегда ускользает. Он должен ускользать (если речь не идет о религиозных постулатах, да и там, в тех сферах, то и дело возникают огнедышащие ереси, озаряя все вокруг пламенем костров, с которых капает человеческий жир).

Док, как умнейший человек, служил не истине, но ее поискам.

Гуру всегда издалека заводил свою шарманку, ab ovo, от простейших сведений о предмете, видя, кто сидит у его колен (он всегда быстро, на клеточном уровне, схватывал возможности аудитории).

И там, где он ворожил, там поселялось счастье.

Он даже о неверных путях толковал так, что хотелось их самостоятельно изведать, а уж что говорить насчет его устных исследований, посвященных истории классических путей к абсолюту, к недостижимой цели!

Он распутывал нити, заверченные вокруг простых начал, обнажал, очищал эти начальные понятия, он следовал за великими и толковал о неизбежных трагических ошибках, указывал пути их преодоления (никогда не ведущие к финалу), попутно сталкивая мыслителей лбами и развенчивая их, освобождая от привычных нимбов и делая их простыми адептами, традиционно по ошибке возведенными в исторические величины (чему послужили лакуны в текстах, пропавшие рукописи, односторонние восхваления не заслуживающих уважения свидетелей, случайно уцелевшие в библиотеках имена, а всегда ведь уцелевает ненужное).

Какое блаженство, какое волшебство было пуститься рядом с ним в этой машине времени в глу-

бины веков, познать то, что не познаваемо, идти наравне, следя за развитием высочайших, идеальнейших мыслей, мыслей тех великих, от которых мало что осталось.

Гуру сталкивал в сознании своих влюбленных слушателей имена далековатые, к примеру, первым шло имя Ефима Сирина, великого древнего христианина, мыслителя, поэта и композитора, который писал божественные гимны и нес их своему, знаменитому теперь в веках, хору девственниц, девочкам-монашенкам. И именно эти простые души, босые монастырские прачки и поломойки, именно они служили ему первой его публикой, которая бессловесно внимала гению и его словам и мотивам, а затем именно этот хор исполнял его новую вещь, и Ефим Сирин оказывался, в свою очередь, благодарной публикой (возможно, что бессловесной, Сирин, по свидетельствам очевидцев, был желтолицый, безбородый и лысый суровый аскет маленького роста и с огромной головой, и он постоянно молчал, по отзывам современников).

И, в дополнение к первому имени — второе, имя композитора, принявшего сан священника, Антонио Вивальди, который написал оркестровый хит всех времен и народов «Времена года» и который тоже преподавал воспитанницам-сиротам... И чего стоит одно упоминание об исчезнувшей оратории «Моисей», все партии которой, даже мужские, исполняли девушки из римской консерватории Святой Цецилии! Тот же хор девственниц, по сути говоря, восклицал гуру, оглядывая ряды тех, для кого он читал лекции, свой безмолвно внимающий хор.

Да ведь и Бах писал для своего хора Томас-кирхе, постоянного невинного детского хора! Вот кому!

(И опять-таки, рифмуя столь далековатые истории, старик очаровывал и завораживал аудиторию, тем более что он произносил это слово «девственницы» как бы в шутку над собой, над своей неизъяснимой мечтой об идеале. Однако же каков был диапазон между этими двумя притянутыми друг к другу событиями, 1400 лет разницы!)

Но запомним понятие «хор девственниц», оно нам еще пригодится.

Ибо гуру все время оказывался в окружении еще и своего хора дев, и этот хор постоянно пополнялся. Кто еще, кроме юных женщин, так падок на мужское величие, кто еще может быть столь предан великому старцу с неистощимым разумом и пленительным видом аскета (грива поредевших седых волос, ореол вокруг сияющего купола, заячьи, сильные передние зубы, причем свои, и мощные руки плотника и простая старая куртка на все сезоны).

Для девственниц писали они, Вивальди и Сирин, ради их душ и глаз, их неземных голосов, которыми они только пели, но не могли одобрять или восхвалять, и не осмеливались рукоплескать (сидячему хору гуру как хотелось в этот момент как раз рукоплескнуть!).

Слишком малы были, восклицал профессор, да! Не по возрасту, не по возрасту малы.

Притом никак не подразумевалось, что и гуру говорил не для себя. Но он не мог говорить для себя, в том и дело!

Его подвигали на речи, вдохновляли мыслить только эти залы и аудитории, замки, дворцы и виллы (запомним, миллионеры тоже ляики).

Сам он ничего не писал, ученики расшифровывали его лекции и готовили книги. Ему не нравилось работать в стол, да и Сократ не выдал ни строчки, за него работу проделал ученик Платон (имели в виду слушатели).

Его с благоговением возили по странам, приглашали и кормили в ресторанах (за длинными столами в большой компании и с женскими ангелами по плечам). Его таскали повсюду взрослые дяди, влюбленные в свою мужскую сирену, миллионеры и бизнесмены, его сопровождали аспиранты и журналисты, а также летучие звенья дам, как авиетки сопровождают в воздухе полеты больших судов на авиаярмарках.

По-настоящему-то все они, ляики, не искали ума и образования, а ждали мгновений экстаза, как тысячи непосвященных на лекциях знаменитых гуру ждут, когда вспыхнет вместо их святого немислимый свет. Как бы загорится неопалимая купина...

(Ибо бытуют такие случаи на лекциях, толпы безмолвных слыхивали одинокий вой осененного.)

Ляики ведь только делают вид, что главное богатство — не что иное, как приобретаемый ум и образование, драгоценное имущество бедняги человека, его спасение от тлена жизни, т. е. именно что нетленка, пародийное обозначение того, чему нет имени. Эта пародия в данном случае спасительна, она оберегает от самовосхвалений и слез по собственному поводу, да.

Нет, они ждали, тоже ожидали экстаза, момента понимания, момента истины.

Однако же в процессе обучения, что бы ни подразумевать под данным термином, главным был высший разум собеседника, и некоторым все же удавалось коленапоклоненно и со слезами восторга получить (по меньшей мере) тот вопрос, над которым можно биться все отпущенное тебе время, посвятить его решению дни, ночи и годы, мыслить, читать, беседовать с посвященными, спорить и приходиться к мимолетностям, которые назавтра тают как туман — и о, блаженное состояние душ, пир того самого духа, многократно осмеянный ляиками, которые зовут его «пирдуха», — им и невдомек, им и не понять! Счастьице их убого, нище, это всё предметы, вещи, которые тлену подобны и требуют охраны, их удаленные от мира дома и виллы наводняет прислуга подлого происхождения, таковая же охрана, не лучше и водилы с помощниками, а в гости прибывает соседское быдло со своими домочадцами, тупыми и равнодушными к чужим добыткам и высотам. Они тоже строят себе замки, и к ним приходится ездить... А на гигантской яхте размером с крейсер обслуга затарится на отпущенные деньги дешевым бензином пополам с водой, сэкономят, сволочи, а яхта с миллиардами на борту заглохнет посередь океана, воры и воры все вокруг миллионщиков (и просители), фирмы и банки полны ворьем!

Теперь перейдем ко второй части нашего повествования, сказавши, что именно таков (как в предыдущем абзаце) был образ жизни одного из учеников мастера (профессора все звали «мастер»).

Он, ученик, уже успел залудить себе на своей малой родине целую улицу купленных домов и добился ее переименования, затем он сделал добрые дела для женских уголовных зон, к примеру, повез туда зубоврачебный кабинет с нанятыми столичными стоматологами, Ларисой Авдеевной и Ольгой Владимировной, которые работали вахтовым методом, две недели через две недели.

Ибо несчастным узницам выдирали заболевшие зубы, вместо того чтобы лечить, и зэчки выходили на волю старухами, ибо только зубы сохраняют молодые черты лица! Без них, без опоры, кожа сморщивается и обвисает, увы.

И он построил там же целый кинотеатр, что мелочиться. Преступницы до того могли смотреть только телевизор, один маленький на каждый отряд, и вокруг того, что смотреть, вспыхивали целые войны.

Но всякое доброе дело не остается безнаказанным, и окрестные сибирские поселки возопили, потому что у несчастных крестьян даже тюремных стоматологов с клещами не было! И не имелось никаких зубоврачебных кабинетов, и на рентген приходилось без дорог добираться до районной больнички. В распутицу снаряжались два трактора, которые тросами вытягивали друг дружку из дорожных трясин...

Таковые жалобы мгновенно поступили местным властям, и оборудованный по западной технологии зубной кабинет разорили (без ведома миллионера) и переволокли с зоны в райцентр, где никто не мог все это собрать заново, да и врачи не знали бы, как управлять такими диковинными ручками, кнопками и педалями.

Кинотеатр тоже от греха подальше демонтировали и куда-то вывезли.

На зоне — до благодеяний миллионера — было плохо, а стало еще горше.

Да и (попутно узнал миллионер) в местных больничках не наблюдалось не только что оборудования, там и водопровода не имелось и унитазов, но что еще интересней — там и кухни со временем ликвидировали, болящих лечили и только. То есть не кормили. И потому там резко уменьшилось число лежащих, так как бичи-бомжи, всегда норовившие перезимовать в отапливаемых больничных палатах на белом белье, теперь не шли в лазареты, не желалидохнуть от голода! Притом что лечиться они имели полное право, у них имелось в анамнезе всё: трофические язвы, туберкулез, гепатиты, парша, чесотка и циррозы, да и проказа попадалась. Не говоря о конечных, терминальных стадиях всех менее экзотических заболеваний.

Миллионер беседовал однажды (на химической свалке) с группой бездомных. Его туда привез местный журналист. Среди бичей пробавлялся один подышающий интеллигент, и миллионеру пришлось пожать на прощание его руку. Бич, посмеиваясь, сказал: «Же не манж па сис жур». Миллионеру запомнилось его лицо, ничтожный курносенький, вывороченный к небу нос под огромным нависшим лбом, значительная запавшая улыбка и уверенно протянутая ладонь без пальцев.

Видимо, после отъезда М. (будем его так называть для краткости) на свалке грянула пьянка на те деньги, которые нашлись у него в портмоне.

Со всем этим М. столкнулся, желая как-то отблагодарить родной край, где он родился. Но данные попытки кончались тем, что перед М. разверзалась пучина непреодолимого народных бедствий, среди которых первенство можно было отдать всеобщей наркомании. Вместо водки и ядовитых вин маковая соломка, дешевка, мешками привозимая с юга, с азиатской стороны. Далее умельцы перерабатывали ее, мешали с чьей-то кровью, и такой кровосмешенностью ширялись целые регионы, от мелкоты до бабушек. Смертность возросла в разы. У девушек не стало мужей, резко снизился возраст брачующихся, школьницы хватали мальчишек, чтобы успеть создать какую-никакую семью и родить раз-два, потом уже обмануть природу возможности не возникало. И армия их детей подрастала, чтобы дать потомство и быстро сгинуть.

М. ничего не мог с этим поделать. Кто бы что мог поделать с бедняцким краем, который самопером шел к заброшенности и постепенному освобождению дичающей территории. Россия на глазах М. пустела! Нищие мусульмане, вытесненные голодухой и войнами из своих жарких палестин в морозы и снега, постепенно заполняли деревни, соединялись с женщинами, производя более здоровое и приспособленное к опиатам гибридное потомство.

И миллионер М., отчаявшись найти свое место в пустой жизни и обосноваться как личность, как-то попал на лекцию мастера, был им очарован, был им сбит с прежних позиций филантропа и благодетеля, т. е. отца народа, и занялся наконец собой самим (Будда ведь прошел этот путь, увидев безмерные

страдания других и не в силах изменить вращение колеса, если примитивно изложить суть, суть ведь неизлагаема!), то есть М. припал душой к другим ценностям, к другим источникам счастья и самоуважения, он стал ездить за мастером повсюду, он слушал его, даже задавал вопросы, он начал читать и записывать некоторые свои думы, хотя мастер ничего такого ни от кого не ждал.

Мастер вообще не хотел видеть в себе учителя, он никогда не указывал что делать, вести или не вести, к примеру, записи на лекциях, в том числе и на видео — а М. как раз вооружился навороченной камерой и снимал лекции и застольные беседы, затем перетаскивал все в компьютер, т. е. монологи, разговоры, рассказы, байки и шутки, но прослушать это богатство у него не получалось по времени, все-таки он продолжал обустройство купленной им улицы в родном городе, он возводил там культурные объекты — литературное кафе с эстрадой и хорошими клавишами, прикладные мастерские со швейными машинками, с оборудованием для батика — всякие там трубочки, банки резерва (клея), краска в порошках, рамы с гвоздями, запас тканей, затем студия керамики с муфельной печью, там имелся также гончарный круг и запасы хорошей глины, а для мужиков в подвале оборудовали слесарню и даже портативную кузню, а рядом, в соседних домах, М. основал театральную студию со сценой, киношколу с камерами, Интернет-библиотеку, где намеревался поставить множество экранов, т. е. он со слюной во рту ездил по зарубежным складам, жадно все покупал по спискам, он намеревался посеять на родине

зерно иной, богатой во всех смыслах жизни, которое в дальнейшем должно было дать жизнь новым побегам культуры и нравственности.

Он понимал, что накуренные городские гопники и малолетние шлюхи обсядут экраны в библиотеке и начнут скачивать себе порноигры, что затащить парней в театральную студию будет невозможно, что батиком вряд ли кого заинтересуешь, слишком сложно, и неизвестно, куда девать конечный результат, а шить придут только немолодые бабы, а уж, кто захочет мараться с глиной и ковать железо, вообще непонятно.

Ведь самое главное — не только обучить мастеров, но и обеспечить рынок сбыта для их работ! Дать им жить, проще говоря.

А вот на это в нищем городе надеяться не приходилось.

Далее обученные им голодные художники могли прокормиться только одним, сбывая наркоту...

Тем не менее он все свои затеи не оставлял, даже завязал отношения с интернатом для психохроников, чтобы обучать их простейшим ремеслам, и нашел там двух девушек-психологов, двух почти монашек, которые посвятили себя работе с даунами, аутистами и лежачими парализованными, обитателями скорбного дома.

Там тоже возникли беспредельные возможности вложения денег. Планы рождались огромные. Девочки оказались грамотные, суровые, понимающие, ходили в синяках (аутисты, бывало, дрались).

Особенно ему нравилась Аня, ребенок из интеллигентной семьи, которая была не похожа на своих

родителей ни в чем (отец актер, мать журналистка, известное дело). Аня ходила в платочке, глаз не поднимала, она оживлялась, только когда приходила в интернат и работала с больными, читала им, учила писать и таскала судна за несчастными лежащими.

Аня все больше занимала его разум, уже мерещилась ему по ночам, но она оказалась недостижима. Не шла ни на какой контакт, кроме делового в интернате. И телефона у нее не имелось.

После работы за ней заезжал кто-нибудь из родителей.

Аня, понятное дело, при ее внешности со всех сторон подвергалась мужским атакам и потому избегала ходить по улицам.

М. навел справки по своим каналам.

Ему продали ее досье. Девочка закончила заочно школу и факультет психологии. В возрасте тринадцати лет была изнасилована группой ребят. Это было громкое дело в другом регионе, мать Ани, чуть не сойдя с ума, добилась восьми лет строгого режима для соучастников. Проводив насильников на зону, город не давал семье прохода, у подъезда дежурили тайно смеющиеся рыла: а че, адрес известен, мамаша выступает по ящику, отец играет в театре и снимается на местной киностудии. Их буквально затравили.

Аня, выйдя из больницы после аборта, отказалась посещать школу и вообще выходить из дома. Семье пришлось бросить все и уехать — именно сюда, где теперь разворачивался со своей благотворительностью М.

И где он готовил фронт наступления на девушку Аню.

И тут он тяжело заболел.

По времени это совпало с тем, что Аня перестала появляться в интернате для психохроников.

Выяснилось, что она вообще оттуда уволилась.

Телефона у нее так и не было. Родители отказывались отвечать на вопросы.

Пришлось воспользоваться еще раз услугами того товарища, который продал ему Анино досье.

Восемь лет уже прошло! В родной город несчастной семьи вернулись насильники из зоны, зэки, одержимые жаждой мести. Уже прошли сообщения о том в Интернете. Один новоявленный блогер по кличке Ацский — далее следовал полный ник — написал, что Анна (по отчеству и фамилии) его жена. Он ее первый мужчина, участник ее первой брачной ночи. Он лишил ее девственности! И он ее не забывал ни на секунду эти восемь лет, занимаясь сам с собой ночью на шконке на зоне. И он добьется своего, она с ним ляжет... И он передаст ее сразу же другим. Она должна всем им. Они заплатили за те часы в сарае своей молодостью и жизнью.

М. уже серьезно болел, ездил за границу на обследования, все дела в родном городе он передал группе своих сотрудников, не прекращая ежедневной связи с ними. Но не думать об Ане, не заботиться о ней он уже не мог. Еще одна ниточка у него оставалась, тонкая нитка надежды — он все время звонил второй девочке, психологу из интерната, Оле. Оля оставалась единственным человеком, с кем могла видеться Аня. Оля ходила к Ане домой, работала с ней как психотерапевт, но все это, как она призналась М. с горечью, были пустые хлопоты. Аня четко шла к суициду. Имелся еще

один вариант, какой-нибудь дальний монастырь, да сил не оставалось. Оля колола Ане сильные барбитураты, какие предназначались интернатским бесам.

М. попросил Олю предложить Аниным родителям вывезти девочку за границу и положить там в клинику. Он гарантировал ей кредитную карту на полмиллиона долларов и полную свободу.

Дело завертелось. Анина мать сразу же поставила условие: завести счет в банке на Аню прямо сейчас, до всего.

М. тут же выполнил это условие.

Анина мать передала через Олю, что гражданство в евростране нужно им всем.

М. шел за несчастной семьей как волк за обозом, в надежде, что ему хоть что-то упадет с телеги. Голос в телефоне, издали увидеть силуэт, голову в платочке.

Через время, продав квартиру и вещи, трое несчастных тронулись в путь.

Аню ввезли в аэропорт в инвалидном кресле. Она ничего не воспринимала. Она спала.

М. видел ее издали, это было как крошка для голодного, недостаточно.

Дорогу оформили через Франкфурт, чтобы никто в городе не знал конечного пункта. В приморской стране им по договоренности поменяли паспорта на другие имена.

Деньги могут многое. Но не всё.

Сам М. чувствовал себя в начале пути, у семьи теперь имелся свой дом на острове, на Адриатике, двухэтажный дом с большой террасой и жестяным садом — фикусы, пальмы, магнолии-камелии, все без запаха. Пять минут до моря.

Он, правда, понимал, что жизнь бедной семьи закончена, они будут бояться любого общения с родиной, а тут, на курорте, и поговорить не с кем, местные не братаются с приезжими и пенсионерами на пожизненном отдыхе.

Ладно, главное сделано, Аня больше не будет бояться.

Аня теперь была Дарья, Darja.

Мало того, имелось и еще одно обстоятельство.

Остров Ръад звался у местных «Остров дураков», и существовал даже термин, ръадское безумие. Три месяца в году дули зверские ветра, шли шквальные дожди, городишко (скала, покрытая серпантинном улочек с храмом на вершине) околевал. Ночью опасно было ходить и ездить, начинался гололед. Местные, лишенные прибыли и просто работы, впадали в депрессию.

Потому в старые времена в городке на острове построили интернат для психохроников. Потом еще один.

В теплое время года, когда спадала жара, волонтеры вывозили их на инвалидных креслах на набережную. Радостные больные ехали как цари, здоровались со всеми подряд. Им отвечали политкорректными улыбками.

Ръад славился как недорогой остров, именно по причине вечного присутствия идиотов на променаде.

Туристские лайнеры высаживали, бывало, отряды туристов, но по договоренности именно в дневные часы волонтеры не вывозили своих убогих пациентов на набережную.

За это город что-то приплачивал директорам инвалидных домов.

Местные идиоты сидели по койкам, приезжие идиоты шли отрядами за своими попугаями-гидами.

Вот в такой город попала семья энергичных, известных в своей профессии людей, Аниных родителей.

Через небольшое время, осенью, когда пошли затяжные дожди и стекла чуть не выдавливало ураганными ветрами из оконных рам, когда опустели улочки и заунывный звон колокольни не смог зазвать уже никого на верхотуру, в храм, когда исчезли художники и музыканты, ювелиры и воры, закрылись ресторанчики и даже инвалидов уже не вывозили наружу — через небольшое время папа с мамой пристроили свою Аню работать в инвалидный дом сиделкой (ее диплом тут надо было защищать снова, он не годился), и она согласилась на первые шаги, пошла с отцом оформляться (родители говорили кое-как на английском), девушку в платочке взяли, несмотря на ее явное отклонение от нормы. Волонтеров уже не оставалось, а местные по вековой традиции считали работу в дурдоме опасной для собственного разума.

Аня оказалась на своем месте, чистить раковины и унитазы, мыть полы, подмывать больных, поднимать их, кормить и укладывать она умела, и она быстро выучила тот примитивный больничный язык, которым изъяснялись с ней больные и работодатели, а вот с родителями она не разговаривала.

Почему-то не могла.

Они были, видимо, из той ее жизни, они были свидетелями прошлого, и Аня их избегала.

Она старалась получить суточные дежурства, одно за другим, чтобы не возвращаться к этим двум скорбным и удивленным теням.

Что ж, к февралю родители Ани позвонили М. и сказали, что возвращаются в Россию.

Там их ждал дом, там их согласились взять обратно на работу, хотя и на новых условиях. Там их вроде бы помнили зрители. Там шла жизнь. Они нуждались в чисто административной поддержке. Въездные евро-визы в отечественных паспортах уже кончились, их надо было продлять задним числом, потому что беженцы возвращались как русские.

— А Аня тоже уедет?

— Нет, Аня,— обиженно сказал отец,— вполне справляется здесь одна.

М. приехал, все выяснил.

С Аней он не виделся.

Родители выехали по старым русским паспортам. Деньги могут почти всё.

Далее — он вызвал из России Олю.

Оле, он договорился, дали ту же работу в инвалидном доме.

В феврале наступала ранняя местная весна, все цвело.

По сведениям, собранным для М. тамошним журналистом, местные осаждали Аню, караулили ее у калитки, у ворот лечебницы. Когда она шла по улице, ей свистели. С Олей его девочке было бы легче.

С Олей и ему повезло — когда он предложил дурдому построить у них бассейн, Оля попросила Аню быть переводчицей.

Он мог легализироваться.

К осени М. уже жил в городке и приходил к Ане в гости запросто. Она даже стала просить за своих больных — одна девочка жила в психушке совершенно напрасно, сироту сунули туда родственники, когда у нее началась депрессия по поводу гибели родителей в автокатастрофе, и затем они переехали из села и поселились в ее хорошем городском доме. Они положили девушку в дурдом к своему родственнику, врачу-амбалу, чтобы он колол эту Золушку тем, что сам и прописывал, и только Аня поняла всю игру, когда дядя уехал в отпуск, поручив ей свое, уже налаженное, но щекотливое дело за небольшую мзду. Умная Аня сразу согласилась (хотя до того избегала любого контакта с приставучей горой мяса), она приняла ампулы на хранение и ни разу их не использовала. Дядя вовлекал ее в уголовное дело, готовил себе сообщницу!

Через две недели Золушка, когда ее навестила тетка, стала кричать на нее при всех вполне осмысленно и угрожать, что подаст в Гаагский суд по правам человека (Аня провела с ней работу, и письмо уже было отправлено).

Девушку выписали на волю, с ней были посланы могучие волонтеры, которые проследили за выселением сельской кодлы из дома Золушки. Сельчане держали в подвале барана на веревке, там уже лежал огромный тесак (в предвкушении, видимо, шашлыка), а на балконе они развели кроликов в трех клетках!

Общую победу праздновали вместе на Золушкиной все еще пахучей огромной террасе, выходящей к морю. Оля скоро уезжала. Отмечали и ее отъезд.

И то, что врача-амбала заочно уволили и передавали дело в суд. Деньги могут многое.

Но не всё.

М. упал на этом балконе в обморок. Дела его были, как оказалось, плохи. Золушка, Оля и Аня проводили носилки до «скорой», но с больным могла ехать только одна из сопровождающих. Поехала Аня, спешно и без извинений отодвинув Олю.

Аня сидела с ним в больнице в его изолированном боксе, спала рядом с его койкой на надувном матрасе. Кормила его, обмывала, переодевала. Уходила несколько раз только за вещами. Встреченный в коридоре персонал жался к стенкам.

Когда однажды Аня перестилала постель, то нашла у изножья холодный маленький комок с твердым кончиком. Это оказался мизинец.

М. запустил свою болезнь.

Времени на себя у него не хватало.

Он был болен проказой.

Врачи, как только поставили диагноз, стремились выписать опасного пациента (лепру хорошо знали здесь, горный, находящийся в чашах лепрозорий дожиг до последнего умершего, и приют изгоев ликвидировали только в пятидесятых годах XX века). Больного М. собирались отправить в румынскую лечебницу на удаленном острове, но Аня заплатила больничному начальству не считая, как и медсестрам. Временно все притихло.

Пригодилась ее кредитная карточка.

Но даже няньки и сестры отказывались входить в бокс.

В двери палаты было прорублено окошечко, куда ставили еду в одноразовой посуде.

Посуду Аня мыла и складывала в углу санузла, ее не принимали обратно.

Постельное белье она стирала сама в раковине.

Но в наше просвещенное время и проказа лечится, новейшие антибиотики сделали свое дело.

Единственно что — за три месяца пребывания в стенах больницы, в изолированном боксе, под искусственным светом энергосберегающих ламп, М. преобразился.

Его лоб навис над лицом, переносица ввалилась, нос уменьшился и глядел на мир крошечными дырочками.

Львиная смуглая голова теперь сидела на этой когда-то сильной шее, на молодом торсе, львиная морда, как у того бича на химической свалке.

Они вернулись в Анин дом.

Вилла как-то обнищала, как нищают все брошенные дома, Ане пришлось все мыть, размораживать холодильник, убирать, стирать пыль. Она ведь покинула дом в спешке, на плите осталась даже кастрюлька с окаменелыми спагетти.

М. сидел на верхнем балконе, наслаждаясь свободой, как выпущенный узник. Он почти плакал от счастья.

И им с Аней, как обыкновенным людям, предстояло путешествие.

В Интернете ведь тем временем текла своя жизнь, и близкие к мастеру люди как раз разослали всем ученикам просьбу поучаствовать в аренде очередного замка на острове Сааремаа. Называлась сумма, ко-

торую надо было собрать. Семинар предстоял долгий, на три недели.

М. тут же оплатил всё.

Им отвели покои на втором этаже, в теперешнем номере люксе (три комнаты и гардеробная).

Там, в древней цитадели, после советских времен сделали высококачественный ремонт, все стало как в лучших отелях, ресторан и бар располагался внизу, вместо винных погребов устроили хорошо оборудованный конференц-зал.

В замке, однако, сохранилось все — рвы вокруг стен, наполненные стоячей водой, мост у главных врат, факелы в концах нескончаемых коридоров с закопченными кирпичными стенами и, наконец, главная достопримечательность, львиная яма в центре крепости.

Это был широченный колодец от чердака до подвала, и с каждого этажа в провал выходили балкончики.

Внизу, по стенам львиной ямы, освещающая песчаное дно пропасти, вечно горели факелы.

Там в старые времена бегал голодный лев, которому, по давно заведенному обычаю, каждую ночь сбрасывали живую жертву.

Обитатели замка присутствовали на этих казнях.

Нынешним утонченным жильцам этого тоже явно не хватало. Они часто вылезали на балкончики перед сном и, до предела склонившись, заглядывали вниз. Чуть не падали. Воображение работало.

Семинар проходил как обычно, блистательно, все были счастливы, мастер был в ударе, это был настоящий праздник.

Никто не обратил внимания на новое лицо М., да его, вероятно, и не слишком помнили, он появлялся нерегулярно.

Лекции, обсуждения, обеды и ужины за общим столом с мастером на сей раз не принесли М. желанного ощущения полета и утоления жажды.

Мастер, дело в чем, очень быстро и по уши влюбился в Аню. Она не носила здесь своих платочков, они с М. ведь отмечали его освобождение, и роскошные темные кудри и узел волос над шеей осеняли ее облик как венец, как брачный убор. За стол садилась как бы неизвестно чья невеста. Оставалось просто ее вовремя увести.

Сопровождающий муж-не-муж, какой-то жалкий, нездоровый, курносый, желтоватый и малоподвижный, что он мог предложить, кроме своих капиталов?

Да и кризис прогремел за это время, все многое потеряли, а некоторые потеряли всё.

Оплатили аренду замка, кстати, до кризиса.

Может быть, привольная жизнь в люксе была последней роскошью для М., кто знает?

И даже если бы М. уже стал мужем этой прекрасной девушки, мало ли насчитывалось случаев, когда мастер уводил чужих жен?

Вокруг Ани мгновенно возник культ Прекрасной Дамы, около нее вились хороводы ученичков, даже мужской персонал отеля проявлял признаки безумия, а официанты, подавая ей блюда, старались

как-то ее коснуться, и невидимки приносили ей в номер корзины фруктов и букеты, иногда, правда, покупные, из чужедальних тропических цветов и с визитными карточками.

Ее молчание и вечно потупленные взоры сводили с ума вздрюченных мужиков, а мастер на лекциях вообще сходил со сцены, перетаптывался рядом с тем местом, где она сидела, гарцевал, распуская хвост, производил блестящие выкладки, выдвигал далеко идущие гипотезы и старался задать Ане провокационный вопрос.

— Ну-с, и нам тут ответит прекрасный человечек Даша...

Аня, не поднимая глаз, пожимала плечами.

А уж вечерние застольные беседы превращались буквально в его словесный фейерверк, в незатыкаемый фонтан красноречия, обращенного в ту же сторону, в сторону склоненной головы Дамы.

Иногда мастер, вставши со своего места, подходил к Ане и, по своей легковесной манере быть вечно свободным и молодым, буквально водружался задом на стол, прямо у ее обеденного прибора, рядом с ее плечом — М. в это время оказывался по другую сторону подвижного тела мастера, слегка сдвинутый его полновесным торсом.

Миллионер не возражал, он молча наблюдал за процессом, ведь все зависело от Ани.

Девки, он знал, буквально вешались на красавца профессора, он водил их за собой стаями, из города в город, у него имелось уже пять законных детей и около сорока прижитых наспех — в возрасте от года до тридцати пяти.

И, как чувствовал М., профессор был готов уже залить в прекрасную деву Аню очередную порцию своей плодоносной спермы, ни в чем себе не отказывая и ничем не ограничивая финального акта.

Тут и произошло неожиданное — ночью Аня пришла из своей спальни к М.

Она целовала его страшное лицо, плакала, говорила, что ничего не может, что запах мужчин вызывает у нее рвоту, но под конец (М. молчал) все произошло само собой, очень просто.

За обедом мастер сказал витиевато:

— Дашенька, ангел великолепный, мой хор девственниц, я болен вами, что такое, вы просто вся сияете! Что случилось?

— Что? — легко ответила Аня. — Я заболела проказой. Пришли анализы. Мы с мужем больны. Вот. Смотрите! У него ведь львиная маска!

И все молниеносно завершилось — мэтр поперхнулся, схватил мобильник, отскочил, отвечая на непоступивший звонок, люди растворились, легко, деловито встали и разошлись подальше от нашей парочки.

Никто ничего им не говорил, но М. с Аней не вышли на лекцию и к обеду, а в львиной яме ночью сгорела фарфоровая посуда, с которой ели отверженные, и простыни, снятые с их постелей.

Постояльцы громоздились на верхних балкончиках, с почти религиозным рвением наблюдая это частичное и, может быть, опасное аутодафе.

Перед тем Ане и М. подали ужин как нормальным прокаженным, в пластиковых емкостях. Постучали в дверь и ушли. Еда стояла на полу.

В самолете М. сказал:

— Ты, Анька, здорова как конь. Я не заразный. Тобой об дорогу бить можно.

И слезы полились у него внутри горла, он их глотал, а мокрые глаза, его почти спрятавшиеся бедные глазки, смотрели из-под нависшего лба на Аню, которая в этот момент тоже заплакала, впервые за много лет. Но потом взяла себя в руки.

МЫРКА И ЕЕ СМЕХ

Что осталось у нее от прежних времен — так это звонкий не по возрасту смех, который, однако, звучал все реже и реже.

Обстоятельства жизни были таковы, что смеяться было нечему. На руках больная сестра. Обе в одной маленькой квартире. Сестра больна по-настоящему, так что не выходит.

Она старшая, с детства была обожаема родителями, выросла уверенная в себе.

Младшая, это та, которая любила раньше смеяться, она родилась вообще случайно, думали хотя бы что мальчик, нет, опять девка. И разница была между ними всего полтора года. Не успели поднять на ноги старшую, полюбоваться на ее успехи и первые шаги, как мать опять с тяжелым животом, и там висит ненужный ребенок.

Она, младшая (ее зовут как-то обычно, а в семье звали Мыра, Мырка), от своей сестры терпела начиная с детства.

Вот мать идет в магазин, девочек в шубах оставляет за порогом, на улице, чтобы в магазине не запарились (и ничего бы не клянчили купить), стойте, ни-

куда ни шагу и ни с кем не разговаривать, конфет не брать.

Младшая, Мырка, под присмотром Шуши.

И старшая, семилетка Шуша, начинает: сейчас уйду к маме, тебя брошу, ты нам не нужна, ты маме не нужна, только я. Моя мама, не твоя. Уходи.

Мырка трясется и плачет. Шуша на нее шикает, люди на тебя смотрят! Мырка прячет лицо в рукав, рыдает. Мама приходит, Шуша жалуется, что Мырка специально стала реветь на глазах у всех, чтобы ее пожалели, бедный ребенок.

И потом тоже всю жизнь Шуша королевствовала над Мыркой, ревновала к матери до маминых последних дней. И ко всем Мыркиным друзьям тоже ревновала.

Мырке удалось после бабушки получить ее квартиру (ухаживала за умирающей два года безотрывно), Шуша восстала, почему все ей, у нас равные права наследства!

На год перестала с ней общаться, до последней болезни мамы, а потом вдруг позвонила, совесть есть? Или я одна должна все это выносить?

И кричала на Мырку, когда та вышла замуж, ты что делаешь, ты ему не нужна. Он просто тебя использует! Ему только квартира твоя интересна!

И действительно, Мырка женилась на Сергее Ивановиче как-то однобоко, по своей инициативе, ей в служебном буфете признался в своей беде мужик, она села к нему за столик, это был прежний знакомый с другой работы, и он сказал, что жена выгнала, развелась с ним, выписала его и продала квартиру, жить негде (он сам был из Сибири). И работу потерял.

Мырка предложила, живи у меня. Ей уже к тому времени было почти что сорок. Она по глупости, по жалости это предложила, очень уж плохой вид был у мужика. Он тогда сразу сказал, а мне ведь еще нужна прописка, а то нигде не берут на работу. Ну и хорошо, поженимся.

Поженились, Сергей Иванович прописался, мало того, Мырка ему предложила (по наивности) подарить половину квартиры в собственность. Гулять так гулять. Пусть он не чувствует себя приживалом, бедный муж.

Он согласился.

Всё оформили, Мырка была рада. Пожили, завели кошку, и по прошествии времени муж сказал, что обстоятельства изменились, жена (он сказал именно «жена», а не «бывшая», как обычно) зовет его обратно, у них же двое детей, она образумилась, поживши в одиночестве, но он не может, как честный человек, прийти к ней в дом с пустыми руками. Жена говорит, ты владелец ее полквартиры? Владей. Так что ему нужна его часть квартиры.

И занялся продажей Мыркиного жилья. Как торжествовала Шуша! Какие она лекции читала бедной Мырке!

Но Сергей Иванович оказался деловым пацаном, он на этой почве сам стал риелтором, а что, другие могут, вон бабы простые бегают, и у каждой машина — но у него вдобавок вдруг проявился деловой талант, и из жалости и порядочности (и в благодарность) он на ту половину суммы, которая принадлежала Мырке, умудрился купить ей двухкомнатную квартиру от бомжей! Правда, совсем убитую, на вы-

селках и очень маленькую, но все-таки! (И себе купил, Шуша сказала, не беспокойся, во сто раз лучше чем тебе).

Ремонт Мырка делала с большим энтузиазмом, ей помогали советами прошедшие огонь и воду (и бригады гастарбайтеров) подруги.

Бабы нашли ей безропотного алкаша из Сергиева Посада, которому нельзя было платить заранее, надо было только кормить, потому что он, получив деньги, исчезал. Золотые руки, между прочим!

Шуша ей все время твердила, хоть за этого замуж не ходи. Просто извелась вся и замучила младшую сестру своими намеками и насмешками.

Мырке было некогда возражать и доказывать, работа, дома алкоголик, который умудрился еще и попасть в больницу, выпил очиститель для ванн, купленный Мыркой в рассуждении, что будет отделан санузел.

И в это время заболела бедная Шуша.

Мырка ездила к ней на другой конец города, таскала лекарства и продукты, потом бегала к ней в больницу, и конца этому не было, болезнь оказалась пожизненной.

И наконец Мырка пожаловалась общему мужу Сергею Ивановичу, что это уже конец сил. Приходилось все время ночевать у Шуши. И он взялся за дело, продал их обе квартиры и купил им трехкомнатную (правда, небольшую и тоже на выселках, да зато две остановки от метро).

И теперь они, Мырка и Шуша, были вдвоем и у каждой своя спальня, а в середине общая комната с телевизором и библиотекой.

Это уже было приданое старшей, Шуши, родительское имущество, которым она очень дорожила, буквально тряслась надо всем, над самой маленькой вещичкой, и Мырке не дозволялось трогать мамины сокровища. То есть общая комната оказалась Шушина.

Но там же были и допотопные игрушки самой Мырки, которые мама сберегала для будущих внуков, хранила всю свою жизнь, например, куколка в шляпке (мама связала эту шляпу из белого пластикового упаковочного шнура). А поскольку шляпка все время пропадала (явные происки Шуши), а маленькая Мырка этой вещью очень дорожила и лихорадочно повсюду искала, плача под неприкрытый смех Шуши, то в конце концов мама просто пришла эту шляпу к паричку куклы.

Но Шуша сейчас не позволяла ей даже дотрагиваться до этой куклы. Как до священной реликвии, связанной с именем мамочки.

А ведь Мырка помнила, что мама именно ей купила куколку, и с такой любовью подарила ее своей младшенькой на день рождения.

Мама любила затурканную Мырку.

И что же, съехались сестры, больная и здоровая, толстая Мырка и тощая Шуша, и возобновились их детские взаимоотношения.

То есть совместная жизнь с сестрой обернулась для кроткой Мырки буквально школой злословия, Шуша ее поучала непрерывно, выводила на чистую воду ее и ее подруг, а сама была больная, худая, жалкая, ни в магазин, ни даже к врачу сходить одна не решалась.

Пока Мырка работала, ей удавалось все-таки уезжать из дома, она проводила с людьми по восемь часов в день и могла хохотать чужим шуткам, ходить с коллегами в кафешку обедать, ездить на дни рождения, просто в гости, а то и в театр (одной подруге, у которой соседка служила в театре, давали пропуск на генеральные репетиции, так называемые «прогоны»).

Но потом пришлось уйти на пенсию. Начальство трудоустраивало чью-то дочь, понадобилось Мыркино место.

И началась эта трудная пенсионерская жизнь, вся подчиненная здоровью Шуши.

Правда, Мырка при полном безденежье тоже старалась не падать духом и активно искала себе работу, и нашла: ухаживать за глубоким старичком Львом Семеновичем. Подруга ее порекомендовала, она раньше сама следила за старцем, получала от него солидную мзду, но у нее родился внук, и пришлось переключаться на бесплатную семейную каторгу.

Лев Семенович таял на глазах. Мырка его жалела и как могла скрашивала его существование. Читала ему вслух Джека Лондона и газеты, смешно рассказывала о своей жизни.

В конце концов Лев Семенович от этих рассказов впал в глубокую задумчивость и однажды своим хриплым голосом сказал:

— Вот что, дорогая моя Марья Николаевна. Приведите ко мне нотариуса.

И он составил завещание на Мырку.

Он оставлял ей всё, и свою квартиру тоже.

И умер.

Мырка была с ним до последнего мгновения, сидела в больнице и дома, когда его выписали как прошедшего курс лечения. Буквально на руках носила.

Похоронив своего старичка, она почему-то не хотела ничего говорить Шуше о полученной квартире, чтобы не вызывать ее на новый взрыв негодования. Шуше это было вредно, у нее начинались тяжелые приступы удушья в добавление к основному диагнозу. Она буквально умирала от злости!

Но с квартирой надо было что-то делать. Мырка позвонила опять-таки проверенному другу, Сергею Ивановичу, и попросила совета, как сдать квартиру. Притом предупредила, чтобы Шуша ничего не знала. А то будут проблемы.

А у Сергея Ивановича тоже были проблемы как раз, опять пошла тяжелая полоса жизни, жена снова хотела его выселить. Он ведь соединил их имущество, доверился ей, продал свою квартиру и женину и купил семье большое жилище в центре, и все это оформил на имя жены.

И теперь жена решила владеть этим добром самостоятельно. А он очень любил детей, своих мальчишек, им было удобно каждому в своей комнате, да еще и на всех имелась огромная гостиная, плюс холл и три лоджии, и все это рядом со школой, и он не мог бороться с женой за ее имущество.

— Я, на свою беду, оказался хорошим риелтором, но дурным психологом...

И Сергей Иванович признался Мырке, что очень здорово, что ты мне позвонила, ты, как всегда, про-

являешься вовремя, как мать Тереза, ты как будто чувствуешь, когда у меня проблемы, я опять одинок, ты представляешь? Только ты у меня осталась.

Мыркино тело невольно ёкнуло.

Муж продолжал:

— Она подала на развод! А я так все оформил, что это ее квартира! Она, по-моему, хочет сдать ее иностранной фирме, я нашел какой-то проспект в прихожей под зеркалом, они торгуют сталью, ей это зачем? Она, видимо, собирается уехать за границу. Типа учить детей в хорошем колледже. Знает, что я бороться не буду. То есть всё по новой... (И он замолк, как бы подавившись.) Только ты меня спасешь... Ты одна.

— Ой, ну ладно тебе,— отвечала взволнованная Мырка.

Перед ней вдруг встала картина, они вдвоем живут как раньше, с ними кошка, вечерами они всей семьей гуляют в парке (почему-то она представила себе, что их новая квартира будет рядом с парком), и их кошка тоже ковыляет в сбруйке.

А Сергей Иванович все не мог остановиться:

— Знаешь, ты мой добрый ангел. Наши отношения остаются стабильными, как в прежние времена. Ты не представляешь, что ты для меня означаешь.

Мырка слушала, кивая. Какие-то слезы полились. Чуть не захлебнулась.

— Все у нас с тобой совпало!

Возникла пауза. Мырка вытерла нос и сказала первое попавшееся, «ну и что ты предлагаешь?».

— То есть я сам поселюсь в этой твоей квартире. Сделаю там ремонт даже. Тебе это обойдется недорого.

И он пообещал, что будет класть Мырке деньги на кредитную карту. Заведешь себе новую. Не ту, на которой пенсия. Чтобы ты лишний раз не ездила ко мне за деньгами.

— Бедная моя,— сказал он ей,— я тебя не покину. На меня ты можешь рассчитывать.

Мырка пригорюнилась с трубкой в руке. Какой все-таки Сергей Иванович добрый!

Волна признательности захлестнула ее.

Но С. И. шумно выдохнул в трубку и начал говорить, что беспокоится о ней, и давай сделаем мне генеральную доверенность на эту твою квартиру. Мало ли.

— Но как,— ответила удивленная Мырка,— ведь полгода еще не прошло, я еще в права не вступила, какая может быть доверенность!

— Ну, оставь мне то завещание! А то у тебя все пропадает!

— Оно еще оформляется у нотариусов. Пока что.

— Ах да,— опомнился муж, прерванный в своих мечтах.

И он начал ей платить какие-то шальные деньги, то есть у Мырки на счету появились доллары! Не очень много, правда, потому что дела Сергея Ивановича шли не слишком хорошо, он объяснил, квартирный рынок встал, продаж почти не было.

Но радостная Мырка, понимая, что жизнь наконец подарила ей шанс на другое существование, возмечтала побывать за границей.

Ее подруга объездила на туристическом автобусе всю Италию и собиралась во Францию, а другая пожила полгода няней в семье на морском побережье —

и рассказывала буквально сказки о чудесных пляжах, дешевом жилье и фруктах за копейки.

И туда не нужно было визу! Так просто, в местном аэропорту тебе шлепали печать в паспорт — и живи.

Мырка решилась.

Она, руководствуясь советами подруг, подала документы на зарубежный паспорт.

Тяжелое лето кончилось, когда она буквально вытаскивала сестру подышать воздухом во двор на скамейку, а потом заводила назад, по лестнице к лифту, слушая ее едкие замечания.

Когда паспорт был получен, удалось разговориться на этой же скамейке с новой соседкой-пенсионеркой, которая жаждала найти подработку.

Мырка даже пригласила ее в гости на чай с пирогами, посадила за один стол с помрачневшей Шушей (Шуша с детства была ревнива до безумия) и потом, уже на лестнице, условилась с этой соседкой, что та будет за хорошие деньги ухаживать за Шушей.

Затем состоялся разговор с сестрой.

— Я уезжаю на месяц,— сказала Мырка.— Представь себе, что я лежу в больнице. И меня даже навещать не надо. Ну бывает, ты ведь лежишь иногда.

— Сравнила,— откликнулась сестра.— Что-то сравнила с пальцем.

— Всё с людьми случается,— отвечала бодрая Мырка.

— Я-то больна, а ты? Мымка говняная.

(В минуты гнева она слов не выбирала.)

— С тобой будет Элла Игнатьевна. Соседка та, ниже этажом. Она к нам приходила, помнишь? Неделю назад.

— Да я ее в квартиру не пущу! — возмутилась Шуша. — Шпионку эту! Чтобы она всему двору обо мне рассказывала! Ходит, хвалит, у вас так прибрано, уют, а сама глазами так — туда-сюда, туда-сюда! Что прикарманить!

— Она будет тебе покупать продукты и выносить помойку, ходить в аптеку. Она будет убирать в квартире и стирать с тебя. Готовить ты сама сумеешь. И она поможет тебе мыться в ванной. Я ей приеду, заплачу.

— Левины денежки скопила? — воскликнула вдруг Шуша тревожно. — Я просила тебя мне ингалятор купить, массажную кровать, а ты приберегла? Для себя?

— Что поделать, — вяло ответила Мырка, хотя на допросах так не отвечают.

— Ну ты скотина. Жаль, отец тебя не видит.

— Жаль.

— Дура. Куда ты намылилась?

— Я поеду отдыхать.

— Куда?

— На кудыкину гору.

— Не груби! От чего отдыхать? Ты ведь не работаешь! Ты больше ко Льву, своему любовнику, не ходишь! И он тебе не звонит. А? Выгнал?

— Нет, не выгнал.

— Ты ведь не могла его бросить, сколько я тебя ни просила. Мне так было плохо, а ты убежала к нему. Он не выгнал, тогда что ты туда не шляешься? А? Он что, умер?

— В общем, да.

— Он что, оставил тебе наследство? Ну? Говори!

— Какое у него наследство! Два пиджака и собрания сочинений, Чехов, Джек Лондон. Это мне отдадут хоть завтра. Квартиру забрали родственники, вдруг объявился сын сестры из Канады.

— Какой Джек Лондон! Свои книги нам некуда уже ставить, с ума сошла? Отдай в букинистический!

— Я ходила спрашивала, там не берут.

Мырка врала как по писаному. Она сама от себя этого не ожидала.

Первый раз в жизни она захотела счастья. У нее буквально замирало сердце.

Сестра яростно заплакала, даже завывала.

— Я! Я никогда от тебя не отдыхаю! Ты мне не можешь путевку в санаторий выхлопотать бесплатную! Сколько я прошу! Вон Ивлева каждый год получает в Рузу! Черенкова моя и то под Пензу ездила!

— Вернусь, мы этим займемся.

— Мы, Николай Второй!

(Это было отцовское присловье.)

— Скажи, куда ты едешь?

— Сказала тебе, на кудыкину гору, Шуша. Не спрашивай, я суеверная.

— Со стариком опять каким-нибудь в Сочи?

— Я тебе оттуда позвоню.

— Замуж снова захотела? Шлюха ты, Мымра, плять. Но прописывать сюда я никого не дам! А без прописки, учти, ты им неинтересна, старая уродина.

И Шуша завела свой обычный крик.

Тем не менее Мырка собрала вещички в чемодан, с которым когда-то ездила в отпуск, все под бдительным оком сестры (чтобы не прихватила лишнего).

И улетела.

Денег у нее при финальном подсчете оказалось в обрез, тех самых долларов, но Сергей Иванович через неделю должен был положить ей на карточку плату за два месяца (прошлый срок он пропустил по какой-то серьезной причине, не сказал ничего, просто уточнил: «У меня серьезная причина, возьму»).

Мырка легкомысленно отнеслась к этому, вернет же! Опять его жена, наверно, фокусы выкидывает.

Сама Мырка все предусмотрела, ехала по уже известному адресочку, ходила в Интернет-кафе с той подругой, которая там раньше работала няней, нашли адрес с приемлемой ценой, списалась с владелицей на английском (подруга помогала) и чин-чином отправила на хозяйкин счет предоплату.

С собой везла большую кружку, ложечку, ножи-чек, кипяtilьник и три пакета круп (залить кипятком на ночь и под подушку, утром тебе каша при полной сохранности витаминов). Далее у нее с собой был килограмм недорогого сыра и десять пакетов супов, чтобы для вкуса добавлять в кашу. Ну и засушила сухарей, груз невесомый, а польза большая.

То есть первые десять дней продержимся и без денег, потому что все уйдет на первую половину платы квартирной хозяйке и на такси до ее дома. Правда, заначку Мырка везла, на всякий непредусмотренный случай: сто долларов она купила себе на остатки пенсии.

И такой случай вскоре наступил.

Мырка приехала, выспалась, поела, радуясь своей предусмотрительности — половина пакетика супа с сухариками с сыром, — и заварила кашу на ужин.

Обложила кружку с заваренной крупой подушками и одеялами.

И ушла гулять.

Был чудесный вечер, на набережной толклись люди, загорелые, веселые, красивые. Вдали, на высоте, громоздился местный дворец, Мырка ринулась было туда посмотреть, да там был, оказывается, даже музей, за вход просили денег!

Мырка пока что не меняла свою валюту, драгоценную сотню.

На набережной продавались овощи и фрукты, всякие сувенирчики, стояли вешалки с одеждой на колесиках.

Мырка сквозила мимо, мимо, это не для нас, весело говорила она себе.

Вернулась домой.

Включила телевизор. Там было все на местном языке, да и изображение слегка плавало. Смотреть было нечего, какие-то местные новости, дебаты, непонятные фильмы и песни с танцами.

Читать тоже было нечего.

Мырка легла спать.

Назавтра она съела утреннюю порцию напаренной каши, заварила следующую, спрятала ее в подушки и была готова к подвигам. Надела под сарафан купальник, спрятала доллары на дно шкафа, взяла в пакет хозяйское полотенце и пошла.

Пришлось пилить далеко, в городке не было пляжа, но часа через полтора Мырка вроде дотопала до места, нашла купающихся в скалах.

Было страшно жарко, приходилось сидеть в раскаленных камнях, прячась в жидкую тень, но Мырка

была счастлива! Она купалась, сохла, купалась и, только уже когда солнце село, отправилась домой.

Пришла уже в темноте, поела, легла. Шкура горела огнем.

Назавтра пришлось сидеть дома.

Доллары лежали не так, как она их оставила. Но что было делать?

И потекли эти пустые дни с сожженной спиной, без денег, без новостей, без телефона. Мырка берегла его выключенным, чтобы через неделю узнать, когда С. И. положил деньги. Тогда гуляем!

Неделя прошла. Сергей Иванович держал свой мобильник вне линии связи. На карточке не было ничего.

Теперь она ходила на море рано утром и на закате.

В скалах, где купались отдыхающие, людей ее возраста не оказалось, видимо, где-то существовал еще и благоустроенный пляж, и Мырка его нашла — в противоположном конце городка.

Оказалось, что там тенты, то есть тень, только над лежаками, а лежаки платные. То есть находиться пришлось бы опять же под солнцем. Спасибо.

Вечерами можно было сидеть на скамейках в парке или на набережной, которая была отгорожена от скалистого берега балюстрадой.

Но там Мырка тоже стеснялась и ни с кем не решалась заговорить, все были парами или с компанией, счастливые сытые люди в хороших шортах и майках, а Мырка щеголяла в пестром халате и шлепках. Не надевать же черное шелковое платье (купленное в последний день в секонд-хенде), симпатичное, но не для жарких вечеров.

На карточке денег не появлялось.

Видимо, Сергей Иванович снова имел серьезные причины не платить Мырке. Или же, не дай бог, с ним что-то случилось.

А обратный билет был только через три с лишним недели!

Мырка отчаялась. Она вдруг начала вспоминать, как часто ее обманывали, как с ней обращался сам С. И. в годы их супружества и как к ней относилась та же Шуша.

Только мама, слабое, подневольное существо при раздражительном и суровом папе и ревнивой старшей дочери, не выносившей, когда Мырка ластилась к матери, а-ха-ха, что ты лезешь, чтобы погладили по головке, отстань, уродка,— только мама любила свою неудачливую, некрасивую дочку.

Сестра еще всегда делала замечания, если Мырка смеялась своим заливистым хохотом:

— Ну, закатилась! Тише ты, истеричка.

Прохохотала свою жизнь, думала Мырка.

Однако это странное существование шло своим чередом, приходилось растягивать каждый суповой пакетик на четыре дня, да и кашу надо было уже экономить. А чем платить хозяйке при выезде? Как ехать в аэропорт?

Вдруг полили дожди.

Запасливая Мырка взяла с собой и зонтик.

Тут уже можно было надеть черное шелковое платье, и, переодевшись и раскрыв зонтик, Мырка вечерком выбралась на очередную бесполезную прогулку, просто чтобы подышать свежим воздухом.

Она пошла вдоль набережной, потом свернула куда-то, печально двинулась по неизвестной улочке вдоль залива, в воде змеились отблески фонарей, пахло тиной, солью, йодом.

Похудевшая Мырка волоклась неспешным шагом, прохожих было мало.

Она шла и шла, а потом стала искать сухое местечко, где бы присесть. Устала с голодухи.

И вдруг она услышала взрывы хохота. Смеялись мужчины.

Мырка как раз проходила мимо кафе — на набережную были выдвинуты столики, за которыми никто не сидел, а внутри, в маленьком зале со стенами, сложенными из обтесанных камней, гомонила какая-то компания.

Мырка, не владея собой, приткнулась боком за стоявший почти на улице столик. Стул оказался мокрым. Но что делать!

К ней тут же подошел официант. Что-то спросил, склонившись. А, здесь ведь нельзя просто так сидеть. Сразу найдут и потребуют плату.

Мырка вдруг ответила:

— Кофе.

Официант сделал приглашающий жест в сторону зала, и Мырка тронулась следом за парнишкой.

В низком помещении было тепло. Повсюду горели свечи в стеклянных вазочках.

Мужская компания гоготала и пила пиво за длинным столом.

Это были явно не отдыхающие, а местные мужики, работяги.

Пришли отдохнуть после работы.

Они, перекрикивая друг друга, что-то рассказывали, кричали бармену, галдели, хохотали, и время от времени кто-то из них вскакивал и шел на кухню. Его провожали приветственными воплями, кува, кува, андро!

И наконец (Мырка все еще ждала свой кофе) из внутренней двери вышел повар, неся поднос с жареной рыбой, а за ним, тоже с подносом, следовал тот самый, которому кричали «кува». Их встретил победный рев.

Подносы были водружены на стол, пошел пир горой. Что-то эти люди праздновали.

Мырка пила свою чашечку кофе не спеша. Ноги гудели.

Вдруг Кува встал и пошел к ней. И, указывая на стол, стал жестами приглашать Мырку. Мол, иди к нам, бабука.

— Бабука тр-бр-дар-дар-дар,— завопили мужики.

Что же, Мырка, взяв собой чашечку, зонтик и сумку, села в конце их стола.

И ей навалили целую тарелку рыбы!

Стараясь не спешить, она стала глотать кусок за куском, еле успевая вынимать изо рта крупные кости. Она чуть не плакала от благодарности, сухая маленькая старушка в черном платье и со своей обычной прической — волосы стянуты резинкой на затылке, челка до очков.

Ей и пива поднесли. Она подняла бокал, смеясь от радости, со всеми перечокалась, выпила и стала вдруг хохотать. Они кричали бог знает что, она не

понимала ровно ничего, но все равно смеялась когда все смеялись.

У нее был тот самый, звонкий и раскатистый смех, которым она отвечала на любую шутку. Ее отличительная черта в молодости. То, что сестра пренебрежительно называла «завлекалочкой». Опять свою включила завлекуху.

Пиво ударило ей в голову, глазам было весело смотреть на этих здоровенных мужчин в свитерах и клетчатых рубашках.

Это явно были рыбаки.

Она их признала. По утрам на берегу открывался рыбацкий рынок, там с рассвета сидели неподвижные местные кошки (однажды после бессонной ночи, когда в первый раз выяснилось, что деньги не пришли и С. И. не берет трубку, Мырка в полном ужасе выбралась из душной квартирki подышать). Она пошла по набережной как бы гуляя. Как отдыхающая. И, ощущая биение сердца и сухость в горле, как вышедшая на охоту, она шла вдоль рядов, высматривая, как торгуют рыбой и как кошки давятся брошенной им мелюзгой. Нам бы бросил кто.

И вот Мырка наконец пожрала рыбы. Сама как тощая прибрежная кошка, она ела и ела, хохотала и хохотала.

За ее кофе тоже заплатили мужики.

Когда все поднялись, она стала рыться в сумке (она носила теперь с собой ту сотню долларов), но рыбаки закричали по-русски: «Нэ, нэ, бабука, нэ нада!»

Однако случайное счастье никогда не повторяется.

Сколько раз Мырка ни проходила вечерами по той улочке мимо кафе (в черном платье причем), того хохота она уже больше не слыхала.

Кто-то там сидел, пил пиво, вдвоем-втроем. Не смеялись. Сезон шел к упадку, покупателей было мало.

Кончен бал, погасли свечи.

И рыбацкого рынка она стала стыдиться, даже мимо не хаживала, чтобы никто из тех мужиков ее не увидел и не стал бы навязывать ей рыбу по дешевке со скидкой — они же должны торговать и торговаться! Надо же им жить!

А есть ей уже было почти что нечего.

Но, как говорится, пришла беда — отворяй ворота.

И однажды случилось то, что Мырка в своих прогулках по парку наткнулась на цыганят, которые паслись у какого-то дерева. Они орали, подплясывали, тыкали замызганными ручонками вверх, один громоздился на другого и в таком виде тянулся к какому-то плодам, еле заметным в крупной листве.

Мырка как старшая подошла и сорвала фрукт, отдала детям, потом другой — и не заметила, как цыганята ее облепили, тыча ей под нос фанерку с какими-то кривыми буквами. Эта фанерка на уровне горла заслоняла собой все, что было ниже шеи, а руки цыганят, как муравьи, бегали и копошились вокруг Мыркиной сумки, где она хранила свою единственную сотню долларов. Мырка стала отвоевывать сумку, но как бороться с детьми? Фанерка буквально врезалась ей в шею, туловище не могло продраться сквозь облепившие его со всех сторон увертливые, судорожно деграющие сумку руки.

Они хотели снять ее с Мырки, но ремешок был не на плече, а на шее. А поскольку фанерка, видимо, не давала свободы этим пронырливым рукам, все хлопоты сосредоточились на сумке.

Мырка даже не могла кричать, настолько ослабела.

И вдруг стискивавшие ее руки отпали, фанерка исчезла, дети разбежались, а сумка зияла, расстегнутая настежь.

Они взяли всё.

Ни ключей, ни денег, ни очков, ни лекарств.

Паспорт и билет Мырка, слава тебе господи, хранила в чемодане.

Она стояла под деревом, плача, и машинально собирала с веток сладкие ягоды. И ела, трясаясь и размазывая слезы по лицу. Платок носовой и тот унесли.

Хозяйка отнеслась к ее беде как-то хладнокровно. Ключ ей дала, посоветовала «гоу ту полис», иди в полицию.

— Олл май мани,— причитала Мырка,— блэк чилдрен... э литтл... вот маст ай ду... визаут мани...

В результате через день хозяйка переселила ее в подвал. Там был старый топчан, в углу закуток с унитазом и раковиной, но не нашлось ни единой розетки. Лампочки в патроне тоже не имелось, свет доходил через подслеповатое окошечко под потолком. Две простынки и бывалое ватное одеяло, а также три вбитых в стену гвоздя довершали дизайн этого интерьера.

Можно было бы считать, что это окончательное падение, но Мырка вдруг стала свободной, то есть легализировалась как нищенка.

Она больше не боялась хозяйки.

Денег за эту дыру с нее не требовали.

Владелица вроде бы утешилась на том, что Мырка обещала прислать ей долг из Москвы. Бумажку с огромной суммой ей выдали (хозяйка уточнила, что «за электричество», явно намекая на кипятильник, то есть опять-таки рылась в ее вещах, понятное дело).

Ну что же, бомжам-то приходится хуже, им и спать негде.

А у Мырки была и вода, и уборная, и, худо-бедно, постель, ура. И она стирала с себя, благо что неизрасходованное мыло лежало в чемодане еще с Москвы.

Остатки каши она заливала вечером просто водой и добавляла туда немного супового порошка. Утром ела, а что. Все-таки завтрак.

Но и этому скоро пришел конец.

И Мырка пошла в город голодная.

Она скиталась по окраинам, ища помойки.

Но там нечего было взять. Ни хлеба, ни выброшенных фруктов.

Тогда Мырка переместилась в район вилл.

Она двигалась вдоль каменных заборов, вдоль дворцов, стеной стоявших над набережной, и вдруг из каких-то ворот вышла тетка в головном платке, низко надвинутом на лоб, явно арабка. Тетка шла вперевалочку, из-под длинной юбки мелькали ее голые пятки и подошвы шлепок, а на руке у нее висела дубленка! Это в конце сентября!

Мырка как замороженная убыстрила свой неверный шаг (ее слегка водило от голода).

Опа! Арабка свернула в какие-то полуоткрытые ворота.

Мырка притаилась и смотрела в щель.

Арабка стояла тут же, рядом, и она возилась в помойном контейнере! Деловито перебирала пакеты, вытряхивала их.

Ничего не нашла.

Выпрямилась, посмотрела в сторону ворот.

Мырка скорее сменила позицию, потащилась прочь.

Арабка, покачиваясь, выплыла на улицу.

Обогнала Мырку.

Можно было возвращаться.

В помойном контейнере лежал на виду хлеб, половина каменного батона.

Мырка, склонившись, впиалась в него зубами, сначала было сухо, но потом пошла слюна.

К ночи (чтобы хозяйка не видела) Мырка приволокла домой подержанную табуретку, куртку укрываться, далее пластиковое ведро, в котором лежал пакет с разномастными кусками хлеба и слегка побитый арбуз и, наконец, старый фанерный чемодан, запертый на два замочка.

К нему Мырка нашла железный инструмент типа заостренной полоски (но не в помойке, а в парке у скамейки, где удалось даже поспать, наевшись плодов с того дерева).

Ночью в подвале было темно как в танке, и Мырка, поев размоченного хлеба, легла на свой продавленный топчан.

Наутро, расковырявши заржавленные чемоданные замки и проникнув в слегка заплесневелое нутро, Мырка обнаружила старинные, слегка окаменевшие, салфетки, вышитые дыроватые полотенца

(чистый лен), пятнистую, тоже вышитую, скатерть, далее комок рваных кружев (видимо, бывший воротник), парусиновые очень маленькие туфли на резиновом ходу, бывшие белые, и, наконец, под грудой слежавшегося полотна, куклу.

Она была не просто старая, она была как после взрыва — вместо рук огрызки, одна нога без ступни, дыра в спине.

Но на голове ее плотно сидела шляпка, явно более позднего происхождения, связанная из синтетической веревки, точь-в-точь как мамина... И тоже пришитая к пеньковым волосам.

Мырка заплакала над этой куклой, сидела, трясясь мелкой тряской, и лила слезы.

Тут же ей пришло в голову сшить кукле платье с длинными рукавами и прикрыть ее раны.

Она обняла свое однорукое сокровище и сидела с ним, как сидела раньше с кошкой, утешаясь и забыв все свои беды.

Мамина кукла. Привет от бедной умершей. Она послала своей дочке этот подарок.

Потом Мырка опомнилась.

Сначала куклу надо было выкупать. Вымыть ей голову, ее свалявшийся парик.

Мырка налила в свое новое ведро воды и приступила к делу.

Пришлось отпороть шляпку и ее выстирать.

Намылив паричок, Мырка осторожно стала его промывать.

Парик тут же отклеился. Беда. Надо было осторожней.

Под париком открылась дыра, пустая голова, забитая намокшими газетами.

Вытащив этот, неожиданно очень тяжелый, комок, Мырка стала разнимать слипшуюся бумагу.

В ней были завернуты золотые вещицы — цепочки, кольца с крупными камнями, кулоны, брошки, серьги с белыми, переливчато сверкающими камушками, старинная камея.

Кто-то тайно хранил свои сокровища в кукле, какая-то старая девочка, и кто-то их искал, потроша папье-машовое туловище и разбивая руки-ноги. Потом старая девочка нашла свою изувеченную куклу и закрыла ее в древний чемодан. Недавно девочка умерла. Беззаботные богатые потомки велели слуге выбросить чемодан. Он туда тоже из брезгливости не заглянул. Таков был предполагаемый ход событий.

Газеты (их Мырка рассмотрела внимательно) были полувековой давности.

Столько же лет было и той кукле, которую ей когда-то купила мама и которую теперь сторожила и не давала в руки Шуша.

Далее можно не рассказывать о торжестве справедливости, о том, сколько ей дали в ломбарде за золотую цепочку, о том, что Мырка последнюю неделю жила в своей прежней комнате и ходила покупала подарки, кому — подругам, Шуше и Сергею Ивановичу (от которого так ничего и не пришло, да и бог с ним)!

Сокровища она теперь носила в специальном кошельке на длинном шнурке и на шее, прятала его под рубашку и дальше, под пояс брюк. Не купалась,

а как оставить одежду? Ходила только в людных местах, жертва своих сокровищ.

Богачам приходится туго, думала Мырка. Все время они думают, а не обокрадут ли их...

Она звонила Шуше, та плакала и говорила, что ты, сволочь, со мной устроила, просто умираю.

— Щас вернусь,— твердо сказала Мырка и получила в ответ матерное слово.

И она даже зашла на прощание в то заветное кафе, а там сидели молчаливые рыбаки (сезон почти закончился, рыба то ли не ловилась, то ли не продавалась, рестораны закрывались и т. д., наступало голодное времечко, и надолго, до весны).

Они приветствовали Мырку, одетую по местной моде в хорошую светлую курточку и белые брюки, они пригласили ее за свой стол, а она в ответ заказала на всех пива!

И смеялась весь вечер, звонко хохотала, второй раз за этот месяц, и они в ответ смеялись и что-то ей говорили, лезли целовать руки, бабука, бабука.

Надо сказать, что больше она не трогала своих сокровищ. Она их, как и раньше, обложила газеткой, сунула обратно в куколкину голову, приклеила паричок, затем пришила сверху шляпку. Замотала куклу тряпками и положила в чемодан. А в аэропорту отнесла к заклеящикам, и его обмотали синей пленкой. Она попросила только оставить наружи кусок днища, чтобы не перепутать с другими чемоданами, так же упакованными. Не дай бог!

После легкой перебранки и недоумевающих возгласов заклеящик сделал что требовалось.

Кукла ехала как королева, чистая, в новом кружевном платье, придется ей заказать руки-ноги, думала Мырка.

Ее одолевали заботы, как теперь прятать сокровища от Шуши. Носить с собой? Продать и положить денежку в банк? А ну как инфляция или кризис?

Богатому человеку приходится нелегко, опять-таки думала Мырка, летя в самолете.

С НОВЫМ ГОДОМ, ПРЕСТУПНИК!

Новогоднюю ночь (то есть, по традиции, семейный праздник) полагается проводить дома и весело. Насчет последнего («весело»): людям это не всегда удается, так как хозяйева к вечеру сбиваются с ног, поскольку происходит нон-стоп что: готовка — уборка — мытье кухни как после ремонта — заставить детей нарядить елку — кричать, чтобы не подпускали кота к мишуре — запретить кота в ванной и нарядить елку самой — вымыть и переодеть детей — и только затем выпустить ошалелого кота, принять душ и переодеться уже перед боем курантов (у интеллигентных девушек такое наведение порядка называется «врубить Потемкина», по аналогии с потемкинскими деревнями), вот так.

Наконец, время подступает, и всё готово (или почти всё).

И тут звонки в дверь, приходят родственники с обеих сторон, которые пока что церемонны и свежи (но потом, к середине ночи, окажется, что они еще не всё друг другу высказали); затем вваливаются кое-какие близкие друзья с детьми и — вот сюрприз — несовершеннолетние кореша старшего ребенка (по-

том они уйдут все вместе до утра, хотя кто им разрешил?).

И тут проблема — в первую половину новогоднего торжества народ умудряется выполнить всю праздничную программу: наестся — напиться — вручить и получить подарки — спеть «В лесу родилась ёлочка» — как-то погасить назревающее между бабушками выяснение кто есть кто — загнать младших по койкам, и что остается?

Сидеть всем скопом и скептически переключать каналы, по ходу дела ядовито комментируя передачи в их невольном клиповом (клочковатом) виде, а затем преувеличенно радостно встречать гвоздь вечера, долгоиграющее «горячее», которое некуда уже втолкнуть...

Так протекает хваленая семейная новогодняя ночь.

Ежели же молодая семья сама идет к старшим с пакетами, сумками и детьми, то тут сценарий другой — молодым можно, отдавши дань традициям строго до полуночи, выпив шампанского и оставив детей бабушкам, идти развлекаться. По гостям, с друзьями погулять, пустить десяток-другой ракет во дворе, потом в клуб потанцевать и т. д. Тогда утро наступит не так рано, дети не будут прыгать по родительской постели, топча спящие тела, младших привезут ближе к вечеру, бледных, перекормленных и с утомленными глазками (мультипликация нон-стоп с утра. Просмотр мультв с полугодовалого возраста).

Обычная, обыденная семейная жизнь первого января, что о ней говорить. Опять уборка, посуда, дожевывание вчерашнего (а то испортится) и трусли-

вые мысли о том, на сколько килограммов увеличится вес к концу каникул...

Однако, как было сказано в классической литературе, эта одинаковая обыденность свойственна только счастливым семьям.

А мы приступаем к рассказу о семье не такой, как у всех. Первое «не так»: хотя там есть дети, причем их трое, но мужа нет и неизвестно, или, как говорят в народе про ушедшего, муж говнюш (раньше бы сказали «объелся груш», но сейчас выражаются смелее).

Имелся некоторый гражданский брак, так сказать. Родились Полинка и Маруся, потом Санёк. Семь лет, пять с половиной лет и три года, изволите видеть. Затем гражданский муж и отец семьи, тихий беленький музыкант, полюбил другую. И там родился еще один ребенок.

Со временем в описываемой нами семье все устаканилось: пустота, возникшая после ухода папы, постепенно затянулась, как всякая несмертельная рана, дети ведь смиряются с обстоятельствами, а что делать, и мама продолжает работать, готовить, стирать, убирать, мыть, водить девок в садик и на дни рождения (младший за плечами как в скворешне), а также принимать друзей в своем частично опустевшем гнезде.

Родной отец не бросает потомства, иногда, раз в месяц, он их берет на выходные, и мама везет детей к нему и сдает с рук на руки и оказывается свободна на сутки. Свободна долго спать, ничего не готовить, свободна пойти в гости или в клуб потанцевать. Но, как правило, сил на это нет и вообще много работы. Мать детей остается за компьютером. Вечером набегают друзья и подруги.

Но вот в этой неполноценной семье наступает канун Нового года, 31 декабря.

Дети с утра, скандаля между собой и отваживая младшего, чтобы не побил игрушки и вообще не лез, наряжают елку (кот Пряник воет в ванной), сегодня семья остается дома, потому что бабушки-дедушки разъехались,— бабушка детей Оля с пятым мужем и тремя младшими ребятами уехала к себе в имение под Тверь (ночь в поезде, час на автобусе, далее пешком сквозь зимний лес, красота, 4 км.). Дедушка детей Коля со второй женой и сыном уже пятый день в Голландии у друзей, прабабушки тоже при делах — одна на Гоа, другая в Турции, прадед с новой подругой уехал в пансионат под Владимир, подальше от недавно пришедшего из армии сына подружки, у которого свои планы на новогоднюю ночь и квартиру.

Так что, мама, готовь, убирай, следи за детьми и пирогом, тушеной капустой в горшке и гречневой кашей с грибами, что совместно созревают в духовке.

Маму зовут попросту, как всех, Варвара.

Она попутно натирает вареную морковку, свеклу и картошку, и ей нужно еще майонезу (селедка под шубой, а как же).

У Варвары уже все запасено, она с самого детства была для своей интеллигентной и забывчивой мамыши опорой и надеждой — поскольку именно под руководством Варвары в доме произрастало младшее поколение, она воспитывала всех троих поочередно.

Старшие дочери в многодетных семьях вообще в дальнейшей жизни становятся какими-то ухватистыми, бесстрашными и способными выносить все тяготы жизни довольно спокойно. Они, самое главное, не-

обидчивы и добродушны, что притягивает к ним большое количество друзей. В доме у Варвариной мамы поэтому всегда паслись, наряду с собственными детьми, еще и мелкие знакомые Варвары, начиная с детсадика.

В школьные времена мальчишки из класса, практически все семеро, кучковались вокруг Варвары и после окончания школы так и сопровождали ее по жизни (и все остолбенели, когда она в девятнадцать лет вдруг оказалась с огромным пузом и как бы вышла замуж, но гражданским браком, как сейчас поступают почти все).

С этим замужеством все было тоже непросто, никакого жениха около беременной Варвары не наблюдалось, мама ее тихо плакала, а вот Варвара сдавала сессию и носилась в институт и по гостям со своим брюхом вполне веселая, а когда она родила, то неожиданно в доме появился некто отец ребенка, нестандартно молчаливый, мамаша Варвары сразу стала его бояться, но тут же, раз он объявился, вполне хладнокровно начала посылать его с передачами в роддом и по друзьям за коляской, кроваткой и одежкой.

И жених так и не ушел.

У Варвары к тому времени образовалась даже квартира от умершей прабабушки. Так что вроде бы в молодой семье (с помощью старших, разумеется) все оказалось уготовано для нормальной жизни.

Гражданские супруги прожили вместе семь лет, а потом Варвара осталась одна. Ее муж влюбился, как оказалось. Ну и ладно. Варвара сохранила с ним неплохие отношения.

По прошествии времени Варвара опомнилась и, можно сказать, даже вздохнула с облегчением — она

слегка боялась своего молчаливого мужа. Вообще-то он был длиннобудый (по словам пятого мужа мамы, который любил выражаться по-ростовски), белесый и в какой-то степени красавец, да еще и музыкант, что есть убийственное сочетание для девушек (Варвара числилась одной из них).

Детки удались в него — худые и высокие, с загадочными взорами и льяными кудрями. Правда, болтливые, как все их женские предки.

Теперь сделаем маленькое отступление — из передач про зверей известно ведь, что прекрасная половина всего животного мира выбирает себе в партнеры и производители самых красивых особей мужского пола — так поступают оленихи, попугаихи и львицы, а также глухие тетери. Про кошек, собак-самок и кур речь не идет, это или распутные гетеры, матери семибатьюшного потомства, или секс-рабыни.

Так что будем считать, что Варвара выбрала себе красавца Олега в мужья именно для того (как оказалось), чтобы родить двух таких невероятных принцесс и маленького принца.

Но с красивыми самцами всюду в животном мире проблемы — взять тех же оленей или глухарей. Или, далеко ходить не надо, котов. Какой от них прок, когда рождается потомство? Бабы-животные всё одни да одни. А пернатые и четвероногие мужья, продлив жизнь рода и увеличив популяцию, скипают (данное слово лучше всего объясняет ситуацию, «скипеть» на молодежном языке означает «слинять»).

И надо сказать, что вообще-то разговоров у Варвары и Олега почти не завязывалось — так, всё по делу, кому в магазин и что купить и кто с детьми сегодня гуляет.

(А много ли говорят с женами рогатые лоси?)

И когда этот влюбленный в постороннюю даму Олег откочевал к своим родителям, друзья Варвары проявили максимум такта и почти не оставляли ее одну. Тут и появился Иван, приведенный одноклассником Варвары в ее дом на день рождения хозяйки.

Стеснительный Иван после того ходил редко и сидел недолго. Но постепенно все почему-то стали относиться к нему как к значительному лицу: слушали его внимательно (а он слегка заикался) и накладывали ему на тарелку побольше. Вообще заботились о нем.

Все, но не Варвара. Ей было некогда.

Девушки всегда знают, как реагировать на тех, кто по ним сходит с ума. Так, про себя, девушки испытывают что-то вроде щекотания души, когда на них смотрят определенным взором. Но показывать этого нельзя! Равнодушие и еще раз равнодушие, завещала нам прабабка Ева, выгнанная за свою неосмотрительность из очень престижного садового товарищества.

Теперь, после разъяснения предшествующих обстоятельств, вернемся к нашей дате — 31 декабря.

Варвара помчалась за майонезом вниз, в подвальный магазинчик.

И вдруг прямо на улице ее настиг звонок.

— Это я, Иван.

— Ой, перезвони мне попозже,— отвечала бегущая Варвара.

Тут Иван быстро пробормотал, что его арестовали и он находится в таком-то отделении милиции.

— П-п-позвони моей маме.

И он, заикаясь, продиктовал телефон, а записать-то его было нечем!

— Телефон повтори! А что, за что тебя арестовали? — закричала Варвара, растеряв все свое хладнокровие.

— Сегодня же три-три-тридцать первое, — заикаясь, отвечал Иван, и тут разговор прервался.

Варвара сразу вернулась, полезла в Интернет и посмотрела адрес отделения, где сидел Иван. Потом она обзвонила всех, выяснила, что такое для нас тридцать первое число вообще, раздобыла телефон мамы Ивана, поставила ее на уши, а потом, покинув селедку без полагающейся шубы, собрала детей и в девять часов вечера вошла в отделение милиции. Там уже стояли какие-то люди, Варвара поздоровалась с ними, спросила: «Не вам я звонила начет Ивана?» — и женщина закивала, с неподдельным интересом рассматривая Варвару и ее выводок. Это были, видимо, Ивановы родители, а также какая-то их голосистая девчонка, которая препиралась с дежурным на повышенных тонах. Мама же с папой, замерев и вытаращившись, ошеломленно смотрели на детей.

Варвара всегда знала, что все вокруг любят ими. Но тут уже произошел какой-то апофеоз!

Затем взрослые очнулись и представились, правда, их имена тут же вылетели из Варвариной головы. Она только запомнила, что девочку звать Вероника.

Девчонка, ей было лет четырнадцать, зычно провозглашала перед дежурным:

— Какое имеете — вы — право — арестовывать — людей — тридцать первого числа? Потому что право на митинги и собрания записаны в тридцать первой статье нашей конституции? Только поэтому? Несанкционированный митинг — тут какой-то бред! Как можно не разрешать встречу! Митинг — это по-английски просто встреча! Друзей на улице! На улице каждый может встретиться и говорить!

Дежурный в мундире и при фуражке, стоя за барьером в профиль, смотрел прямо перед собой, в стенку, и хранил молчание.

— В конституции записано, что мы как бы свободные люди в свободной стране!

На десятый крик дежурный отхаркнулся и монотонно ответил, что типа того, обращайтесь в Конституционный суд. В Гаагу. Ничего не знаю.

— Свободу узникам совести! — провозгласила Вероника и оглянулась. — Ой, привет! Ой ти какой холёсий! Кто присёл!

Она тут же засмеялась, взяла на руки Саню и замолкла.

Вероника была довольно крупная девочка в очках и, когда она так приветливо улыбалась, то неуловимо напоминала Валерию Новодворскую. Как говорится, сквозь мягкие черты юности проглядывало ее твердое будущее.

Варвара сняла с детей шапки, шарфы и варежки, расстегнула на них куртки и усадила за стол. Вероника пристроила Саню, подложив под него свою шубу.

— Ну передачу-то примите, — мягко говорила дежурному мама Ивана, протягивая через барьер большой, туго набитый пакет. — Тут вода и пирожки,

самое необходимое. Они же пить хотят! Голодные! Новый год же!

Мент, мельком взглядывая, как петух, боковым зрением на происходящее, отвечал, что не положено.

Дети долго не усидели, они начали бегать по помещению и прятаться под столом. Потом они что-то заметили, скопились у барьера, где каменно стоящий дежурный в фуражке охранял проход, и воззрились на его кобуру, перешептываясь. Мелкий Санек даже потянулся потрогать.

— Макаяв,— сказал Санек. Он почти уже коснулся пальчиком кобуры, но мент придержал ее выше, сделав движение своим полным бедром, а потом, как луна за тучу, частично зашел за барьер.

— Не, не «макаров»,— отвечала Полинка.

Тут хлопнула входная дверь, и мент воскликнул:

— Уберите детей! Быстро!

Варвара подскочила и отвела потомство снова за стол.

Группа милиционеров ввела в отделение людей — двух мужчин и женщину, по виду продавцов с рынка.

Их пропустили за барьер, и они исчезли за поворотом.

Юная Вероника опять завопила:

— Почему тех пустили, а нас нет? Нарушение конституции!

— Да! — воскликнул папа.— Мы тоже имеем все права пройти и узнать, что с нашим сыном! Где он и что с ним творят тут, понимаешь! Почему не пускаете? А? Молчите?

Этот отец семейства в момент произнесения речи стал удивительно похож на свою дочь, особенно низким голосом, большим выразительным ртом, очками и какой-то многозначительной полуулыбкой. Ему не хватало только прически «каре» с челкой.

На что дежурный, убравшийся полностью за барьер (дети снова подошли близко к кобуре), обозленно отвечал:

— Та че, та то не люди были, а преступники! Вы че вообще, не понимаете, где тут находитесь?

Пораженные посетители вытаращились, и, видимо, каждый стал вспоминать, какие они были внешне, те преступники.

Воодушевленный мент продолжал:

— И вы че тут распускаете здесь по отделению детей! Не положено! Вообще тут нельзя, сказано?

Варвара оттянула ребят и опять усадила их за стол:

— Будете рисовать?

Потомство молчало.

Варвара порылась в сумке и вдруг увидела на барьере кипу листочков.

Она подошла и взяла оттуда сколько взялось со словами:

— Можно я напишу заявление?

Потому что если лежит кипа бумаги, то она лежит для того, чтобы на ней писали, верно же?

— А ручку можно?

Дежурный без слов, но со страдальческим выражением лица, не глядя, протянул ей казенную ручку. Видимо, тут существовал непреложный закон, право

посетителей требовать письменные принадлежности.

— А еще ручку можно?

Дежурный покопался у себя на столе и выдал карандаш.

Варвара разложила перед детьми добытое. Они нехотя начали чиркать по бумаге.

— А мне? — завопил Санек. Он уже готов был заплакать.

Сестра Ивана нашла ему в своей сумке толстый черный фломастер.

Младшая обиделась, что ей достался простой карандаш, и она стала бормотать:

— Я этим франым карандафом не буду рифовать, бы-линн.

(Дети посещали садик и частенько приносили оттуда новые слова.)

Тем временем мама Ивана спросила охранника, как его зовут.

— Семен, — неожиданно для себя пискнул он и затем от души отхаркался.

— Сеня, вот поешьте. Я напекла пирожков. И есть шоколад. Вы, наверное, стоите тут до утра? Как же не повезло вам! В новогоднюю ночь!

— А, — махнул рукой мент, который, видимо, уже давно перебирал в уме все несправедливости, учиненные над ним начальством.

— Поешьте, а то мы хотим передать тут кое-какую еду сыну, он тоже с утра не ел.

— Да не положено, — отвечал хмурый Семен.

— Вам пирожка же можно? — не отставала мамаша арестанта.

— Не,— и мент даже отвернулся, чтобы не видеть пухлый прозрачный пакет, который Ванина мама поднесла повыше и приоткрыла.

По казенному помещению поплыл сдобный запах.

— Ну нельзя так нельзя,— согласилась Ванина мама и во мгновение ока накрыла на стол. Горка пирожков на пакете, литровая банка салата оливье, нарезанная сырокопченая колбаса, ломтики сыра, свежий батон... А также вафельный торт и кулек шоколадных конфет. Потом она выложила пластиковую посуду.

Семья Варвары и Ванина родня приступили к делу. Полинка, Маруся и Вероника налегли на конфеты, Санек же сидел давился пирожком, который мать сунула ему в приоткрытый рот, пока он рисовал домик и елку.

— Ешьте, ешьте, ребята,— сказала мама Вани.— Празднуем Новый год.

Правда, в ее глазах, как непролитая слеза, стоял вопрос, чьи это дети (Ванины?) и куда влип Иван, если они не его.

Она не отрываясь смотрела на пирующих. Иванто тоже у нее был белесый.

— Пить хочу,— с полными щеками произнес Саня.

Он сидел, кудрявый ангел, и смотрел своими синими глазами умоляюще (ресницы до бровей).

— Ффё, мы ефть не хотим, блин,— произнесла младшая своим перепачканным ртом. Перед ней лежало три фантика.

Мама Ивана обратилась к менту:

— Сеня, дорогой, где у вас тут вода? Я забыла бутылку. Дети вон пить просят, бедные, измучились уже.

Она почти плакала.

Вопрос с отцовством был почти решен, судя по ее растроганному виду.

— Да! — угрожающе, с пирожком за щекой, про-рычала Ванина юная сестра. — Нарушение прав человека! Мучить маленьких детей, блин, вообще! Страсбургский суд!

Тут выступила Варвара:

— Да я в ларек сбегаю, принесу. Нечего у них просить. Видать же птицу по полету.

В ней тоже пробудилось гражданское самосознание.

Мамаша Ивана, прирожденный миротворец, подняла руку, призывая к спокойствию.

— Вам принести что-нибудь, Сенечка?

Неожиданно мирно дежурный ответил:

— А че ходить, че приносить, вон он автомат у нас, кофе, какао, шоколад...

И он показал в угол за собой.

— А можно за барьер?

— А че, можно.

Мама Вани посмотрела на мужа, тот демонстративно свободно прошел за барьер и стал там, язвительно улыбаясь, рыться в бумажнике (вылитая Новодворская).

— А вам чего-нибудь мы можем налить? — не отставала мамаша.

И Семен вдруг встрепенулся, кивнул и сказал:

— Мне сладкого чаю с лимоном.

И пошел заключительный акт новогоднего пира, после чего Варвара убрала со стола, а дети стали бегать повсюду, временами тыкаясь в барьер и сквозь балясины разглядывая кобуру. Семен не реагировал.

Тут произошло неожиданное: за барьером, в глубине, открылась дверь, и давешние преступники, двое мужчин и женщина (может быть, только что зарезавшие человека), свободно проследовали через предбанник и вышли на волю.

— Эт-то что же выходит,— сказала, улыбаясь, сестра Ивана и поправила очки,— преступников выпустили, а честных людей держат в тюрьме? Борцов за права человека? Без права на передачи? Без воды? Там же больные люди!

— Да,— подхватил ее отец,— я должен переговорить с руководством. Мы имеем право! Где начальник отделения?

— Вон дверь, на второй этаж,— неожиданно ответил Семен и отодвинулся.

Ванин отец тронулся за барьер и исчез.

Все молча ждали.

Минут через пять из внутренней двери вышел полный немолодой мент в фуражке — по виду начальник.

Увидев народ за барьером, он вскипел:

— Это что такое! Немедленно покинуть помещение! Кто пустил детей? Запрещено! Сейчас же!

— Как вас зовут, здравствуйте,— вдруг сказала мама Ивана.

— Семен,— сбился с тона начальник.

Тут все засмеялись, глядя на нового Семена, даже маленькие девки специально ядовито начали хихикать.

Дети улавливают общую атмосферу очень быстро.

— Сеня, с Новым годом,— воскликнула дерзкая акселератка, сверкнув очками.— С новым счастьем!

Тот вытащил из кармана брюк мобильник, посмотрел в него и вдруг исчез.

Через небольшое время от начальства вернулся отец семейства и с порога провозгласил:

— Фамилия начальника там Акулов! А заместитель Глотов!

Женский пол заржал.

Дежурный переступил с ноги на ногу и поправил кобуру.

Отец продолжал:

— У него сидел еще один, весь затянутый в черную кожу. И говорит мне: «За каким же, блин, хреном ваш сын лезет на митинги?» А я ему: «А за каким, блин, хреном вы служите в милиции?» Он так: «По призванию!» А я ему: «Ну!»

— И скоро их выпустят? — спросила мамаша.

— Сказал, по мере оформления протокола. Не справляются они с задержанными. Много им привезли с площади. И чего было столько к нам напихивать, сказал он. На голову буквально. Те привезли и уехали. А нам всю ночь отдуваться.

— Бред какой-то,— уныло сказала Варвара.

Тем временем в предбанник стал набиваться народ — родственники арестованных и те участники митинга, кого не взяли. Некоторые имели на лицах следы рукоприкладства с кровоподтеками. Время от времени народ обращался к понурому Семену с требованием взять воду для заключенных, оттуда звонят, что хочется пить. Тот бубнил свое «не положено».

Варвара одела детей, взяла на плечи засыпающего Саню, и они пошли прогуляться. Их встретила холодная, с редкими снежинками, ночь. Варвара чувствовала, что сил уже не остается. Дети ныли. Но уйти почему-то было нельзя.

Вскоре ребята запросились в туалет, так и так пришлось вернуться, и Семен пропустил их за барьер.

Народу в отделение набилось много. Судя по тихим разговорам, там стояли уже опытные бойцы, многие прошли через аресты и мордобитие.

— Скоро их должны выпускать,— сказал один парнишка с троцкистской бородкой.— Причем протоколы все вообще какое-то фуфло. Зачем тут их заполняют, непонятно. Причем безграмотно, судя по всему. Судьям бумажки приходят, суды не принимают, отправляют обратно, чтобы оформили правильно. Отделения милиции просто завалены бумажками. Кто этим будет заниматься, у них что, своей работы нет? Тут убивают на улицах просто так, грабят, насилуют, квартиры обворовывают, а менты сидят, в протоколах путаются, потому что ОМОН хватается честных людей на улицах.

И вдруг в глубине открылась дверь, и вышла радостная женщина. Она подошла к барьеру, оперлась о него одной рукой, а другую подняла:

— Не слышу аплодисментов!

Ей радостно захлопали, а потом окружили с распросами.

— Ой, да там одна девка в фуражке пришла, сидит, заполняет протоколы. Уже, видимо, отпраздновала, еле можаху. А нас в камере семнадцать. Не знаю, сколько в другой. Это надолго.

Тут Ванин отец, посоветовавшись с женой и прихватив дочь, исчез.

И в полночь под крик Семена «не положено» по низкому потолку милицейского предбанника застучали пробки от шампанского. Вероника с отцом принесли бутылку, что называется, квантум сатис. Сколько смогли. И в пластиковые стаканчики полилась пенная жидкость неизвестного происхождения... То есть известного, из киоска.

Иван появился на свет божий, другими словами, вышел на волю, вторым.

Он явно чувствовал себя неловко, что его так быстро выпустили (и отец тоже понимал свою вину, он, видимо, ввернул там, наверху, про трех малолетних малышей). Варвара подхватила детишек и вышла на воздух. За ней выбрались остальные. Все перецеловались с Варварой (кроме Ивана), распрощались. Мама Ивана зорко на это дело смотрела. А он взял у Варвары спящего Саню и посадил себе на плечи. Тут Иванова мамаша кивнула, глубоко вздохнула и уволокла семью в переулок.

Варваре и Ивану пришлось долго тащиться пешком до метро, они пробирались через грохочущую взрывами Москву (петарды и ракеты возносились по дворам, огнепоклонники и пироманы явно избегали орудовать на улице).

И в конце концов семейка вышла на ярко освещенную Пушкинскую площадь,

Шел мокрый снежок.

Вверх по Тверской от Манежа валила присмирившая пьяная толпа довольно-таки замерзших людей (поднятые плечи, опущенные подбородки, руки под

мышками и в карманах). Причем шли они как-то порознь, не компаниями — создавалось такое впечатление, что в этом потоке брели преимущественно одиночки и что они справили Новый год где хотели — не сами по себе, по норам, а на людях, там они братались, наливали из припасенных бутылок соседям, все вместе и всласть кричали свое «ура», причем стоя в самом центре Москвы, в сердце России, у кремлевских стен, под звон курантов, плечом к плечу, в восторге.

— Смотри, у них ведь тоже был несанкционированный митинг тридцать первого числа, — вдруг сказала Варя, — что же их-то не арестовали?

— Некоторых арестовали, они уже нас знают, — отвечал Иван.

Люди брели мимо них. Теперь каждому пришла пора возвращаться домой, а это уже одинокая дорожка. И вела она далеко, потому что метро в центре стояло по традиции на замке.

Варвара и Ваня шли со спящими детьми на плечах, старшую вели за обе руки, она все время стремилась подпрыгнуть и повисеть на ходу (как раньше, когда ее тащили, бывало, отец и мать).

Ввалились домой, мамаша быстро помыла и уложила ребят, и тут набежали друзья, на кухне начался пир, Варя со смехом рассказывала о ментах и о преступниках, которые свободно ходят туда-сюда, их арестовывают, приводят и через час отпускают почему-то.

— Выпьем за Ивана, его ведь тоже отпустили, — закричали друзья.

Преступник Ваня, напившийся и наевшийся до отвала, хлопал глазами в углу кухни.

А Варя, вспомнив кое-что, ушла, полезла к себе в шкаф, потом прокралась в детскую и поставила у изголовья каждой кровати пакеты с подарками. Поцеловала детей и вернулась на кухню.

Ивана там не было.

Варвара быстро закончила делать селедку под шубой. Выставила ее на стол. Призадумалась. Гости на нее не смотрели.

Потом пошла в прихожую.

Куртка Ивана лежала там на стуле.

Варвара аккуратно приоткрыла дверь в санузел.

Пусто.

Оказалось, что Иван спит в ее комнате на полу, прямо на коврике под тахтой. И кот Пряник лежит на нем сверху, в районе шеи, и свободно топчет лапами его руку.

— Ну че, с Новым годом, преступник,— сказала Варя, сбегала за курткой, накрыла ею своего будущего мужа и вернулась к гостям.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Не садись в машину, где двое	5
Девушка Оля	26
Заечка и Алешка	38
Тамила	48
Леди	62
Воспитание чувств	67
Нет решения	78
Странная история мужа и жены	86
Бедный человек	96
Падение вниз	114
След на руке	129
Богиня. Физиологический очерк	139

ПЬЕСЫ И РАЗГОВОРЫ

Кому это нужно (<i>диалог</i>)	181
Интенсивная терапия (<i>разговоры</i>)	194
Голова отца, или Щаща (<i>монолог</i>)	203
Он в Аргентине (<i>пьеса</i>)	220
Гамлет, нулевое действие (<i>пьеса</i>)	277

НЫНЕШНИЕ СКАЗКИ

Подарок бабушки	319
Чарити	342
Львиная маска	368
Мырка и ее смех	396
С Новым годом, преступник!	423

Литературно-художественное издание

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ

**Не садись в машину, где двое
истории и разговоры**

Редактор *Любовь Алексеева*

Ведущий редактор *Екатерина Серебрякова*

Художественный редактор *Юлия Межова*

Технический редактор *Валентина Беляева*

Верстка *Ольги Савельевой*

Корректор *Валентина Леснова*

Подписано в печать 03.08.11

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 5000 экз. Заказ № 6733.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская область,

г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство Астрель»

129085, Москва, проезд Ольминского, 3а

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в «УЛЬЯНОВСКОМ ДОМЕ ПЕЧАТИ»,
филиале ОАО «Первая Образцовая типография»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ
рассказы о любви

любовь — это игра и ничего больше, она боится взаимности, преданности, любви загадку и пожные пути

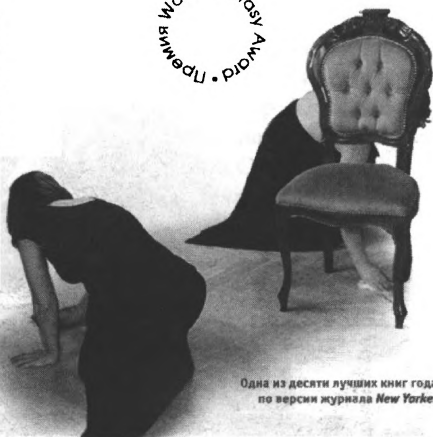
Эта книга Людмилы Петрушевской посвящена любви — вернее, она посвящена разным случаям любви, начиная от почти детской, безнадежной и вечной, и заканчивая любовью умной и мудрой, готовой ко всему, прощающей и спасительной. Писательница, судя по всему, знает множество историй, и иногда это почти что сказки со счастливым концом, а иногда они похожи на старые баллады, в которых бессмертной остается только любовь.

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ

жила-была
женщина,
которая
хотела
убить
соседского
ребенка

Премия World Fantasy Award

Захватывающе... Премудливо... Блестяще... В лучших традициях Гоголя и Достоевского
The Daily Beast

Одна из десяти лучших книг года
по версии журнала New Yorker

В сборник Людмилы Петрушевской вошли мистические рассказы, сказки и ужасные истории с ожившими мертвецами и чудесными спасениями. Этот цикл был опубликован в 90-х гг. под названием «Песни восточных славян». Их очень простой, можно сказать простонародный, слог ввел некоторых критиков в заблуждение, раздавались даже упреки, что надо было обработать эти городские «страшилки», этот сырой материал. Авторская мистификация, таким образом, удалась. (Первоисточником названия, разумеется, были гениальные «Песни западных славян» А. С. Пушкина, переложения «Гуслей» Проспера Мериме — в XIX веке весь просвещенный мир принял их за чистый фольклор.)

А в Америке книга вышла под другим названием (тем, что на обложке). Она стала бестселлером и принесла автору в 2010 г. главную мировую награду в области фантастической литературы — World Fantasy Award, Всемирную премию фэнтези.

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ
конфеты с ликером
(истории из жизни)

Пять прозаических произведений Людмилы Петрушевской впервые собраны под одной обложкой — от знаменитого маленького романа «Время ночь», в начале 90-х гг. вошедшего в шорт-лист Букеровской премии, и повести «Свой круг» (а эти тексты вышли миллионными тиражами и были поставлены как моноспектакли в России и за рубежом) до не столь известных вещей: ранней «Смотровой площадки», затем «Маленькой Грозной», семейной саги о самовластной царице домашнего улья, и «Конфет с ликером», остросюжетной повести про замысел абсолютного убийства, который был осуществлен, но не так, как задумывался.

**Людмила
Стефановна
Петрушевская**

родилась в Москве в 1938 г. Выпускница факультета журналистики МГУ. Начала писать в конце 60-х. За первыми публикациями рассказов и пьес (1971–1974) последовали годы вынужденного молчания — ее проза и драматургия были запрещены. Но премьеры восьми спектаклей на столичной сцене в начале 80-х и сборник прозы «Бессмертная любовь» (1988) принесли автору всеобщее признание читателей и критики. Перу писательницы принадлежит более пятидесяти книг. Это романы, сборники прозы, поэзии, пьес, сказок, мистических рассказов и эссе. На сегодняшний день Петрушевская, безусловно, ключевая фигура современной российской словесности. Ее произведения переведены более чем на 20 языков и получили широкое признание во всем мире. Она лауреат Государственной премии, премии «Триумф», международной Пушкинской премии, театральной премии Станиславского и др.

«Не садись в машину, где двое» — это, как ни странно, истории любви: ее взрывов, вспышек, угасающих искр, мощных потоков, чистых ручьев и грязных луж. В сборнике есть и комические сюжеты, и элементы фэнтези, а также экзистенциальные мотивы, которые при советской власти называли «чернухой», а на самом деле это просто учебник жизни... А уж странных и необычных поворотов в книге бездна (недаром автор, Людмила Петрушевская, известна как первый в России обладатель Всемирной премии фэнтези — World Fantasy Award).

ISBN 978-5-17-072665-3

АСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru